

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Забайкальский государственный университет»

На правах рукописи

Дутова Наталья Валерьевна

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ В КОММУНИКАТИВНОМ
ПОВЕДЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

специальность 10.02.19 – теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Любимова Л.М.

Чита - 2014

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Глава I. Теоретико-методологические основания гендерных исследований в лингвоантропологическом контексте.....	14
1.1. Лингвоантропологические исследования гендера.....	14
1.2. Отражение гендерных национальных ценностей в коммуникативном поведении.....	29
1.3. Национально-культурный аспект коммуникативного поведения гендерной языковой личности.....	44
Выводы по главе I.....	55
Глава II. Национальные особенности гендерного невербального коммуникативного поведения.....	58
2.1. Национальные особенности гендерного паравербального коммуникативного поведения.....	61
2.2. Национальные особенности гендерного кинесического коммуникативного поведения.....	66
2.3. Национальные особенности гендерного визуального коммуникативного поведения.....	71
2.4. Национальные особенности гендерного проксемиального коммуникативного поведения.....	75

2.5. Национальные особенности гендерного тактильного коммуникативного поведения.....	83
2.6. Национальные особенности гендерного хронемного коммуникативного поведения.....	90
Выводы по главе II.....	100
Глава III. Методика экспериментального исследования функционирования невербальных компонентов в речи.....	104
3.1. Аспектная модель описания гендерного невербального поведения в межкультурной коммуникации.....	104
3.2. Процедура проведения исследования.....	112
3.3. Описание и анализ результатов исследования на установление гендерной невербальной специфики на уровне лингвокультуры.....	114
3.4. Описание и анализ результатов исследования на установление гендерного невербального универсализма на уровне лингвокультуры.....	132
3.5. Описание и анализ результатов исследования на установление невербальной специфики на уровне гендерной языковой личности.....	135
3.6. Описание и анализ результатов исследования на установление невербальной универсальности на уровне гендерной языковой личности.....	167

3.7. Классификационная модель невербальных компонентов гендерного коммуникативного поведения.....	170
Выводы по главе III.....	271
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	273
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	277
БИБЛИОГРАФИЯ.....	314

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено гендерному аспекту невербального коммуникативного поведения языковой личности в межкультурной коммуникации. Основное внимание направлено на изучение комплексного взаимодействия невербальных компонентов, функционирующих в речи. Главной особенностью межкультурных исследований является малая, по сравнению с другими направлениями, разработанность вышеуказанной проблемы. В исследовании на микроуровне изучено универсальное и гендерно-специфичное невербальное поведение языковой личности. На макроуровне – правила и конвенции маскулинного и фемининного русского, английского и китайского невербального коммуникативного поведения.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами:

- антропологической направленностью исследования. В центре внимания находится коммуникация гендерной языковой личности в тесной связи со структурой её ментальности, когнитивной деятельностью, способами её взаимодействия с окружающим миром и с другими гендерными языковыми личностями. Антропологическая парадигма исследования позволяет увидеть взаимосвязь коммуникативного поведения языковой личности с национальной культурой.

- возрастанием значимости межкультурного взаимодействия людей и потребности в знании национальных особенностей поведения представителей лингвокультур. Вследствие того, что в процессе общения языковая личность воспринимает и оценивает коммуниканта с позиций собственной лингвокультуры, полагаясь на свой предыдущий опыт общения, эффективность межкультурного взаимодействия напрямую зависит от экстралингвистических знаний, а не только предопределяется владением языком;

- необходимостью выявления внутрикультурных особенностей совместного функционирования вербальных и невербальных компонентов в

естественной речи гендерной языковой личности – представителя определенной лингвокультуры. А также значимостью включения невербальных средств в исследовательское поле с целью установления норм адекватного невербального оформления речи и выработки принципов и моделей невербального сопровождения естественной речи.

Объектом исследования выступает функционирование невербальных компонентов в естественной речи.

Предмет исследования - национальная специфика и универсальность взаимодействия невербальных компонентов (кинестических, паравербальных, тактильных, проксемных, хронемных, визуальных) на уровне просодического ядра, синтагмы, фразы, текста, совместно функционирующих в естественной речи на уровне гендерной лингвокультуры и гендерной языковой личности.

Целью диссертационного исследования является выявление гендерных особенностей невербального коммуникативного поведения.

Для реализации поставленной цели были выдвинуты следующие **задачи**:

1) осуществить анализ теоретических проблем, связанных с изучением гендера, для выявления наиболее адекватного способа описания невербального поведения гендерной языковой личности;

2) описать гендерные особенности коммуникативного поведения на уровне гендерной лингвокультуры и гендерной языковой личности;

3) определить национальную специфику паравербального, проксемного, тактильного, визуального, кинестического, хронемного гендерного невербального поведения на материале исследуемых лингвокультур и гендерной языковой личности;

4) разработать методику экспериментального исследования соотношения невербальных компонентов, функционирующих в естественной речи;

5) выявить национальную специфику и универсальность соотношения невербальных компонентов, функционирующих в естественной речи на уровне лингвокультур, принадлежащих к разным гендерным типам;

6) установить специфику и универсальность соотношения невербальных компонентов, функционирующих в естественной речи на уровне гендерной языковой личности;

7) представить принципы классификационных моделей соотношения невербальных компонентов, функционирующих в естественной речи.

Цели и задачи работы обусловили применение общенаучных и частных **методов исследования**. Общенаучные методы синтеза, анализа, описания применяются в исследовании методологических подходов к изучению гендера, национальных особенностей изучаемых лингвокультур, гендерных особенностей коммуникативного поведения. Эмпирическим методом наблюдения установлены особенности проксемной, хронемной, тактильной, визуальной составляющих, а также установлена связь между просодическим ядром и изменениями в невербальном поведении мужчин и женщин – представителей русской, английской, китайской лингвокультур. Процедура статистического анализа позволила определить закономерность функционирования невербальных средств на уровне просодического ядра. Методом сопоставительного анализа были установлены специфика и универсальность гендерного невербального поведения на уровне лингвокультур и гендерной языковой личности. Прием классификации использовался для систематизации невербальных средств на динамичные, функционирующие на уровне просодического ядра, и статичные, работающие на более крупных сегментах. Ведущим частным методом исследования функционирования невербальных средств коммуникации в речи является семиотический анализ. Кроме того, лингвистический метод лексикографирования использован для изучения кинесического аспекта невербального коммуникативного поведения. Метод акустического анализа

звучащей речи применен в изучении просодии в рамках паралингвистического аспекта.

Теоретико-методологическим основанием данного исследования послужили концепции лингвокультурологии, семиотики. Наибольший интерес для нас представляют теория измерений культур G.Hofstede; типология организационной культуры E.Hall; гендерная антропологическая концепция M.Mead; гендерная лингвистическая теория D.Tannen; концепция невербальной семиотики Г Крейдлина; теория коммуникативного поведения И.А.Стернина; язык телодвижений A.Pease; теория языковой личности Ю.Н. Караулова; теория социальной языковой личности В.Карасика; концепция гендерной языковой личности А. Фомина; паравербальные исследования гендера В.Потапова, E.Aries, Дж.Коутс, Г.Лакофф, P.Trudgill, Е.Горошко, А.Кирилиной; кинесические исследования гендера Р. Бердуистела, П. Экмана; гендерные исследования визуального поведения Н. Кранах, М.Бутовской, Л.Коутс, Р. Экслейн; гендерные исследования тактильного поведения М.Бутовской, С.Махлиной, И.Стернина и др.; гендерные исследования проксемики Э.Холла, Г. Крейдлина, Л.Куликовой и др.; гендерные особенности хронемного поведения М.Бутовской, Льюис Ричард Д., Allan Pease; исследования коммуникативных ценностей русской и английской культур Т.Лариной; исследования китаеведов В. Малявина, Т.Задоевко, А.Девятова.

Материалом для исследования послужили аутентичные художественные фильмы жанра драма русских, английских и китайских режиссеров XX столетия. Драма в качестве исследуемого материала выбрана неслучайно. По словам польского кинодраматурга Кшиштофа Кесьлевского, кинодрама есть «подражание действительности с её действием и приостановкой, порядком и беспорядком одновременно, неупорядоченными сюжетными линиями. Жизнь есть повод и содержание кинодрамы одновременно, так как жизнь сама по себе драматична» [67:6-9]. Сюжет драмы основан на разных конфликтных, трудных в жизненном,

психологическом плане ситуациях для героев, где основное внимание направлено на их переживания. Это делает данный жанр приближенным к реальной жизни и наиболее подходящим для изучения невербального коммуникативного поведения. Таким образом, драма в исследовании выступает как источник информации о национально-культурных особенностях народа, его культурных традициях, повседневном поведении, коммуникации в широком смысле и в узком смысле - источник информации о специфике невербального поведения. Режиссер и актеры в исследовании рассматриваются в качестве среднестатистической языковой личности, носителя национального языка и культуры. В рамках исследования было изучено 7 русских, 7 китайских и 7 английских аутентичных фильмов - драм общей продолжительностью 36,5 часов, методом сплошной выборки выделено для анализа 462 сюжета, 2502 фонетических синтагмы (фонетическое единство, характеризующееся относительной смысловой завершенностью и функционирующее как самостоятельная структурная единица), 2502 просодических ядра.

Научная новизна исследования заключается в том, что в научный оборот введен новый материал для изучения невербального поведения на уровне лингвокультур и уровне гендерной языковой личности;

создана авторская модель описания гендерного невербального коммуникативного поведения;

разработана классификация невербальных средств с выделением динамичных компонентов, работающих на уровне просодического ядра, и статичных, функционирующих на уровне синтагмы, фразы, текста;

осуществлено сопоставление гендерных невербальных компонентов, функционирующих в речи русской, английской, китайской языковых личностей;

проведено сравнение гендерного невербального поведения трех лингвокультур, принадлежащих к разным гендерным типам;

впервые невербальное поведение исследовано на уровне лингвокультур и гендерной языковой личности.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Современная методологическая база парадигмы научного знания обеспечивает особое видение научного исследования, субъектом которого выступает не универсальный субъект, а гендерно обозначенный субъект - мужчина или женщина;

2. Национальные гендерные ценности лингвокультур обладают разной степенью выраженности и проявляются в коммуникативном поведении гендерной языковой личности по-разному;

3. Типовые ситуации паравербального, проксемного, тактильного, визуального, кинесического, хронемного гендерного невербального поведения во многом зависят от приоритета маскулинных или фемининных ценностей;

4. Разработанная аспектная модель позволила описать гендерное невербальное поведение в естественной речи в комплексе на уровне лингвокультуры и гендерной языковой личности;

5. Специфика невербального поведения в русской, английской китайской лингвокультурах состоит в наименовании предпочтительных невербальных компонентов, а также в частоте их использования;

6. Невербальное поведение гендерной языковой личности зависит от типа ситуации, социального статуса коммуникантов и канала связи;

7. Предложенная классификация компонентов невербального поведения по функциональному принципу позволила разделить невербальные компоненты на динамичные и статичные.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что разработанная автором аспектная модель описания невербального коммуникативного поведения способствует пониманию механизма комплексного выделения смыслового слова посредством просодии и невербальных средств в зависимости от типа ситуации, социального статуса

коммуникантов, канала связи, гендерных ценностей лингвокультур. Кроме того, разработанная классификация невербальных компонентов конкретизирует взаимодействие невербальных компонентов с целью выделения смыслового слова и оформления речевого высказывания. Более того, результаты исследования уточняют знания о специфике и универсальности функционирования невербальных компонентов в коммуникативном поведении языковой личности – представителя русской, английской, китайской лингвокультур - в сопоставительном аспекте и могут быть применены в межкультурной коммуникации, невербальной семиотике.

Практическая ценность данного исследования заключается в возможности использования его результатов в учебных курсах по межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, а также в лингвосемиотических экспериментальных исследованиях невербальных компонентов, функционирующих в естественной речи. Реферлируемая диссертационная работа может способствовать обогащению данных лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, семиотики, антропологической лингвистики, гендерных исследований в области сопоставительного изучения невербальных компонентов.

Апробация исследования. Содержание и основные положения реферлируемой диссертации докладывались и обсуждались на международных и всероссийских научных конференциях «Кулагинские чтения» (Чита, 2009 - 2012); «Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность–IV» (Улан-Удэ, 2010); «Россия-Китай: развитие регионального сотрудничества в XXI веке» (Маньчжурия – Чита, 2010); I-м междисциплинарном научном симпозиуме с международным участием «Социальная теория и антропологические вызовы XXI века: социальная антропология в научных и образовательных практиках современного общества» (Чита, 2010); на межвузовском методическом семинаре «Теория и практика преподавания востоковедных дисциплин» (Улан-Удэ, 2010); III-ей международной научной конференции «Актуальные проблемы и

современное состояние общественных наук в условиях глобализации» (Москва, 2011); II-й международной научно-практической конференции «Русский язык в современном Китае» (Чита – Хайлар, 2012); VIII-й международной научной практичной конференции «Будущие исследования» (София, 2012); X-й всероссийской научно-технической конференции (Вологда, 2012); 1st International Scientific Conference «Science progress in European countries: new concepts and modern solutions» (Germany, Stuttgart, 2013). По материалам исследования опубликована монография, 19 статей, в том числе четыре статьи в изданиях списка ВАК.

Структура и объем работы. Поставленная цель и задачи исследования определили содержание и структуру работы. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемой литературы и шести приложений.

Во введении формулируются цели и задачи исследования, излагаются аргументы, свидетельствующие об актуальности и новизне работы, определяется объект и предмет исследования, выделяются основные черты работы, обусловившие ее теоретическую и практическую значимость, перечисляются положения, выносимые на защиту.

В первой главе анализируются теоретико-методологические основания гендерных исследований в лингвоантропологическом контексте. Внимание направлено на лингвоантропологические исследования гендера; гендерные коммуникативные ценности исследуемых лингвокультур; национально-культурный аспект коммуникативного поведения гендерной языковой личности.

Вторая глава посвящена национальным особенностям гендерного невербального коммуникативного поведения, в частности роли невербальных компонентов в системе гендерного коммуникативного поведения; национальным особенностям паравербального, проксемного, тактильного, визуального, кинесического, хронемного гендерного невербального коммуникативного поведения.

В третьей главе разработана методика экспериментального исследования соотношения невербальных компонентов в речи. Данная глава содержит описание аспектной модели гендерного невербального поведения в межкультурной коммуникации; процедуру проведения исследования; анализ результатов исследования на установление гендерного невербального универсализма и специфики на уровне лингвокультур; анализ результатов исследования на установление гендерного невербального универсализма и специфики на уровне гендерной языковой личности; классификационной модели невербальных компонентов коммуникативного поведения.

В заключении подводятся итоги теоретического и практического изучения особенностей гендерного невербального поведения в аспекте межкультурной коммуникации, обозначаются возможные направления дальнейшего исследования в области заявленной проблематики, определяются возможные сферы практического применения результатов исследования.

Список использованной литературы включает 258 наименований работ отечественных и зарубежных авторов.

Приложение включает результаты исследования кинесического, визуального, тактильного, проксемного, хронемного, паралингвистического невербального поведения на уровнях лингвокультуры и гендерной языковой личности; обобщенные статистические данные использования невербальных средств в речи; результаты акустического анализа; графики анализируемых речевых отрезков; таблицы взаимодействия просодического ядра и фонетической синтагмы с невербальными компонентами.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЛИНГВОАНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

1.1. Лингвоантропологические исследования гендера

В настоящее время большую популярность приобрело новое междисциплинарное направление – гендерные исследования. Данная область знания в центр изучения помещает проблему социальной дифференциации по признаку пола. Новизна гендерного подхода заключается в утверждении положения о том, что гендер не природная данность, а продукт культуры. Учитывая имеющиеся теоретические противоречия отдельных концепций, в целом гендерный подход допускает, что различия в мужском и женском поведении и восприятии обусловлены не столько их физиологическими характерными чертами, сколько воспитанием и общепринятыми в каждой культуре понятиями о природе мужского и женского. В качестве дисциплинарной матрицы анализа проблемы пола выступают гендерные исследования – «теория, методология и практика междисциплинарного изучения общества и культуры на основе гендерного подхода» [1], целью которых является изучение социальных и культурных способов реализации биологического пола.

В данном параграфе рассмотрены теоретико-методологические предпосылки становления гендерных исследований в лингвоантропологической парадигме с целью методологического обоснования выделения гендерного невербального коммуникативного поведения в межкультурной коммуникации, исследующей отражение специфики гендера во взаимодействии невербальных средств в естественной речи.

Осознание историчности и относительности понятия пола человека пришло в XX веке. Интенсивное становление гендерных исследований на Западе происходило одновременно с формированием новой философии науки – на первых порах благодаря теории постмодернизма, а также поиску

новой эпистемологии в научном направлении о языке. Новая, постмодернистская концепция западной гуманитарной науки перевернула представление о понятии «пол», считавшемся биологически детерминированной данностью. Так, наряду с традиционным понятием «пол», обозначающим определенный набор физиологических особенностей организма, в 70-х годах XX века появился новый подход к проблеме половых различий, нашедший свое отражение в понятии «гендер», обозначающий социальный пол, то есть набор социально приписанных мужских и женских ролей.

Прежде всего, обратимся к истокам гендерных исследований. Общественно-политическим контекстом зарождения гендерных исследований стало движение политического феминизма за права женщин. Несомненно, феминизм внес весомый вклад в создание современной модели человека, однако данный факт больше состоит в возбуждении интереса к вопросам пола. Сегодня общепризнанным является положение о том, что гендерные исследования перешли в самостоятельное научное течение под влиянием теории постструктуралистов. Ключевыми работами общеметодологического и междисциплинарного характера, оказавшими существенное влияние на становление гендерной теории вообще и в лингвистической теории в частности, являются труды следующих постструктуралистов: антропологические исследования М. Мид (1927 - 1970), концепция женской субъективности как другого С. де Бовуар (1949), теория социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана (1966), этнометодология Г. Гарфинкеля (1967), концепция желания Ж. Делёза (1972), концепция тела М. Фуко (1976), концепции Ю. Кристевой (1974, 1981, 1982), Ф. Лиотара (1979, 1983), концепция андрогинии С. Бем (1981, 1993), концепция перформативной субъективности Джудит Батлер (1990, 1993), концепция номадической субъективности Р. Брайдотти (1994), теория создания и контроля гендера в рамках социального порядка К. Уэста и Д. Зиммермана (1997), концепция пола как «маскарада» практик и знаков, лингвистические аспекты структуры бессознательного Ж. Лакана (1997),

теория драматургического интеракционизма И. Гофмана (1997), теория социальной стратификации Дж. Хубер (2000). Постструктурализм ставит во главу угла идею различия и множественности, антиэссенциалистский метод, утверждающий множественность идентичности, противоречивый и децентрированный мужской и женский опыт, где различие не относится к каким-то конкретным группам людей, а обозначает множественность центров власти, интерпретаций реальности, значений слов. Этот тезис имеет важное значение в развитии гендерной теории. Постструктуралисты перенесли акцент с изучения женского вопроса на диалог, на взаимодействие между полами с учетом психологических, биологических, социальных и культурных особенностей. Иными словами постструктуралисты совершили переход от анализа патриархата и специфического женского опыта к анализу гендерной системы, в которой особое место занимает язык.

По мнению постструктуралистов, именно язык конструирует реальность. Вне структур языка реальность недоступна для человеческого познания. Представления человека о мире не могут выходить за пределы языка, а то, что воспринимается им как реальность, в действительности – социально лингвистически созданный феномен. Следовательно, пол, хоть и является чисто биологическим явлением, приобретает социальную и культурную значимость. Пол не просто фиксируется в языке, но оценивается с точки зрения культуры и интерпретируется как культурная норма. Иными словами, язык не только фиксирует стереотипы фемининности и маскулинности, но и является способом, образующим стереотипные понятия. Согласно гендерной теории, язык устанавливает границы анализа пола и гендера в пределах доминирующего культурного дискурса. Образованные границы обнаруживаются в виде языка универсальной рациональности, вынося за пределы все другие типы субъективации. То, что считается естественным и додискурсивным в той или иной культуре, в действительности создано дискурсом, культурой, языком. А это означает, что существуют многочисленные возможности конструирования полов. Такой

взгляд соответствует постструктурализму и является методологическим основанием развития иных способов понимания языка в гендерных исследованиях. Рассмотрим более подробно основные направления становления и развития гендерной лингвистики.

Первоначально главной целью гендерные теоретики ставили критику патриархатного сознания в языке, устраняющую языковую дискриминацию образа женщины, языковую реформу, а также сглаживание гендерных языковых ассиметрий. Если в классической философии язык не являлся специфическим философским вопросом и находился между вещами мира и рациональным содержанием, общим для всех познающих субъектов и приближался либо к одному полюсу, либо к другому, то в постструктурализме язык теряет свои полюса и ставится в центр философского анализа. Теоретики постструктурализма Ж. Деррида (1967), Ж. Делёз (1972), Ю. Кристева (1974, 1981, 1982), М. Фуко (1976), Ф. Лиотар (1979, 1983), сделали попытку обосновать взаимосвязь индивидуального и общественного сознания от языковых стереотипов. Согласно концепциям вышеупомянутых исследователей, социальные явления представляют собой специфические языковые практики, по отношению к которым субъект всегда остается пассивным. В сознании каждого индивида зафиксирована некоторая совокупность текстов, устанавливающих отношение человека к действительности, его поведение. Эти тексты определяются дискурсивной практикой, то есть способом говорения в обществе о чем-либо, включающим оценочность и имеющим иерархию. Понятия «дискурс» и «идеология» принципиально не отличаются. «При этом идеологические и дискурсивные практики функционируют автономно, а любая идеологическая система и любой дискурс заведомо искажают реальность, так как основываются на системе ценностных ориентаций, определяющих приоритеты носителя любой идеологии. Исходя из этого, постструктуралисты приходят к выводу, что формирование как отдельной личности, так и всей нации зависят от сложившихся в обществе дискурсов, а идентичность личности носит

сконструированный характер, она не отражает реальность, а оформляет ее. Индивид объявляется не свободным, автономным рациональным субъектом, а «скорее полем», на котором различные дискурсивные практики вершат свою работу по созданию смыслов» [101].

Постструктуралистская критика противостояла репродуцирующим иерархию языковым структурам. Методологической основой этой критики считается концепция Ж. Деррида (1967) против традиционных стереотипов мышления в сторону утверждения феноменов «инаковости» в культуре. Ж. Деррида критикует метафизику и традиционную культуру как «лого- фалло- фоно- онто- телеоцентрическую», т.е. делающую установки на приоритет мужского, рационального, абсолютного и вытесняющую все иное, другое, женское, иррациональное, относительное за рамки реального многоголосия текстов культуры.

Наиболее общая критика языка с постструктуралистской точки зрения выражена в статье Д. Спендер «Мужчина создал язык» [131:759 - 775]. По мнению автора, язык и действительность связаны друг с другом. Областью взаимодействия языка, мышления и действительности являются человеческая способность к символизации и использованию символов. Действительность не может быть познана такой, какая она есть на самом деле, потому что человеку доступны только символы, имеющие свои ограничения и представляющие собой ограниченные языком представления. Язык формирует мысли и не является нейтральным. Следовательно, человек не способен объективно воспринимать мир. Для описания окружающего мира он нуждается в системе классификации. Однако через систему классификации и язык человек видит только определенные, произвольно выделяемые вещи. Д. Спендер утверждает, что все, что видит человек в окружающем мире, в большинстве зависит от закодированных в языке принципов. И один из таких принципов – принцип сексизма, а в этом случае вся наблюдаемая действительность будет носить сексистский уклон. Так как, по мнению Д. Спендера (1986), только мужчины обладают властью называть

и создавать мир, значит, только они имеют власть определять структуру языка и создавать стереотипы, что мужественность - позитивна, а женственность – негативна [131:759-775]. Д. Спендер указывает на существование альтернативы. Имея другую изначальную установку, женское поведение можно назвать позитивным, а мужское – негативным. Все зависит от того, кто имеет власть называть мир. При наличии альтернативы носители языка могли бы использовать те имена, которые лучше отражают их интересы. У них был бы выбор, как назвать женщину – социально зависимой или контекстуально осведомленной, что могло бы свести к минимуму ошибочность, которая присуща обоим определениям в отдельности. Именно к такой альтернативе, как представляется, призывают Ю. Кристева (1974, 1981, 1982), Л. Иригарэ (1980, 1985), Э. Сиксу (1980, 1990), предлагая свою концепцию «женского письма» как децентрации системы традиционных текстовых значений, как «места, в котором женщина обретает себя», как утопического выразительного женского языка, противоположного рациональному мужскому.

Пытаясь обосновать свой тезис о том, что язык создает субъективность, а не наоборот, Дж. Батлер (1990, 1993) обращается к критическому анализу языка и дискурса. Она исследует к дискурсивной природе идентичности и отрицает существование «преддискурсивного я» в ее структуре. Гендер не есть выражение некой внутренней сущности, а есть ее постоянное создание, вне которого сущность не существует. Она не стабильна, а постоянно воссоздается. Говоря иными словами, гендерная идентичность – это не то, чем вы являетесь, а то, что вы делаете и как вы себя ведете. Обращаясь к феминистской критике языка, Дж. Батлер [178] замечает, что недостаточно просто исследовать, каким образом женщины могли бы быть лучше представлены в языке и в политике, а следует понять, как сама категория «женщины» производится и ограничивается теми же структурами власти, при помощи которых добиваются эмансипации. В этом смысле феминизм сам конструирует своего субъекта – женщину. Дж. Батлер [там же]

не соглашается с феминистской критикой языка, провозглашающей язык средством уничтожения женщин в культуре, женщин, которые существуют до языка. Сама категория «женщины» (как и «мужчины»), считает Дж. Батлер [178], производна от дискурса. Поэтому цель исследований языка не в том, чтобы изменить отношение к женщинам посредством влияния на язык, а в том, чтобы показать, что вне языка женщин и мужчин как таковых не существует. По мнению Дж. Батлер [там же], язык создает не только гендер, но и биологический пол. Именно язык конструирует понятия «пол» и «гендер» и одновременно очерчивает их пределы, в рамках которых тело воспринимается как пассивная среда, на которую накладываются культурные значения. Но на самом деле «тело» само по себе является конструкцией так же, как и бесчисленные «тела», образующие область гендерно сконструированных субъектов. Ошибочно утверждать, что тела обладают значимым существованием, которое бы предшествовало признаку их культурно сконструированного пола [178].

Помимо постструктурализма, на развитие гендерной проблематики в языке оказала влияние феминистская лингвистика, продолжающая существовать по сей день как критика языка. основополагающим трудом феминисткой критики языка является работа Р. Лакофф «Язык и место женщины» (Lakoff, 1975). Обладая ярко выраженным полемическим характером, данное исследование содержит обоснования андроцентризма языка, разработку лингвистической методологии, а также попытку реформирования языка и устранения в нем сексизма [216]. Стремление феминистской лингвистики трансформировать не только нормы языка, но и саму языковую систему, вызвали широкую междисциплинарную дискуссию, которая способствовала возникновению гендерных исследований в лингвистике. В феминистской лингвистике выделяется два направления. Первое направление связано с выявлением сексистских асимметрий в системе языка, обращенных против женщин. Второе направление определяют исследования специфики коммуникации в однополых и смешанных группах.

Исследователи первого направления О.В. Колосова (1996), Д. Камерон (1985) основываются на гипотезе Сепира-Уорфа: язык не только продукт общества, но и средство формирования его мышления. Исходя из того, что в языке зафиксированы патриархатные стереотипы, навязывающие носителям языка определенную картину мира, в которой женщине отводится второстепенная роль, представители этого направления исследуют, как образы женщин обозначаются в языке, в каких семантических полях представлены женщины и какие коннотации сопутствуют этому представлению.

Представителями второго направления являются Дж. Пенелоп (1990), А. Дворкин (2000) и др. В основе данного течения лежат исследования, полагающие, что на базе патриархатных стереотипов, зафиксированных в языке, формируются отличные друг от друга мужская и женская стратегии речевого поведения. Особенностью феминистской лингвистики является то, что данная область научного знания в центр внимания помещает проблему мужского и женского языкового поведения, задачу изучения языковых средств, посредством которых образы мужчины и женщины фиксируются в системе языка, вопросы ассиметрии в языке при обозначении лиц. Необходимо отметить, что выбор определенной формы обозначения лиц человеком в процессе употребления языка интерпретируются как демонстрация языковой дискриминации женщин и соотносятся с уровнем общественной дискриминации. Феминистская лингвистика отрицает проявление языкового сексизма как данность и ведет поиск альтернатив, которые бы отвечали принципу языкового равноправия женщин и мужчин.

Таким образом, под влиянием идей постструктурализма и феминистской критики языка в лингвистике оформилось новое направление – гендерологическое. Гендерные исследователи направили внимание на неравномерную и иерархическую представленность в языке разнополых лиц. Поэтому их задачей становится изучение зафиксированных в языке стереотипов фемининности и маскулинности, гендерных ассиметрий, изучение особенностей мужского и женского речевого поведения, а также

создание нового языка, в котором нет центральных понятий, основывающих иерархию.

Современная гендерная методологическая база обеспечивает особое видение научного исследования, субъектом которого выступает не универсальный (в истории это, как правило, был мужчина) субъект, а гендерно обозначенный субъект - мужчина или женщина. И, тем не менее, современный этап развития гендерной мысли характеризуется отсутствием единой теории. Основой методологии современной гендерологии современные исследователи Hirdman, 1991; Giddens, 1994; Rubin, 1994; Фомин, 2004; Рябов, 2000 выделяют теорию социальной конструкции гендера и теорию гендерной системы. Теория социальной конструкции анализирует динамическое измерение гендерной культуры – процесс её создания и воспроизводство в процессе социализации. Теория гендерной системы во главу угла ставит гендерное измерение социальной структуры общества. Наличие многочисленных трактовок понятия «гендер» и дискуссионность определения данной категории также являются современными гендерными особенностями. Как утверждает А.В. Коногорова А.В. (2012), в последнее время гендер рассматривается как целый комплекс понятий. Важно то, что данный факт необходимо интерпретировать не как недостаток, а как особенность самого понятия «гендер» [78]. И это естественно, будучи в центре междисциплинарной научной парадигмы, гендерные исследования выделяются разнообразием методов и подходов, следовательно, оперировать каким-то одним определением не представляется возможным. Антропоцентрическая направленность гендерных исследований является наиболее перспективной на сегодняшний день. В центре внимания таких исследований стоит человек говорящий, слушающий, делающий, думающий, реагирующий. И всякий раз, взаимодействуя с новым антропоцентрическим направлением, «гендер» обретает дополнительные специфические характеристики.

Таким образом, гендер представляет собой сложную «систему межличностного взаимодействия, посредством которой создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального порядка» [68], культурного порядка с учетом природных особенностей. Поэтому гендер не является перманентным статусом. Он требует постоянного исполнения и подтверждения, постоянного произведения и воспроизведения в каждодневных коммуникативных ситуациях. В рамках данного исследования основополагающими понятиями, входящими в современную концепцию гендера, являются: биологический пол, гендерная система, маскулинность/фемининность, гендерный тип лингвокультуры, гендерные коммуникативные ценности, гендерная идентичность, гендерный дисплей.

Термин «биологический пол» описывает биологические различия между людьми мужского и женского пола, это совокупность хромосом и гормонов, заданных природой [237]. Согласно глоссарию Московского центра гендерных исследований, «гендерная система» – «совокупность социальных институтов, культурных норм и идеологии, определяющих поведение, роли, взаимодействие и сознание людей в зависимости от их пола» [238]. «Маскулинность/фемининность» - это совокупность социальных представлений, установок, характеристик поведения и предписаний о том, что в данной культуре предписывается мужчинам/женщинам. «Гендерный тип культуры» расценивается как культура, которая характеризуется выраженностью и значимостью ценностей маскулинного или фемининного порядка. Под «гендерными коммуникативными ценностями» понимается социально и культурно обусловленная система основных жизненных ориентиров, моделирующих коммуникативное поведение культурно-языковых личностей обоих полов, приобретаемых в процессе воспитания и существующих на бессознательном уровне. «Гендерная идентичность» трактуется как идентичность, устанавливаемая на основании распознавания субъектом познания и коммуникации признаков, условно и конвенционально

закрепленных в соответствующей культуре за определенным социальным полом [41:304]. «Гендерный дисплей» представляет возможность определять собеседника как мужчину или женщину.

В отечественном научном дискурсе исследования гендера осуществляются в самых разных областях лингвистики и смежных с ней дисциплин, а также на различных языковых уровнях. Согласно А.В. Кирилиной (1999), гендер в лингвистике выступает общенаучной категорией, принципы гендерного подхода применимы к лингвистике, однако должны реализовываться посредством лингвистических научных методов. Кроме того, необходим учет того, что гендер – продукт развития культуры и социума. Он институционализован и ритуализован, а, следовательно, релятивен и конвенционален.

Наибольшую популярность среди современных отечественных исследователей гендера приобрели разные подходы: культурологический, психологический, социологический. В рамках психолингвистического подхода гендер рассматривается как социальный компонент психолингвистической модели поведения. В исследованиях подобного рода рассматривается зависимость культурно-исторического развития социума от специфики познавательных процессов и социального поведения, обусловленных психосоматическими и, как следствие, психическими особенностями мужчин и женщин [156:18]. Лингвокультурологическое направление в изучении гендера ведет работу по изучению специфики стереотипов фемининности и маскулинности в языковом сознании и их функционирование в языке, исследования особенностей отображения языком культурных концептов «мужественность» и «женственность», межкультурной коммуникации, гендерной метафоры, проводятся сопоставительные исследования на материале русского и других языков. Лингвокультурологические исследования В.Н. Телия (1996), Н.В. Уфимцевой (1996), А.В. Кирилиной (1999), Г.Г. Слышкина (2004) и др. показывают, что российскую лингвистику гендер интересует в плане более широкого

исследования ментальности, этнокультурной специфики. Развитие научной мысли социолингвистической направленности развивается в трех направлениях: гендер как социальный конструкт, гендер как стратификационная категория, гендер как культурная метафора. В рамках социального конструирования гендер понимается как организованная модель социальных отношений между мужчиной и женщиной, которая определяет их социальные отношения в основных институтах общества. Данное направление базируется на двух факторах. Во-первых, предполагается, что гендер создается посредством социализации, разделения труда, системы гендерных ролей и т.д. Во-вторых, он конструируется как самими людьми на уровне их сознания (то есть гендерной идентификации), так и принятия заданных норм и ролей и соответствующего «подстраивания» под эти нормы и роли [31:103]. В стратификационной теории принято считать, что гендер - комплексная технология, которая в процессе нормирования определяет субъект как мужской или женский и пересекается с другими нормативными переменными, например раса и класс. В ходе этого процесса воссоздается и перераспределяется система власти и подчинения [31:103]. В рамках интерпретации гендера как культурной метафоры под ним понимается сложный социокультурный процесс конструирования обществом различий мужских и женских ролей, поведения, ментальных и эмоциональных характеристик [31:103].

В исследованиях языка и коммуникации отечественные лингвисты изучают маскулинность (Синельников, 1990), гендерный аспект перевода (Бурукина, 1999), языковую социализацию индивида, в частности общение в семье (Стернин, 2000), гендерную модификацию выбора языковых средств и форм общения, стратегий и тактик коммуникации (Коноваленко, 2003), паралингвистические элементы общения, исследуют письменную речь мужчин и женщин (Горошко, 2005), гендерную языковую личность (Фомин, 2004) и др. Согласно Е.С. Бадмаевой (2010), одним из последних достижений отечественных лингвистических гендерных исследований является

системный подход, где гендер изучается на «микроуровне (гендерные предпочтения в использовании речевых средств в контексте коммуникативной ситуации и тактик общения); на макроуровне (уровне более широкого социокультурного контекста, связанного с соблюдением определенных правил и конвенций); на метауровне (уровне когнитивной базы говорящих, в которой присутствуют гендерные и иные стереотипы, преломленные культурной традицией)» (Е.И. Горошко, А.Н. Саенко Гендер и жанр (попытка рефлексии). С. 127) [6:19].

Кроме того, все большую актуальность приобретают исследования гендерного невербального поведения, а также вопросы взаимодействия вербальных и невербальных средств в коммуникативном акте гендерной языковой личности. Основополагающим исследованием данного направления считаем труды Г.Е. Крейдлина «Невербальная семиотика и её соотношение с вербальной», 2002; «Мужчины и женщины в невербальной коммуникации», 2005. По мнению автора, в исследованиях, касаемых гендерного невербального поведения, речь должна идти не о мужских и женских жестах, мимике, позах, а о мужском и женском стилях невербального поведения, которые могут быть свойственны людям обоих полов, хотя считается, что в норме стиль невербального поведения соответствует полу человека [81]. В целом, несмотря на возросший интерес к проблеме функционирования гендерно-маркированных невербальных средств в естественной речи, количество исследовательских работ остается незначительным. Так, А.В. Кирилина в работе «Гендер: лингвистические аспекты» (1999) рассматривает «гендерное невербальное коммуникативное поведение» как «конвенциональные нормы, правила и традиции общения, выражаемые в акте коммуникации знаковыми невербальными средствами» [66:14]. В.И. Карасик в исследовании «Язык социального статуса», 2002 анализирует некоторые вопросы влияния гендера на мужское и женское невербальное поведение в зависимости от социального статуса. Л.М. Бутовская в труде «Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-

культурные основы невербальной коммуникации человека)», 2004 затрагивает вопросы гендерных различий в пространственном поведении. Гендерное невербальное коммуникативное поведение политических лидеров определенной национальной культуры рассмотрено Грейдиной, 1996. Исследовательская работа Тарасовой, 2006 направлена на выявление гендерных предпочтений использования невербальных средств, сопровождающих речевые акты, и в рассмотрении реагирующего поведения адресата (мужчин/женщин) в различных типах коммуникативных ситуаций.

Таким образом, в период глобализации и многополярности мира вопросы культуры и коммуникации во всем их этническом многообразии получают интерпретацию с точки зрения гендера. В центре внимания находятся социальные и культурные факторы, детерминирующие отношения культуры и общества к мужчинам и женщинам в разных лингвокультурах, поведение индивидов и их взаимодействие в зависимости от принадлежности к мужскому или женскому полу, а также к той или иной лингвокультуре, стереотипные взгляды о мужских и женских качествах в разных лингвокультурах, коммуникативные ценности в лингвокультурах, принадлежащих к разным гендерным типам и т.д. Принцип межкультурной коммуникации распространен на гендерные отношения в исследованиях Mead (1949); Maltz, Borker (1982); Tannen (1990). Проблема речевого поведения женщины рассмотрена Р. Лакоффом (1975). Этнокультурная ментальность, связанная с темой гендера, исследована Л.М. Дробижевой (1987), Е.А.Здравомысловой (1988), И.С. Коном (2001), Ю.М. Лотманом (1992) и др. Гендерному аспекту межкультурной коммуникации посвящены работы лингвистов-гендерологов Gunthner, Kotthoff (1991); А.В. Кирилиной, М.Д. Городниковой (1999); И.И. Халеевой (2000); Е.И. Горошко (2005). Неоценимый вклад в развитие гендерной парадигмы межкультурной коммуникации внесла теория культурных измерений Hofstede [164]. Гендерные аспекты языка в межкультурном сравнении представлены трудами Е.Ф. Тарасова (1992); В.Н. Телия, Н.В. Уфимцевой (1996); А.В.

Павлоцкой (1998); С.Г. Тер-Минасовой (2000); А. Вежбицкой (2001); О.А. Леонтович (2002). Социально-философский анализ гендерных аспектов межкультурной коммуникации представлен работами О.В. Рябова (2000).

Сегодня эта весьма популярная область знания объединяет самые разнообразные научные области знания, базирующиеся на антропологической парадигме, так или иначе касающиеся социального производства пола – социологию, психологию, антропологию, культурологию, философию, лингвистику, и др. Не имея четко выраженной методологической доминанты, гендерные исследования затрагивают широкий круг проблем, связанных с вопросами пола, личности, общества в целом, а также всеми сферами общественной жизни – политики, семьи, образования, межличностных, межкультурных отношений. Будучи антропоцентрическим направлением, гендерные исследования во главу угла ставят взаимодействие людей в зависимости от принадлежности к мужскому или женскому полу, а также к той или иной лингвокультуре. Подобное взаимодействие осуществляется при единстве вербальных и невербальных действий, определяемом в науке как коммуникативное поведение. Отражение гендерных национальных ценностей в коммуникативном поведении рассматривается в следующем параграфе.

1.2. Отражение национальных ценностей в коммуникативном поведении: гендерный аспект

Данный раздел посвящен вопросам отражения гендерных национальных ценностей в русском, английском, китайском коммуникативном поведении. Прежде всего, необходимо остановиться на теоретическом аппарате, описывающем коммуникативное поведение и коммуникативные ценности в аспекте межкультурной коммуникации (далее МКК).

На современном этапе развития антропоцентрической лингвистики и межкультурной коммуникации возник повышенный интерес к вопросам межкультурного понимания, национальной самобытности, этнической и национальной специфики коммуникативного поведения. Как утверждают И.А. Стернин, Т.В. Ларина, М.А. Стернина (2003), фактов выявления национальной специфики коммуникативного поведения разных лингвокультурных общностей накоплено множество, однако эти факты не систематизированы, поскольку отсутствует терминологический аппарат такого описания, нет модели описания, не представлены методы и приемы исследования коммуникативного поведения [133:6]. Тем не менее, как утверждают ученые (Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А., 2003), в настоящее время в коммуникативной лингвистике исследования по коммуникативному поведению различных наций и народов появляются во все возрастающем количестве. Основными задачами подобных исследований выступают развитие научных понятий о коммуникативном поведении как о неотъемлемой части культуры, элемента национального поведения лингвокультурной общности; формирование терминологического аппарата изучения коммуникативного поведения; установление методов и приемов исследования и описания коммуникативного поведения народа; создание моделей описания коммуникативного поведения лингвокультурной общности; подтверждение применимости созданной модели к описанию основных характеристик коммуникативного поведения той или иной

лингвокультуры; практическое описание коммуникативного поведения различных народов в лингвокультурологических и дидактических целях [133:7].

Существенный вклад в осмысление и развитие теоретического аппарата коммуникации оказала американская школа культурной и лингвистической антропологии, социальная и кросскультурная психология, этнология, коммуникативистика (Е.Т. Hall, 1959 - 1990; F.R. Kluckhohn, F.L. Strodbeck, 1961; W.B. Gudykunst, 1983 - 1988; Н.С. Triandis, 1994; J.D. Gumperz, D. Hymes, 1972; L.A. Samovar, R.E. Porter, 1981 - 2001; D. Tannen, 1992 и др.); западно-европейская социология, теория коммуникации, лингвистика, прагмалингвистика, этнология, психология (G. Hofstede, 1997; J. Rehbein, 1987; V. Hinnenkamp, 1989; J. Bolten, 1992; K. Knapp, 1998; J. Roth, K. Roth, 2001; Thomas 1993 и др). В отечественных научных исследованиях различные аспекты коммуникации рассматриваются в русле лингвистики, психолингвистики, этнопсихологии, социологии, культурологии и МКК (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, 1990; С.Г. Тер-Минасова, 2000; И.А. Стернин, 2002 - 2003; Е.Ф. Тарасов, 1973 - 1996; Н.В. Уфимцева, 2000; И.Э. Клюканов, 1998; О.А. Леонтович, 2002; Т.В. Ларина, 2003 - 2009; Д.Б. Гудков, 2003; В.В. Красных, 2002; П.Н. Донец, 2001; М.Б. Бергельсон, 2001; Н.М. Лебедева, 1999 и др.).

Наибольший интерес для данного исследования представляют работы, посвященные коммуникативному поведению. Одной из фундаментальных работ подобного плана является сопоставительное изучение коммуникативного поведения разных народов И.А. Стернина (2003). Согласно теории автора, национальное коммуникативное поведение – это «совокупность норм и традиций общения определенной лингвокультурной общности – народа, группы, а также отдельной языковой личности» [132:63]. В своем исследовании И.А. Стернин отмечает обусловленность коммуникативного поведения национальным менталитетом и характером. Автор выделяет коммуникативные образцы, имея в виду наличие

выявленных коммуникативных ситуаций в национальной культуре, в концептосфере, но не обязательном следовании этим примерам поведения каждой языковой личностью. Автор лишь предполагает, что большинство носителей данной культуры и языка следуют этим примерам [133:20]. В рамках разработанной теории коммуникативного поведения И.А. Стернин (2003) предлагает три модели описания коммуникативного поведения. Первая модель ситуативная рассматривает коммуникативное поведение в коммуникативных сферах и стандартных коммуникативных ситуациях (приветствие, благодарность, извинение и т.д.). Данная модель подразумевает отдельное изучение вербального и невербального коммуникативного поведения. Эмпирический метод лежит в основе ситуативной модели. Аспектная модель описывает коммуникативное поведение в фокусе выделенных исследователем аспектов. Основными аспектами И.А. Стернин (2003) считает вербальный, невербальный, нормативный, рецептивный, продуктивный, реактивный. Параметрическая модель представляет собой описание коммуникативного поведения на основе совокупности признаков, параметров и факторов. Признаки являются основой описания, так как представляют собой эмпирически собранный фактический материал. Далее признаки проходят процесс систематизации в параметры, а параметры – в факторы, например, формальность/неформальность общения, коммуникативная самопрезентация, отношение к разногласиям, общительность, содержание общения, направленность на собеседника, роль устного и письменного общения, невербальная организация общения. Следовательно, параметрическая модель описания коммуникативного поведения представляет собой систематизированное, упорядоченное сочетание специфических черт национального коммуникативного поведения [133:5].

Описывая коммуникативное поведение, отечественные исследователи (Т.В. Ларина «Доминантные черты английского вербального коммуникативного поведения», 2007; Ю.Е. Прохоров «Русское

коммуникативное поведение», 2007; М.А. Стернина «Русское и американское коммуникативное поведение», 2001; Л.В. Куликова «Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме», 2006) опираются на теорию описания коммуникативного поведения И.А. Стернина.

Исследователь Л.В. Куликова в работе «Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме» рассматривает коммуникативное взаимодействие как «взаимозависимое единство вербальных, невербальных, экстралингвистических и паралингвистических конститuentов» [88]. Считаем данное определение релевантным «коммуникативному поведению». Принимая во внимание определение «коммуникативного поведения» И.А. Стернина (2003), полагаем, что коммуникативное поведение есть отражение национально-культурных норм и ценностей во взаимозависимом единстве вербальных, невербальных, экстралингвистических конститuentов. Для того чтобы понять специфику национального коммуникативного поведения для изучения гендерного невербального коммуникативного поведения в МКК, необходимо проанализировать характер отражения национальных ценностей в коммуникативном поведении с учетом гендерных особенностей изучаемых лингвокультур.

Прежде всего, целесообразно остановиться на характеристике маскулинности/фемининности изучаемых лингвокультур, поскольку исследование проводится в рамках гендерной парадигмы. Характеристику маскулинности/фемининности наиболее полно представил Г. Хофстеде (1983) в параметрической модели культуры [209]. Маскулинность и фемининность как свойства гендера присутствуют в любой лингвокультуре и участвуют в формировании национальных ценностей, которые отражаются в коммуникативном поведении. Данные категории представлены в качестве подразумеваемых нормативных стереотипов, с разной степенью выраженности в зависимости от типа лингвокультуры. Это означает, что одна и та же лингвокультура может выступать фемининной по одному признаку и маскулинной по другому. Г.Хофстеде выделил базовые различия

маскулинности и фемининности применительно к культурам, которые, по его мнению, преломляются в различных сферах личной и общественной жизни. Согласно теории Г.Хофстеде, маскулинные культуры характеризуются высоким уровнем ролевой дифференциации полов, представители которого стремятся к успеху, материальному благополучию, к конкуренции. В фемининных культурах степень ролевой дифференциации полов проявлена слабо. Главными ценностями считаются семья, человеческие взаимоотношения, качество жизни [209:110–113]. На наш взгляд, данные отличия можно перенести на коммуникативную лингвокультуру. Таким образом, согласно параметрической модели Г.Хофстеде (1983) в английской лингвокультуре преобладают маскулинные качества, в русской – фемининные, китайская культура занимает промежуточное положение с небольшим перевесом маскулинных качеств. В свете коммуникативной лингвокультуры это означает, что в английской коммуникации доминируют маскулинные ценности, в русской – фемининные, китайская коммуникация стремится к гармонии. Опираясь на первичные ценности маскулинных и фемининных культур по Г.Хофстеде (1983), делаем вывод, что английская коммуникация ориентирована на выражение преимущественно маскулинных ценностей: персональных качеств и квалификаций, заслуг и успехов, личностных мнений и оценки. В английской коммуникативной лингвокультуре характерно четкое разграничение проблемы и личности, широко распространена дискуссионность общения, возможность конфликтной тематики, стратегия конфронтации по отношению к другому мнению, критический подход к принятию решений. Русская коммуникация тяготеет к фемининности и выражению эмоциональности, иррациональности, установлению долгих, глубоких межличностных взаимоотношений, смешению межличностных отношений и рабочих ситуаций. В русской коммуникативной лингвокультуре ценятся общение, солидарность, особый дух соборности. Специфические маскулинные черты китайской коммуникативной лингвокультуры: прагматическая ориентация на силу,

трезвый расчет, рациональность и практически полезный результат. С другой стороны, фемининные черты (по Л.В.Куликовой, 2004) демонстрируют почти неощутимое, сублильное выражение несогласия, традицию не отвечать на неуместные вопросы, тенденция в общении к медленному разворачиванию фоновой информации, предшествующей переходу к главной теме с целью предотвращения конфронтации [89:119]. Иными словами, китайская коммуникация стремится к сохранению «лица» и достижению гармонии.

Следует отметить, что понятие «гармония» в китайской лингвокультуре корнями уходит в философские конфуцианские идеи о недуральной, целостной модели мира, где все двуедино (Инь – женское начало и Ян – мужское начало), но едино. «Деятельное начало Ян таит в себе пассивное начало Инь, и одно не лучше и не хуже другого, а главное – не может без этого другого существовать» [Малявин, 2000]. Это значит, что во всем можно обнаружить неразрывное присутствие Инь и Ян или в западной терминологии маскулинного и фемининного. Так, между бытием (Инь) и сознанием (Ян) не существует противоречий – это неразрывное целое. В китайской лингвокультуре обнаруживается смешение интеллектуального (Ян) и эмоционального (Инь). По мнению В. Баулиной (2008), китайскую коммуникацию определяют ритуал и иерархия [11:106], где ритуал – Инь, а иерархия – Ян. Китайский язык передает ощущение, приобщает к эмоциональному состоянию (Инь) и благодаря этому состоянию покоряет, обращает, внушает поступки, то есть побуждает к действию (Ян), достигая гендерной гармонии. В этикете конфуцианства наблюдается совмещение двух начал – чувственного (Инь) и рационального (Ян). Категория «этикет» содержит в себе также две стороны: нравственную сторону (Инь) и материальное воплощение (Ян). Первая требует установления отношений взаимоуважения между людьми и в государстве. Вторая выражается в выполнении этических норм, связанных с соблюдением иерархии [110:94]. Китайское кредо бытия – умеренность, или следование срединным путем также зиждется на гармонии Инь и Ян. Это означает умеренность во всем:

нельзя слишком радоваться, нельзя слишком гневаться. «Чувства радости и гнева губительны для духа; холод и жара губительны для тела, при несдержанности в радости и гневном холоде и жаре превосходят всякую меру, и жизнь перестает быть безопасной. Уделять внимание Инь и Ян следует в равной степени» [120:93]. Следовательно, понятие «гармония» тесным образом связано с гендером и имеет доминантное значение в китайской лингвокультуре и коммуникации.

Главное отличие в ценностных приоритетах английской, русской и китайской лингвокультур заключается в ориентации на индивидуализм или коллективизм. В английской лингвокультуре центральное место в системе национальных ценностей занимает личность в её уникальности, индивидуальности и свободолюбии. В русской лингвокультуре во главу угла ставятся человеческие отношения, реализуемые в коллективе [63:463]. В китайской лингвокультуре национальные ценности распространяются на коллектив. Ориентация лингвокультуры на личность или коллектив находит отражение в национальном коммуникативном поведении. Например, национальная особенность русского коммуникативного поведения разделять собеседников на «своих» и «чужих» является результатом коллективизма. На наш взгляд, данная черта – есть проявление фемининности. По словам Ю. Рот (2001), разделение на «своих» и «чужих» выполняет функцию поддержания групповой идентичности. Существенно то, что данная особенность ведет к существенной разнице в коммуникативном поведении со «своими» и «чужими». «Русские всегда общаются с иностранцами по-другому, чем с членами своих групп. Например, это выражается в подчеркнутой вежливости с частым использованием речевых актов комплиментов и извинений, в чрезмерной опеке иностранных гостей через постоянное предложение своих услуг, особой предупредительности к ним и подчеркнутым выделением их во всем» [89:230]. Такой феномен исследователи называют позитивная вежливость (термин П. Браун, С. Левинсон, 1978, 1987). Негативная вежливость – свойство английской

лингвокультуры и расценивается нами как маскулинная ценность. Будучи представителями индивидуалистской культуры, англичане почти не различают отношения внутри группы и вне группы. Они могут одновременно входить в разные группы, вербальные и невербальные границы между которыми жестко не обозначены, легко создаются и рушатся. Эмоционально индивидуалисты изолированы от окружающих людей и неосознанно стремятся к уединению, что позволяет им чувствовать себя комфортно в любом окружении или в одиночестве. Известные во всем мире small talks, демонстрирующие дружелюбность, воспитанность также не что иное, как выражение негативной вежливости. Это не откровенный разговор и не поддержание отношений между людьми, а лишь средство заполнения пауз. Согласно конфуцианским нормам в китайской коммуникативной культуре вежливость основана на иерархии и сохранении «лица». В данном вопросе важную роль играет искусство намека. Поучительная история, остроумный ответ, тонкая аллегория, закамуфлированное послание ценятся в Китае очень высоко. «Не называть вещи своими именами, а намекать, дипломатично приходить к выводу, который напрашивается сам собой, - вот неписанный закон поведения китайцев». Также стоит отметить, что огромное значение для китайцев имеет вежливое, любезное и даже церемонное обращение [3:107]. По своему выражению вежливость в китайской лингвокультуре, на наш взгляд, скорее близка к английской негативной вежливости.

Ориентация на индивидуализм или коллективизм в изучаемых лингвокультурах также влияет на восприятие «образа себя» в коммуникативном поведении. В индивидуалистической, маскулинной английской культуре – это «я-образ», в коллективистской, фемининной русской – «мы – образ». В современном Китае главным источником возникновения собственной идентичности выступает «мы-группа». Представителям китайской лингвокультуры, для которой на первом месте стоит группа, трудно выделить отдельного человека из этой группы. Даже слово «я» и обозначающий его иероглиф в китайском языке имеет

отрицательное значение; человек существует и является кем-то, если он является членом какой-то группы [106:325]. В итоге это приводит к не востребоваемости личного мнения в китайской коммуникации и к неумению проявить личностные качества в коммуникативном поведении. В маскулинной английской лингвокультуре, напротив, значимость индивида и его личного мнения являются причиной уважения личного пространства, неприемлемость оказания прямого воздействия, толерантности к поведению других, соблюдении интересов [95:76]. В русской коммуникации подчеркивается принципиальная незначительность личностного начала в человеке, на первое место ставится общинность, соборность, коллективность. А понятие «индивидуализм» содержит отрицательную коннотацию. В коммуникативном поведении это отражается в том, что «у русских нет условностей, нет дистанции, есть потребность часто видеть людей, с которыми у них даже нет особенно близких отношений, выворачивать душу, ввергаться в чужую жизнь» [Н. Бердяев цит. по Т.В. Лариной 94:80]. Таким образом, ориентация на индивидуализм или коллективизм влияет на восприятие «образа себя», который, в свою очередь, воздействует на характер проявления такой ценности, как личное пространство.

Данная ценность по-разному проявляется в изучаемых лингвокультурах и зависит от приоритета маскулинных или фемининных особенностей. Поскольку англичане чувствуют себя, прежде всего, как индивидуумы, в английской лингвокультурной общности почитается маскулинное качество - зона личной автономии. Это проявляется в невысокой степени контактности. Как правило, англичане ведут себя дистанцированно по отношению к незнакомым. В коммуникации зона личной автономии выражается как вербально, так и невербально. Например, наличие в языке коммуникативных речевых и тематических табу. Так, согласно исследованию И.А.Стернина (2003), в гостях не говорят о личном, на работе - о домашних делах. Не принято звонить домой кому-либо по делам, связанным с работой. Вопросы, касающиеся религии, заработка

табуированы и не задаются малознакомым или незнакомым людям. Эти правила достаточно жестко соблюдаются. В русской лингвокультуре, напротив, зона приватности в силу специфики лингвокультуры стирается, допускается вторжение в чужое личное пространство (Прохоров, Стернин, 2002). Этим объясняется коммуникативная активность русских, легкость знакомства с незнакомыми людьми, открытость, способность излить душу незнакомому человеку. Русский феномен «кухонного общения» (Леонтович, 2002) обязан именно этому фемининному качеству. В китайской лингвокультуре есть понятие этика «лица». На наш взгляд, данное понятие определяет границы зоны личного пространства. Этика «лица» в китайской коммуникативной культуре регулирует общение с точки зрения соответствия этическим нормам и правилам. По мнению специалиста в области межкультурной коммуникации Т.Е. Владимировой (2007), особое внимание китайцы сосредотачивают на самом процессе общения, исключая любые ситуации, чреватые «потерей лица» или нанесением «лицу» какого-либо урона. К сожалению, такое общение не предполагает искренности и равенства в отношениях даже среди друзей, ведь одному из них предписывается быть старшим, а другому младшим. В итоге даже дружеское общение выглядит до предела формализованным [29:169], создавая значительную зону приватности.

Эмоциональность как ценность коммуникативной культуры также пронизана гендерной спецификой. Как отмечает Т.В.Ларина (2009), характерной чертой русского коммуникативного поведения считается эмоциональность и коммуникативная естественность, английского – эмоциональная сдержанность и эмотивность. Эмоциональная сдержанность англичан, то есть умение сдерживать и контролировать свои эмоции, свидетельствует об эмоциональной зрелости и считается неотъемлемым компонентом понятия Englishness [95:100]. Свободное проявление эмоций в русской лингвокультуре осуждается англичанами, они не принимают несдержанность и вспыльчивость. Английская эмотивная коммуникация –

это сознательное, контролируемое выражение эмоций, которое применяется в стратегических целях: оказание влияния на окружающих, проявление доброжелательности, лояльности, предупреждение возможных проблем, то есть она выполняет социальную функцию – повлиять на восприятие собеседником ситуации и на ее понимание [95:120]. Отсюда широкое использование в речи эмоционально нагруженной лексики, предназначение которой не выразить чувства говорящего, а оказать коммуникативную поддержку коммуниканту. Русская эмоциональность ничего не имеет общего с английской эмотивностью. Это спонтанное незапланированное естественное выражение эмоций как проявление внутреннего эмоционального состояния, необязательно учитывающее реакцию собеседника или окружающих [95:120]. Согласно А. Вежбицкой (1996), русская эмоциональность - это «ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном изъяснении, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков» [25:148] - есть не что иное как проявление феминности. В русском языке отмечено большое число морфологических средств, а именно, суффиксов, выражающих тончайшие нюансы эмоциональности. Это относится к прилагательным, нарицательным и личным именам [там же]. Благодаря этике «лица», предписывающей воспитание волевых качеств для преодоления себя, китайцы в общении считают запретным несдержанность и открытое выражение чувств. В коммуникативном поведении это выражается в том, что китайцы говорят о переживаемом с меньшим пылом и короче, чем представители многих культурных групп. В тоже время исследователи говорят об эмоциональности формы. На наш взгляд, речь идет скорее об эмотивности. Для китайцев издавна форма имеет большое значение. Для китайской лингвокультуры важными являются феминные, изысканные чувства, связанные с романтичностью. По словам исследователя российско-китайских межкультурных отношений О.А. Нестеровой, носители китайской

лингвокультуры стремятся получить наслаждение от детали, оттенка, штриха, символа [113:28].

Рациональность/иррациональность как национальные особенности рассматриваемых лингвокультур отражаются в коммуникативном поведении. Иррациональность, прочно закрепившаяся фемининная тенденция, отмечается А. Вежбицкой (1996) в качестве специфической черты русской коммуникации. «Иррациональность» – в отличие от научного мнения – выделение узости логического мышления, человеческого понимания и знания, непредсказуемости и непостижимости жизни. Иррациональность проявляется в вербальном поведении при использовании безличных конструкций. «Его убило молнией. Что-то случилось в том месте в то время не потому, что кто-то хотел этого (была вспышка молнии), нельзя было сказать почему, поэтому он был убит (умер)» [24:148]. Китайский язык относится к изолирующим. Китайцы рациональны в своем мышлении, благодаря аморфности и дискретности знаковой системы в отношении как формы, так и звучания. Как уже отмечалось, китайское коммуникативное поведение подчиняется рациональному регулированию с позиции традиционной этики «лица». Это означает, что в процессе общения оценивается не столько способ и характер самовыражения, истинность и релевантность высказывания, сколько его соответствие этическим нормам и правилам.

Другая национальная черта, которая находит отражение в коммуникативном поведении, связана с особенностями взгляда на жизнь. В английской маскулинной лингвокультуре речь идет о «positive thinking» (позитивное мышление). Как отмечает Т.В Ларина (2009), данная ценность реализуется в коммуникативном поведении при демонстрации благополучия, успешности, умения контролировать ситуацию, активности [95:80]. В фемининной русской лингвокультуре, согласно исследователям (Е.И. Горошко, 1996; А. Вежбицкой 1996), распространены неагентивность, пассивно-экспириенциальный взгляд на жизнь, спонтанное возникновение

влечения, свободное от воли говорящего, отсутствие контроля над событиями [35;24;25]. Опираясь на первичные гендерные ценности, представленные в работе Г.Хофстеде (1983), делаем вывод, что «positive thinking» относится к разряду маскулинных ценностей, а русская «неагентивность» – к фемининным ценностям.

Как было отмечено выше, в любой лингвокультуре присутствуют и маскулинные и фемининные ценности. Так, наряду с преобладающим количеством маскулинных ценностей в английской коммуникативной культуре присутствуют ценности фемининного порядка. Фемининная особенность английского коммуникации создается за счет неимпозитивности английского общения. И.А. Стернин (2003) объясняет английскую неимпозитивность относительно небольшой вертикальной дистанцией. «Даже при наличии социальной асимметрии лица, - утверждает И.А. Стернин (2003), - обладающие большей властью не стремятся демонстрировать ее, а напротив, стараются ее завуалировать, соблюдая принцип социального равенства» [133:87]. Проявлением неимпозитивности на вербальном уровне считается неосознанное желание англичан не употреблять императив. Согласно исследованию Т.В.Лариной (2009), англичане в среднем употребляют 26% прямых побудительных высказываний [95:274]. Таким образом, широкое использование стратегий дистанцирования ставится во главу угла английской коммуникативного поведения. В отличие от англичан, русские употребляют 78% прямых побудительных высказываний, что говорит о явном предпочтении прямого побуждения, импозитивности, прямолинейности, категоричности. Любопытно, что в ситуации учитель-ученик число императивных высказываний прямого побуждения в русском коммуникативном стиле возрастает до 100%. По словам Т.В. Лариной, русские свободно демонстрируют свою власть и не предпринимают попыток сократить до минимума воздействие на собеседника [95:274]. Высокий процент использования императива в русском языке объясняется наличием

большой вертикальной дистанцией. Как нам представляется, в этом и заключается основная маскулинная особенность русской коммуникации.

Важная маскулиная ценность китайской коммуникативной культуры заключается в трезвом расчете и практически полезном результате, прагматической ориентации на силу, которая всегда принимается во внимание и вызывает неизменное уважение.

Итак, гендерная специфика коммуникативного поведения уникальна – она есть отражение национальных ценностей, представлений о маскулинности/фемининности, своеобразного видения мира. Сложившаяся система ценностей одной коммуникативной культуры зачастую противоречит другой, а сами ценности проявляют себя в гендере по-разному, не говоря уже о степени их выраженности. Отсюда достаточно высокая вероятность конфронтации представителей коммуникативных культур и актуальность данного вопроса в МКК. Имея дело с лингвокультурами, принадлежащими к разным гендерным типам, МКК рассматривает их в диалоге, каждую со своими особенностями, учитывая динамичный характер представлений о мужском и женском, оценочную и содержательную сторону гендерных понятий в той или иной лингвокультуре. По словам С.Г. Тер-Минасовой (2007), «Изучать культуры, а особенно их гендерные особенности в МКК можно только в диалоге, так как так называемый барьер культур невидим и становится очевидным только при знакомстве с иной культурой, только при познании иной культуры через свою, а своей через другую путем культурной интерпретации и адаптации этих культур друг к другу в условиях смыслового несовпадения большей части обеих...» [149]. Тем более, что речь идет не просто о разных нациях и их лингвокультурах, а о разных гендерных личностях, являющихся представителями разных наций и носителями разных лингвокультур. Национально-культурный аспект коммуникативного поведения гендерной языковой личности рассматривается в следующем параграфе.

1.3. Национально-культурный аспект коммуникативного поведения гендерной языковой личности

Данный раздел посвящен национально-культурному аспекту коммуникативного поведения гендерной языковой личности. В параграфе рассмотрены особенности коммуникативного поведения русской, английской, китайской языковой личности в зависимости от гендера.

Представляется необходимым проанализировать теоретический аппарат, описывающий языковую личность вообще и гендерную в частности. Вопросы языковой личности рассматриваются в лингводидактике (Г.И. Богин, 1986), психолингвистике (К.Ф. Седов, 2004; В.В.Красных 2002), социолингвистике (В.И. Карасик, 2002), лингвокультурологии (В.А. Маслова, 1997; Ю.Н. Караулов, 1987; С.Г. Воркачев, 2001), семиологии (А.Н. Баранов, 2001), лингвистической персонологии (В.П. Нерознак, 1996). Теория языковой личности в теории русского языка начала формироваться в лингводидактике и связана с именем Г.И. Богина (1982). Рассматривая языковую личность в коммуникативно-деятельностном аспекте, Г.И. Богин считает, что «языковая личность – тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь, языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [18:3]. В научный обиход термин «языковая личность» был введен Ю.Н. Карауловым. В своей теории Ю.Н. Караулов (2007) определяет языковую личность как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающий создание им речевых произведений (текстов), различающихся: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [62:245]. Исследователь выделяет три уровня структуры языковой личности: вербально-семантический, тезаурусный и мотивационный. Вербально-семантический уровень отражает уровень владения бытовым языком и выступает основой для языкового общения. Тезаурусный (когнитивный)

актуализирует и идентифицирует знания и представления, присущие языковой личности и формирующие когнитивное пространство индивидуального и коллективного языкового сознания. Мотивационный (прагматический) уровень включает в себя характеристику целей и мотивов, которые движут развитием языковой личности, вследствие чего его называют «текстообразованием». На этом уровне языковая личность выступает в качестве коммуникативной личности. С точки зрения лингвокультурологии языковая личность - социальное явление, в котором присутствует индивидуальный аспект. По словам В.А. Масловой (2001), «индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов; но при этом не следует забывать, что языковая личность оказывает влияние на становление языковых традиций. Каждая языковая личность формируется на основе присвоения конкретным человеком всего языкового богатства, созданного предшественниками. Язык конкретной личности состоит в большей степени из общего языка и в меньшей — из индивидуальных языковых особенностей» [105:120]. Языковую личность в условиях общения рассматривает В.И. Карасик (2002). Согласно точке зрения исследователя, коммуникативная (языковая) личность – «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [60:19]. Необходимо отметить, что представленное определение языковой личности наиболее близко для реализации целей и задач данного исследования. В модели языковой личности В.В. Карасика (2002) выделены три плана данного понятия: ценностный, познавательный, поведенческий. В ценностный план коммуникативной личности входят этические и утилитарные правила поведения, характерные для определенного этноса в определенный период. Данные правила вносятся в нравственный кодекс народа, отражают историю и мировосприятие людей, связанных культурой и языком. Познавательный аспект позволяет охарактеризовать свободу языкового знака и установить

типы общения, характеризующегося стандартностью и вытекающей отсюда перформативностью, с одной стороны, и нестандартностью, креативностью, с другой стороны. Поведенческий план языковой личности – это совокупность вербальных и невербальных индексов, определяющих языковую личность как индивидуума или как тип [60:45]. Кроме представленных выше характеристик языковой личности, для данного исследования существенным является рассмотрение теоретического подхода гендерной составляющей языковой личности.

Теоретическая и методологическая база описания гендерной языковой личности на сегодняшний день отсутствует. При описании специфических черт языковой личности в гендерном аспекте не дается определения термина «гендерная языковая личность», а исследования сводятся к описанию различий, например, мужского и женского коммуникативного поведения (Коноваленко, 2003; Беляева, 2002; Табурова, 1999; Гетте, 2004). Ссылаясь на труды западных исследователей, А.Г. Фомин (2004) предпринял попытку описания гендерной языковой личности в рамках психолингвистики. Теоретической базой для исследования А.Г. Фомин принимает гендерную схему Сандры Бем (1981), основная цель которой определить личность как гендерный тип на основе характера информации, извлеченной в анализе ассоциаций. Гендерная схема С.Бем представляет собой когнитивно познавательную структуру, которая организует и направляет восприятие индивида. Согласно Бем, маскулинность и фемининность не противопоставлены друг другу, а индивид может обладать одновременно и теми и другими чертами. Кроме того, Бем выделяет андрогинный тип личности, вобравший в себя лучшее из обеих полов [156:111]. Анализируя концепцию С. Бем, А.Г. Фомин замечает, что выводы, сделанные западным исследователем, о том, что дети в раннем возрасте начинают использовать когнитивные возможности предложенной схемы для восприятия новой информации, структурируя ее в «сетке» гендерной схемы, соотносятся с данными, полученными в рамках когнитивной лингвистики

(схемы, сценарии, прототипы и др. модели в исследованиях Э. Роги, М. Минского, Т. ван Дейка, А. Вежбицкой) [156:108]. Принимая во внимание гендерную схему С.Бем, а также точку зрения о том, что на гендер сильное влияние оказывают культурные нормы, устанавливающие, какое поведение ожидают от мужчины, а какое от женщины, А.Г. Фомин (2004) выделяет гендерную языковую личность, в основе которой находится гендерный тип личности (маскулинный, фемининный, андрогинный). Наряду с выделенными Ю.Н. Карауловым (1987) тремя уровнями, А.Г. Фомин предлагает выделить четвертый лингвогендерный уровень. Данный уровень позволяет определить гендерные характеристики языка/речи языковой личности, которая будет рассматриваться как гендерная языковая личность [156:127]. Таким образом, согласно А.Г. Фомину, мужчинам и женщинам предначертано выполнять гендерные роли, которые характеризуют их стиль общения и речевое поведение как полотиписированных гендерных личностей. При этом выделяются три полотиписированных гендерных типа личности: маскулинный, фемининный и андрогинный [156:118].

В настоящем исследовании принимается во внимание точка зрения А.Г. Фомина. Однако нами анализируются маскулинная и фемининная гендерные языковые личности. Речь идет о среднестатистической гендерной языковой личности с учетом биологического пола, гендерных норм и правил коммуникативного поведения и того, что среднестатистический мужчина больше проявляет маскулинных качеств, а женщина – фемининных. Для данного исследования является существенным не только то, что мужчины и женщины предопределены исполнять предписанные им гендерные роли, но и выступать носителями определенной лингвокультуры. Поэтому вслед за В.В. Карасиком (2002) в данном исследовании рассматривается языковая личность в качестве обобщенного образа носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций.

Будучи носителем определенной лингвокультуры, гендерная языковая личность аккумулирует и передает национально-культурный опыт из поколения в поколение. Как было отмечено ранее, независимо от гендерного типа лингвокультуры любой гендерной языковой личности присущи ценности как маскулинного, так и фемининного порядка. Однако типичный англичанин больше ориентирован на маскулинные ценности, русский – на фемининные, китаец - на гармонию маскулинного и фемининного. Отличительной чертой русской языковой личности считается эмоциональность, свободное проявление чувств, открытость, стирание границ личного пространства в противовес английской и китайской сдержанности, эмоциональной зрелости, эмотивности, дистанцированности, существенной зоной личной автономии. Английская языковая личность ориентирована на индивидуалистскую идентичность, личную обособленность, значимость индивида и его мнения в отличие от русской и китайской групповой идентичности, несущественности личностного начала, свободной демонстрации власти. Китайская и английская рациональность мышления, трезвый расчет противопоставляются русской иррациональности, неагентивности, отсутствия контроля над событиями, спонтанного возникновения желания, отсутствия воли. Уникальность китайской языковой личности проявляется в следовании этике «лица» и церемониалу. Все вышеуказанные черты гендерной языковой личности коррелируют с национальными ценностями лингвокультур. Следовательно, гендерная языковая личность накапливает и отражает национально-культурные нормы и ценности. Накопление и отражение национально-культурных норм и ценностей происходит в процессе коммуникативного взаимодействия, которое осуществляется вербальным и невербальным способом.

Как отечественные, так и зарубежные исследователи в области вербальной гендерной коммуникации отмечают типичные черты мужской и женской речи. Исследователями были изучены все уровни языка от фонетики до особенностей дискурса и стиля в целом. Характеристика гендерных

особенностей вербальной коммуникации русского и английского языков представлена работами следующих авторов: Lakoff, 1975; Coates, Cameron, 1989; Tannen, 1990; Земская, Китайгородская, Розанова, 1993; Горошко, 1996; Maltz, Borker, 1998; Holmes, 1998; Кирилина, 1999; Карасик, 2002; Беляевой, 2002; Стернин, 2003; Коноваленко, 2003; Манзуллиной, 2005; Токаревой, 2005; Гриценко, 2005; Потапов, 2006 и др. Исследований гендерных особенностей коммуникации китайского языка крайне мало. Ученые пришли к выводу, что половой диморфизм затрагивает все уровни языковой системы, но на различных уровнях он проявляется по-разному. Констатируемые различия в вербальном поведении полов носят не инвентарный (наличие отдельных «мужских» и «женских» вариантов языка), а вероятностный характер и выражаются в существовании определенных статистических различий в частоте и особенностях использования тех или иных языковых приемов [35:56]. Результаты исследований многих ученых по различиям мужской и женской речи во многом схожи. Так, говоря об особенностях речевой стратегии полов, лингвисты (Вольф Е.М., 1985) отмечают, что женщина следует тактике «коммуникативного сотрудничества», а мужчина «коммуникативного соперничества». Кроме того, выяснилось, что мужские и женские предпочтения в выборе предмета обсуждения часто бывают весьма различны. Ч. Крамер (1977) отметила, что мужчины в основном говорят о бизнесе, политике, праве, налогах, спорте, развлечениях. Женщин больше интересует образ жизни, повседневные заботы, семья [35:30]. Мужчины в речи проявляют больше доминирования, к которому они привыкли в обществе, женщины выполняют поддерживающую роль, к которой они адаптировались, т.е. стремятся поддерживать разговор, предоставляя мужчинам возможность доминировать в нем. Для женщин характерно правильное и стандартное произношение, гиперкорректная грамматика. Как отмечает Горошко (1996), женщина использует наиболее употребительные лексические единицы, в то время как мужчина предпочитает неологизмы, профессионализмы и архаичные форм слов. В речи мужчин больше

встречается инвективов (нецензурная лексика), зато в речи женщин возникает больше эвфемизмов, не прямых «завуалированных» обозначений определенных предметов и явлений [35:14]. По наблюдениям Л. Хиршман (1974), мужчины и женщины используют в своей речи различные междометия, существует целый ряд прилагательных, гораздо более употребительных женщинами, чем мужчинами. К ним относятся оценочные прилагательные. Согласно исследованию К. Уэста и Д. Зиммермана (1983), женщина эмоциональнее мужчины. Отличительной чертой женской речи считается употребление аффектированных слов с опустошенной семантикой (ужасно интересно, страшно красиво), различного рода усилителей, частиц, восклицательных предложений, гиперболизация, повышенная частота использования эпитетов, сравнений метафор. По этой же причине женщины часто употребляют в речи эллиптические и инвертированные конструкции. Крючкова Т.Б. (1975) отмечает, что женщины чаще употребляют местоимения и частицы, мужчины – существительные. Женщины больше стремятся к вежливости и корректности, чем мужчины, в их речи обнаружено больше вежливых форм, просьб, извинений. Не имея возможности получить статусный приоритет перед мужчиной, женщина прибегает к вежливым речевым формам, чтобы избежать конфликтов, сгладить антагонизмы, неодобрение, несогласие в разговоре с собеседником мужского пола (Clifton, A.K., McGrath, D., & Wick, B, 1983). Женщины больше чем мужчины сконцентрированы на своем внутреннем мире, это является причиной большого количества слов в женском вокабуляре, выражающих чувства, эмоции. Кроме того, женщины склонны использовать глаголы, отражающие эмоционально-психологическое настроение человека [230]. Мужчины наделены склонностью к прямому выражению мнения, то есть использованию прямых номинаций, не используют при этом корректные и чересчур вежливые формы. Для речи мужчин более частотны императивы директивного толка. Мужская речь сложнее синтаксически и более насыщена

интеллектуально. Мужская эмоциональная речь отличается от нейтральной мужской речи сильнее, чем эмоциональная речь женщин.

Несмотря на схожесть результатов русских и английских исследований гендерного вербального поведения, нельзя считать английское вербальное поведение идентичным русскому. Несомненно, мужчин и женщин исследуемых лингвокультур объединяет выбор предмета обсуждения: спорт, политика, бизнес – типичные мужские темы для обсуждения, повседневные заботы, семья, образ жизни – женские. Однако дело обстоит по-иному в случае с тем, как эти темы обсуждаются. В каждом случае ситуация глубоко специфична и обусловлена многими факторами, в том числе и гендером. Гендерный тип лингвокультуры накладывает отпечаток на приоритеты и ценности гендерной языковой личности независимо от биологического пола. По нашему мнению, русские мужчины и женщины больше склонны к проявлению фемининных черт и качеств по сравнению с англичанами, культура которых ориентирует мужчин и женщин на ценности маскулинного порядка. Китайские мужчины и женщины ориентированы лингвокультурой на достижение гармонии. Иными словами, английские женщины проявляют больше маскулинных коммуникативных качеств по сравнению с русскими и китайскими женщинами. В свою очередь, русские и китайские мужчины обладают больше фемининными коммуникативными чертами по сравнению с мужчинами-англичанами. Например, фемининная черта – использование в речи не прямых «завуалированных» обозначений предметов и явлений, как нам представляется, более характерна для женщин-китаянок, так как именно для китайского коммуникации свойственна косвенность и витиеватость высказывания. Если говорить о женщинах, менее всего данную черту проявляют русские женщины, в силу того, что для русской коммуникации характерно противоположное качество – прямолинейность. Так как, безусловно, мужчины обладают фемининными качествами, как и женщины – маскулинными, то данная черта типична для китайских мужчин и наименее

распространена среди русских мужчин. Эмоциональность русской речи и языка ориентируют именно русских женщин на максимальную степень проявления фемининного коммуникативного качества – эмоциональность. Наименее всего данное качество характерно для китайских и английских мужчин. Фемининная коммуникативная черта вежливость более всего характерна для английских и китайских женщин, минимальная степень проявления свойственна русским мужчинам. Маскулинное коммуникативное качество – использование прямых номинаций, категоричность максимально проявляется среди русских мужчин, минимально - среди английских и китайских женщин.

Невербальное поведение также пронизано гендерными отношениями. Сценарии коммуникантов в социуме есть отражение культуры и коррелируют с гендерными стереотипами, принятыми в обществе [32]. Гендерное невербальное коммуникативное поведение рассматривается в качестве конвенциональных норм, правил и традиций общения, выражаемых знаковыми невербальными средствами в акте коммуникации [81]. Г.Е. Крейдлин (2005) полагает, что следует говорить не о мужских и женских позах, мимике, жестах, а о мужском и женском невербальных стилях поведения.

Далее для решения задач данного исследования необходимо остановиться на социальном статусе гендерной языковой личности, так как социальный статус является одним из критериев анализа национальной гендерной языковой личности в представленной работе.

Социум предписывает гендерные нормы и правила, в соответствии с которыми ведет себя гендерная языковая личность. Принадлежность к тому или иному социальному классу также накладывает отпечаток на коммуникативное поведение языковой личности. Говоря о социальном статусе, речь идет о «соотносительном положении в социальных структурах, выражаемом в терминах социального и ситуативного неравенства – отношения между вышестоящим и нижестоящим» [Zelditch,1968;

Robertson,1974; Bryant,1984 цитата по В. И. Карасик С. 7]. По мнению Карасика В.И., выражение статусных отношений специфично в различных лингвокультурах и проявляется в эксплицитности/имплицитности выражения статусного неравенства, в особых формах общения [60:17]. Например, как отмечает востоковед Г.А Ткаченко, жестко структурированная китайская социальная система отношений включает следующие пары: правитель – подданный, отец – сын, муж – жена, старший – младший, старший друг – младший друг. Подобная социальная стратификация считается достаточной для регулирования коммуникативного поведения в китайской лингвокультуре. Социальное деление русского общества в недавнем прошлом строилось на властных иерархиях и формальных рангах, в настоящее время социальная стратификационная система базируется на экономической основе, а главными критериями становятся уровень доходов, владение собственностью и возможность осуществлять самостоятельную хозяйственную деятельность [<http://www.grandars.ru/>]. Что касается англичан, то английское общество обладает строгой классовой иерархией, отражающей многовековые традиции, причем доход не является прямым показателем принадлежности к тому или иному классу. Перейти из одного социального класса в другой в Англии в принципе возможно, но намного труднее, чем, например, в России. Для данного исследования важным еще является наблюдение Zimmerman, West (1975); Bolinger (1980); Rothwell (1982) о том, что для англоязычной речи характерен параллелизм способов доминирования в парах «мужчина – женщина». В настоящем исследовании социальная стратификация языковой личности исследуется в отношениях: вышестоящий – нижестоящий, нижестоящий – вышестоящий, равный – равный. Кроме того, учитывается тип коммуникативной ситуации – нейтральный или эмоциональный.

Таким образом, на коммуникативное поведение гендерной языковой личности влияет ряд факторов. В данном исследовании акцент сделан на лингвокультурные ценности, гендерные особенности, тип коммуникативной

ситуации, социальный статус коммуникантов, канал связи. Исследование не затрагивает вопросы индивидуальных особенностей языковой личности. В центре внимания среднестатистическая языковая личность мужского и женского пола – носитель русской, английской или китайской лингвокультуры. Речь идет о нейтральной и эмоциональной мужина→женщина (м→ж) коммуникации, женщина→мужина (ж→м) коммуникации, женщина→женщина (ж→ж) коммуникации, мужина→мужина (м→м) коммуникации с учетом лингвокультурных ценностей и социальных статусов коммуникантов.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Гендерные исследования, сформировавшись в самостоятельное научное направление под влиянием постструктурализма и феминистской лингвистики, открывают новые грани привычных понятий, перенося акцент на идею децентрированного мужского и женского опыта, множественности интерпретаций реальности, которую конструирует язык, дискурс, культура. Результаты анализа разных подходов к изучению гендера свидетельствуют, что гендер не обладает перманентным статусом, а создается заново в каждой коммуникативной ситуации. Такое положение означает вариативность конструирования гендера. Кроме того, было выявлено, что сегодня, характеризуясь отсутствием единой теории, гендерные исследования объединяют широкий круг антропологических областей научного знания, рассматривая взаимодействие мужского и женского пола с учетом как биологических, так и психологических, социальных и культурных особенностей. В связи с этим гендер представляет целый комплекс понятий. В рамках данного исследования наиболее приемлемым определением считаем следующее: гендер – это сложная «система межличностного взаимодействия, посредством которой создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального» и культурного порядка с учетом природных особенностей.

В МКК особый интерес, связанный с гендерными исследованиями, возник к вопросам этнических и национальных особенностей коммуникативного поведения. Опираясь на Стернина, 2003; Куликову, 2006, под коммуникативным поведением понимаем отражение национально-культурных норм и ценностей во взаимозависимом единстве вербальных, невербальных, экстралингвистических конститuentов. Гендерные особенности коммуникативного поведения тесным образом связаны с национальными ценностями, а также с характеристикой

маскулинности/фемининности. Согласно Г. Хофстеде (1983), основателя параметрической модели культуры, маскулинность и фемининность как свойства гендера присутствуют в любой лингвокультуре и участвуют в формировании национальных ценностей, которые отражаются в коммуникативном поведении. Особенность системы гендерных ценностей заключается в том, что одна и та же ценность обладает разной степенью выраженности и по-разному проявляется в разных лингвокультурах. Таким образом, было установлено, что в английской лингвокультуре преобладают маскулинные качества, в русской – фемининные, китайская занимает промежуточное положение с перевесом маскулинных ценностей. Именно преобладанием ценностей маскулинного порядка объясняется английская дистанцированность, уникальность личности, уважение личного пространства, недопустимость оказания прямого воздействия, толерантность к поведению других, эмоциональная сдержанность, демонстрация благополучия и успешности. Приоритет фемининных качеств отражается в русской потребности в тесных межличностных отношениях, способности излить душу незнакомому человеку, открытая эмоциональность, спонтанное возникновение желаний, отсутствие контроля над событиями, иррациональность. Стремлению к гендерной гармонии обязано китайское смешение интеллектуального и эмоционального, наличие ритуала и иерархии, следование срединным путем, соблюдение этики «лица», эмоциональность формы и эмотивность поведения. Гендерные национально-культурные ценности лингвокультур коррелируют с национально-культурными чертами гендерной языковой личности.

Вслед за А.Г. Фоминым (2004) рассматриваем гендерную языковую личность как среднестатистический полотицизированный маскулинный или фемининный тип личности, обладающий всеми характеристиками языковой личности. Гендерная языковая личность – это обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций. Более того, гендерная языковая

личность – это социальное явление, в котором присутствует индивидуальный аспект, формирующийся через внутреннее отношение к языку и становление личностных языковых смыслов, которые в свою очередь влияют на становление языковых традиций лингвокультуры. В ходе анализа национально-культурных особенностей коммуникативного поведения было выявлено, что гендерная языковая личность накапливает и отражает национально-культурные нормы и ценности в процессе коммуникативного взаимодействия, которое осуществляется в условиях совместного функционирования вербальных и невербальных средств. Сегодня наиболее исследованным является гендерный аспект вербального поведения языковой личности. Являясь важнейшей средством взаимодействия языковых личностей, невербальная коммуникация изучена недостаточно. В данном исследовании невербальное поведение рассматривается нами на уровне лингвокультур и гендерной языковой личности в аспекте межкультурной коммуникации через призму национальных ценностей, гендерных особенностей, коммуникативной ситуации, канала связи.

ГЛАВА II. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОГО НЕВЕРБАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Данный раздел посвящен гендерному аспекту невербального коммуникативного поведения. В центре внимания функционирование паралингвистических, кинесических, визуальных, тактильных, проксемиальных особенностей русской, английской, китайской лингвокультур и национальной гендерной языковой личности.

Как было отмечено ранее, для данного исследования актуальным является определение языковой личности с точки зрения лингвокультуролога В.И. Карасика, гендерной языковой личности в аспекте психолингвистики А.Г. Фомина и коммуникативного поведения исследователя И.А. Стернина. Исследование функционирования паралингвистических, кинесических, визуальных, тактильных, проксемиальных особенностей русской, английской и китайской лингвокультур и национальной гендерной языковой личности осуществляется с учетом того, что национальная гендерная языковая личность является обобщенным образцом носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций. Кроме того, национальная гендерная языковая личность представляет собой мужчину или женщину, которые исполняют гендерные роли, определяющие их коммуникативное поведение как полотицизированных гендерных личностей.

Коммуникативное поведение гендерных языковых личностей проявляется в процессе коммуникативной деятельности, которая возможна в условиях совместного функционирования вербальных и невербальных средств коммуникации. Невербальная коммуникация является важной областью функционирования знаков и знаковой информации, занимая важное место в жизни человека и общества. Однако, согласно наблюдениям Г.Е. Крейдлина (2004), до сих пор невербальные аспекты человеческого поведения в ситуации коммуникативного взаимодействия и проблемы

соотношения невербальных языковых кодов с естественным языком не описаны систематически. Большое значение в изучении невербального коммуникативного поведения оказала работа зарубежного исследователя Д. Эфрона «Жесты и окружающая среда», представляющая классификацию видов невербального поведения (Efron, 1941). Важный вклад в развитие невербальной коммуникации внесли исследователи специфики и кодирования невербального поведения (Hall, 1959; Wiener, Mehrabian, 1968; Ekman, Birdwhistell, 1970 и др.). Особый интерес вызывают зарубежные исследования, посвященные взаимодействию вербального и невербального поведения (Key, 1980), изучению роли невербального поведения в коммуникативных актах (Leathers, 1986; Marsh, 1988), влиянию биологических и культурных факторов на поведение человека, взаимодействию участников коммуникативного акта и многозначности невербальных сигналов (Leathers, 1986; Siegman, 1987; Andersen 1998). Среди отечественных исследований невербального поведения наибольший интерес представляют работы тех исследователей, где поднимается вопрос о взаимодействии лингвистических и паралингвистических средств («Паралингвистика» Г.В. Колшанского (1974). Так, в работе «Невербальные компоненты коммуникации» И.Н. Горелова (1980) выделены две функции невербальных компонентов коммуникации, сопровождающие вербальную часть сообщения и самостоятельно выражающие смысл сообщения. Исследования М.Д. Городниковой (1985), Г.Е. Крейдлина (1999), В.В. Ганиной (2004), Ф.И. Карташковой (2003) и др. посвящены изучению способам представления и роли невербальных средств в тексте, влиянию невербальных компонентов на эмоциональное состояние человека. Особое место занимает концепция невербальной семиотики Г.Е. Крейдлина (2004). Исследователь предпринял попытку систематически описать проблемы невербальных аспектов поведения людей в ситуации коммуникации, проблемы соотношения невербальных языковых кодов с естественным языком. Более того, исследование Г.Е. Крейдлина – это первая попытка

научного изложения основ невербальной семиотики в её соотношении с лингвистикой.

Теоретические положения невербальной семиотики исследователя Г.Е. Крейдлина и легли в основу настоящей работы. Учитывая тот факт, что гендерное коммуникативное поведение реализуется только в единстве вербальных и невербальных компонентов, в настоящем исследовании предпринята попытка рассмотрения выделенных Г.Е. Крейдлиным основных невербальных паралингвистических, кинесических, визуальных, тактильных, проксемных компонентов в функциональном взаимодействии в естественной речи на уровне лингвокультур, которые принадлежат к разным гендерным типам, а также на уровне национальной гендерной языковой личности.

2.1. Национальные особенности гендерного паравербального коммуникативного поведения

Паралингвистика является одной из наиболее разработанных областей невербального коммуникативного поведения. Проблемы проявления гендера в паравербальном поведении привлекают довольно широкий круг исследователей: Guy (1974), Trudgill (1974), Key (1975), Brend (1975), Lakoff (1975), Pellowe (1978), Jones (1978), Шевченко (1980), Coleman (1981), Coates (1986), Горошко (1996), Потапов (1997), Кирилина (1999), др. Гендерные различия, отражаемые в невербальном коммуникативном поведении гендерной языковой личности, привели к тому, что определенные паралингвистические компоненты стали восприниматься как более фемининные или более маскулинные независимо от пола их исполнителя. Исследователи J. Pellowe, V. Jones (1978) оценивают нисходящий тон в интонации как более маскулинный компонент среди других паралингвистических средств. Специалист в области фонетики В.В. Потапов (1997) к маскулинным относит широкий диапазон, благодаря которому речь воспринимается весомее и категоричнее, более значительный мелодический интервал, относительно замедленный темп и большую продолжительность пауз. Вследствие увеличения продолжительности пауз и синтагм темп речи мужчин медленнее. Для женской речи характерен ускоренный темп, более короткие синтагмы и меньшая длительность пауз [120:162]. G. Lakoff (1975) более фемининной характеристикой считает восходящий тон в утвердительных предложениях в силу некатегоричности и неуверенности. По мнению Т.И. Шевченко (1980), фемининной особенностью является проявление особой чуткости в сфере современных тенденций произношения при использовании тонов [167:104]. Говоря о фемининной мелодике, нужно отметить, что количество типов тонов и шкал зависит от наличия большего количества комбинированных рисунков. Кроме того, для фемининной

мелодики свойственно более широкая вариативность типов шкал и разнообразие в силу изрезанности мелодического рисунка. Этим можно подтвердить мнение о повышенной эмоциональности женщин, принимающей в интонации характер тонких различий в реализациях и нюансов [120:162].

Подобная гендерная специфичность проявляется в паравербальных особенностях на уровне лингвокультур. В русской лингвокультуре, где превалируют фемининные признаки, по словам В.В. Потапова (1997), преобладают паравербальные компоненты фемининного плана. Ученый так описывает паравербальные особенности русской речи: «интегративная характеристика русской звучащей речи включает функционирование ненапряженной артикуляционной базы, среднее и пониженное подсвязочное давление и – как следствие – щадящее нефорсированное голосообразование (фонация), ведущее к отсутствию резкого раскрытия голосовой щели, свойственного артикуляции твердого приступа; применительно к консонантизму наличие оппозиции «звонкость – глухость», а также «палатализованность – непалатализованность»; динамическая одновершинность гласных; волнообразная динамика слогов вследствие рассосредоточенной кинесики; преобладание открытого типа слога и – как следствие – насыщенная вокализованность речи; расширенный мелодический диапазон при интонировании; неглубокое падение тона на участке фразовой каденции; наличие мелодической изрезанности (зигзагообразности), т.е. отсутствие мелодического монотонна; значительное число эмфатических интонационных вершин; неупорядоченный ритмический рисунок речевого высказывания как следствие подвижного разноместного ударения; сильная количественно-качественная редукция безударных гласных» [120:208]. Вышеупомянутое дает возможность, по мнению В.В. Потапова (1997), перенести особенности русской речи в область фемининности.

Преобладание маскулинных ценностей в английской лингвокультуре оказывает влияние на паравербальные свойства речи. Общая характеристика

паравербальных особенностей в английской лингвокультуре представлена Т.В. Лариной (2009) в исследовании «Категория вежливости и стиль коммуникации». Англичане обычно говорят тихо, в среднем темпе, не приветствуют молчание, не используют длинные паузы, выслушивают друг друга до конца и строго следуют turn-taking норме [95:95]. Вслед за В.В. Потаповым (1997), исследователем фонетических особенностей немецкой и русской речи, причисляем следующие паравербальные характеристики английской речи к маскулинным: форсированное голосообразование, напряженность артикуляционной базы. Благодаря этим особенностям английская речь на слух воспринимается более стаккатной если сравнивать с русской плавной речью. Помимо этого, форсированное голосообразование, а также напряженная артикуляционная база приводят к почти абсолютному отсутствию палатализации и приглушения согласных звуков, за исключением конечных согласных, а также к наличию «фортиности-лениности». В сфере акцентуации вновь выявляются маскулинные признаки. Английская акцентуация более динамична, чем русская. Благодаря значительной силе дыхательного толчка в силу более высокой степени мышечного напряжения, выделяемые слоги в английских словах акцентируются сильнее, чем в русских словах. Кроме того, в качестве маскулиновой черты выделяется крутое, резкое падение тона до низкого уровня. Т.Н. Чугаева (2008) в исследовании «Перцептивный аспект звукового строя английского языка» выделяет доминирующий консонантный тип слова в английском языке, что вновь является маскулинным признаком. По словам исследователя, высокочастотное английское слово является консонантно нагруженным с возрастающим стремлением к консонантизму в сверхъядре языка [165:36].

Паравербальные особенности китайской лингвокультуры обусловлены стремящимися к гармонии маскулинными и фемининными характеристиками. Так, китайская звучащая речь соединяет в себе маскулинные признаки, такие как большая напряженность органов речи, сильное фонационное дыхание с фемининными особенностями, такими как

тонируемый слог, а также вокальная доминанта. Наличие многозвучия слов китайского языка как фемининный признак объясняется артикуляторно-звуковой контрастностью гласных. Наличие большого количества гласных в китайском языке объясняется дополнительными (по сравнению с русским языком) физиологическими возможностями голосовых связок. Во время произношения китайских гласных звуков употребляются дифференцированные эффективные положения голосовых связок, которые определяют тоновое разграничение китайских гласных в звуковом отношении. Артикуляция китайских гласных включает определенное положение речевых органов в надгортанном резонаторе и определенный уклад голосовых связок. Следовательно, китайский гласный является связочно-дифференцированным. При его описании используется пятиуровневая шкала, голосовой диапазон которой разбивается на пять ступеней от низкого до высокого. Оппозиция глухой непридыхательный и глухой придыхательный согласный звук главным образом вызвана напряженной артикуляционной базой, сильной фонацией и, как нам представляется, является маскулинной характеристикой. Фарингализация, определяемая как дополнительная артикуляция, связанная с гласным, по нашему мнению, относится к фемининным паравербальным особенностям. Фарингализация реализуется за счет сужения стенок глотки и сокращения дужек мягкого нёба. На слух фарингализованные звуки воспринимаются произнесенными «сдавленным» голосом, а гласный приобретает более высокую тембровую окраску. Другая фемининная характеристика паравербальных признаков китайской речи - сандхи тонов. Термин сандхи (связь, соединение) появился в древнеиндийской грамматике для обозначения звуковых и тоновых фонетических и морфонологических чередований на стыках морфем и слов [119:83-86], [3:96].

Таким образом, приоритет маскулинных или фемининных ценностей в лингвокультуре помимо всех прочих систем пронизывает и паравербальную систему, обеспечивает лингвокультуру своеобразием,

неповторимостью и одновременно создает дополнительные помехи при межкультурном общении. Это является причиной того, что паравербальная информация получает у представителей разных лингвокультур неверную интерпретацию, так как пропускается через паравербальную систему родной лингвокультуры.

2.2. Национальные особенности гендерного кинесического коммуникативного поведения

Кинесический компонент гендерного коммуникативного поведения относится к наиболее разработанным областям научного исследования в невербальном поведении. Подразделяясь на семиотические классы, кинесические жесты содержат средства, которые соответствуют маскулинному невербальному поведению, фемининному невербальному поведению и универсальные жесты, то есть те, которые употребляются и в маскулинном и в фемининном невербальном поведении. В силу того, что невербальное поведение обусловлено лингвокультурой, в каждой лингвокультуре существуют типичные маскулинные и фемининные позы, жесты рук, ног, головы. По словам Г. Крейдлина (2002), гендерные различия особенно заметны в употреблении жестов-эмблем. Типичными кинесическими жестами для гендерной языковой личности мужского пола являются, например, такие жесты, как потирать рукой подбородок, чуть тянуть вниз мочки ушей в момент недоумения или умственного затруднения. В подобной ситуации типичным кинесическим жестом для гендерной языковой личности женского пола является - прикрыв рот, приложить указательный палец к нижним передним зубам либо к подбородку [224:208]. Типичными русскими фемининными жестами считаются такие жесты, как поправить волосы, ходить, покачивая бедрами, чуть наклонить голову, пощечина, схватить кого-либо за волосы, топнуть ногой, закрыть лицо руками [224:207]. В Китае обнажать плечо является фемининным жестом. Открыть левое плечо означает радостную церемонию, в которой женщина принимает участие. Обнаженное правое плечо означает признать себя побежденной, готовность нести наказание [81:71]. К маскулинным русские относят следующие жесты: сидеть развалившись в кресле, стоять, широко раздвинув ноги, стукнуть кулаком по столу, потирать руки (Крейдлин, 2002).

Согласно Г. Крейдлину (2005), русский фемининный жест брать мужчину под руку почти не встречается в английском фемининном невербальном поведении. Однако жест ходить по улицам, взявшись за руки с лицами противоположного пола - распространенный жест всех возрастов и гендерных стилей невербального поведения в английской коммуникации. Подобный жест встречается и в китайском кинесическом поведении. Если раньше традиционно невербальный контакт был ограничен строгим этикетом, то сегодня можно нередко встретить носителей китайской коммуникативной культуры и не только противоположного, как в Англии, пола, прогуливающих за руку. Данный жест употребляется как в маскулинном, так и в фемининном китайском невербальном поведении. Подобное невербальное поведение не является нормативным в Англии и России, особенно в маскулинном стиле кинесического поведения. Китайский жест приветствия на расстоянии обладает гендерной спецификой в реализации. В маскулинном стиле данный жест исполняется вытянутой рукой, в фемининном стиле жест отличается тем, что рука не вытягивается, а располагается близко к телу (Стефенсон, 1993). Китайский гендерно-универсальный жест, при исполнении которого указательный и средний пальцы несколько раз сгибаются, имитируя поклон, употребляется для выражения благодарности за хорошее обслуживание в ресторанах или кафе. Данный жест – яркий пример культурно-специфичных жестов-эмблем, так как в России и англо-говорящих странах подобный жест выражает отсутствие терпения у человека [42:84]. Жест «похлопать по спине» в значении «поприветствовать кого-либо» в русской коммуникации – маскулинный, в китайской – гендерно-универсальный. В соответствии с культурными нормами кинесического поведения китайской лингвокультуры пропускать девушек и женщин вперед не считается нормой, в то время как представители русской и английской коммуникативных культур считают это правило обязательным для соблюдения (Е.Б. Морозова, 2005).

Позы так же, как и жесты, отражают гендерные различия, входящие в основу нормативного невербального поведения той или иной лингвокультуры. Особенно ярко различия проявляются во время коммуникации разнополых собеседников - представителей разных культур. В ходе исследований было выявлено, что мужчины и женщины ощущают себя комфортнее и активнее участвуют в разговорах с однополым человеком, чем с человеком противоположного пола. Например, в беседах с лицом того же пола человек с большей легкостью принимает свободные позы, а движения его рук и туловища имеют большую амплитуду. Фемининные позы, как правило, менее открытые, жесты рук менее крупные по размаху, чем маскулинные. Психологи, антропологи (Брид, 1972; Дэвис, Вейтц, 1981; Мехрабиан, 1968) объясняют это общественной ролью и статусом женщины (социальные действия и общественная роль мужчины требуют большого пространства и свободы, в то время как от женщины ожидается физически ненавязчивое, сдержанное и скромное поведение), способностью женщины относительно быстро приспосабливаться к меняющимся социальным условиям и к текущей ситуации, а также в среднем лучшим, чем у мужчины, умением находить контакт с другими людьми [81:77]. Фронтальная ориентация по отношению к приятному человеку и боковая ориентация к неприятному человеку считаются фемининными позами. Небольшой наклон туловища в сторону от неприятного человека – поза, свойственная маскулинному стилю невербального поведения, выражает напряженность отношений. По мнению Г. Крейдлина (2002), в русской коммуникации поза сидеть, отклонив корпус назад, является сугубо маскулинной. Легкий наклон вперед в случае желания получить ответ на лично интересующий вопрос – поза, свойственная и маскулинному и фемининному невербальному поведению. Только фемининному стилю свойственна поза наклонять голову в сторону того человека противоположного пола, к которому испытываешь любовь или привязанность [83:81]. В русской коммуникации фемининной считается и открытая поза стоять с открытыми чуть отодвинутыми от тела

руками, при этом приветливо улыбаться, разговаривая с собеседником противоположного пола, вызывающим интерес. Равно как и закрытая поза, когда руки прижимаются к телу, улыбки на лице либо нет вообще, либо вымученная при разговоре с неприятным собеседником противоположного пола (Мехрабиан, 1968).

В целом правила китайского кинесического общения predeterminedены выдвиганием женщины на один этикетный уровень вместе с мужчиной, что не является странным, на наш взгляд, так как китайская коммуникативная культура провозглашает гармонию мужского (Ян) и женского (Инь), где одно не лучше и не хуже другого. Для китайской жестикуляции по сравнению с русской характерна меньшая частота, относительно небольшая амплитуда движений и большая сдержанность. Для англичан также не свойственна выразительная жестикуляция, более того, они с подозрением относятся к тем, кто обильно жестикулирует руками. Англичане пользуются жестами лишь в крайне необходимых случаях. Богатая жестикуляция, по мнению англичан, признак неискренности. Философский подход к восприятию мира приводит к тому, что китайскому невербальному стилю общения не свойственны жесты с повышенной экспрессией, чего нельзя сказать о русской кинесике. Русская культура, будучи фемининной по своей сути, очень эмоциональна, отсюда большое количество жестов, обладающих повышенной экспрессией. Китайцы с раннего детства обучаются контролировать свои эмоции, и даже в моменты психологической напряженности они могут управлять своим эмоциональным состоянием. Англичане, как и китайцы, контролируют эмоции лучше, чем русские, реже краснеют и бледнеют. Как отмечает И.А. Стернин, придерживаясь маскулинных ценностей, англичане считают обязательным правилом сохранять приветливое лицо, даже ирония и сарказм выражаются с бесстрастным выражением лица, исключая интонацию и выразительную мимику [133:120]. Учения Конфуция и других великих китайских мыслителей во многом влияют на существование «трафаретных» моделей в традиционном невербальном поведении современных китайцев.

Положение о недопустимости касания мужчины и женщины, когда они что-либо подадут или берут, также считается конфуцианским правилом. Страх «потери лица» для китайца и уважение личного пространства для англичанина воспитывают сдержанность, моральное и психологическое равновесие китайских и английских коммуникантов. И, напротив, стремление к более тесным взаимоотношениям приводят к эмоциональности, порой назойливости русских коммуникантов. В свете межкультурных различий фемининные русские, обладающие активной жестикуляцией и мимикой, чаще всего воспринимаются маскулинными англичанами и стремящимися к гендерной гармонии китайцами как напористые, распушенные и невоспитанные. Англичане и китайцы, общающиеся с минимальным использованием средств невербальной коммуникации, представляются русским холодными, расчетливыми, скрытными, мало заинтересованными в общении [22:98].

Таким образом, приходим к заключению, что гендер пронизывает кинесическую коммуникацию, накладывая отпечаток на стили невербального поведения. Из вышесказанного следует, что жестовое поведение русских ориентировано больше на фемининные ценности с вытекающими отсюда такими последствиями, как высококинесичность, эмоциональность, ориентирование на групповые ценности. Английское кинесическое поведение подчиняется маскулинным правилам. Отсюда низкокинесичность, ориентирование на личность, соблюдение личного пространства. В китайском кинесическом стиле коммуникации так же, как и английском больше нашли отражение маскулинные ценности: низкокинесичность, репрессивность, церемониальность, ориентирование на общественные ценности, соблюдение значимости «сохранения лица» [42:138].

2.3. Национальные особенности гендерного визуального коммуникативного поведения

Отечественные и зарубежные исследователи подчеркивают особую роль гендера в визуальном коммуникативном поведении. Отечественный антрополог М.Л. Бутовская фокусирует внимание на том, что при раскрытии маскулинных и феминных особенностей визуального поведения, особо ярко проявляется социальная и коммуникативная роль глаз. В ходе исследований были установлены некоторые маскулинные и феминные особенности глазного поведения. Необходимо отметить, что представленные данные относятся к европейской культуре. Феминным признаком считается более высокая степень контакта глаз, как в женских парах, так и в смешанных (Р. Экслейн, Л. Винтерс (1965), М. Аржилль (1967), М. Кук (1976), Л.М. Коутс, К. В. Шнайдер (1975), С. Данкан, Д.В. Фиске (1977)). По мнению Г.Е. Крейдлина, это объясняется тем, что женщины более эмоциональны, стремятся сохранить дружеские отношения, получить одобрение. Кроме того, такое феминное поведение связано с поиском участия со стороны мужчины и проявлением зависимого положения. По мнению Э. Холла (1985), следствием более высокой степени контакта глаз как феминного признака является феминная способность лучше распознавать и дешифровать эмоции по выражениям лиц. Феминной чертой является также особенность смотреть на того, кто больше нравится. Маскулинная черта – смотреть на «холодного» интервьюера-мужчину, то есть на того, кто мало говорит, мало смотрит, мало улыбается. Это убедительно доказано в тех экспериментах, в которых варьировалась эмоциональная теплота отношений к партнеру самого интервьюера. Феминная особенность – смотреть на других женщин в дружеских встречах, маскулинная – на мужчин в недружеских контактах и диалогах. Специалист в области гендерной семиотики Г.Е. Крейдлин объясняет такое поведение тем, что в актах коммуникации с незнакомым

мужчиной мужчины с самого начала начинают борьбу за коммуникативное первенство, бросают вызов сами и принимают его со стороны другого мужчины. Маскулинным признаком считается признавать более привлекательными тех женщин, которые больше смотрят на мужчин и наоборот, фемининная особенность – считать менее привлекательными тех мужчин, которые смотрят на них, не сводя глаз. Таким образом, опираясь на результаты проведенных исследований, правомерно говорить о гендерном характере визуального коммуникативного поведения.

Важным представляется рассмотреть особенности гендерного визуального поведения, учитывая специфику национальных лингвокультур. Принимая во внимание гендерный характер визуального коммуникативного поведения, каждая лингвокультура вырабатывает свои модели визуального поведения. Преобладание фемининных ценностей в русской лингвокультуре привело к тому, что русская языковая личность характеризуется высокой частотой и продолжительностью взгляда по сравнению с англичанами. В результате, открытое рассматривание окружающих или прямой взгляд в глаза собеседнику как естественное русское поведение, расценивается как оскорбление и вызывает негодование у англичан, предпочитающих ценности иного порядка. Такой же реакции следует ожидать и от китайцев. По словам Е. Афонсенко [5], востоковеда и исследователя в области этнопсихологии, смотреть в глаза человеку в Китае считается неприемлемым. Китайцы верят, что «если взглянуть в глаза человеку, сразу узнаешь все его тайны». Следовательно, смотреть в глаза китайцу – это проявление невоспитанности и неуважения. Тем более что глаза и выражение глаз имеют для китайца сакральное значение. Согласно китайской физиогномике (древнему китайскому искусству чтения по лицу), само слово «выражение лица» по-китайски дословно означает «божество глаз», «дух глаз». Таким образом, во время общения китайцы предпочитают сохранять лицо беспристрастным, елейным, избегают смотреть собеседнику в глаза. Именно такое поведение считается проявлением вежливости в китайской лингвокультуре,

стремящейся к гармонии маскулинного и феминного, в русской лингвокультуре, напротив, пристальный взгляд в сторону говорящего расценивается как признак воспитания и хорошего тона. Согласно специалисту в области коммуникативного поведения И.А. Стернину (2002), прямой взгляд у англичан является знаком внимания и заинтересованности. При этом в глаза смотреть не принято. А чтобы дать собеседнику понять, что его слушают, англичане не кивают головой, как это делают русские, а мигают [133:153]. Если в русской лингвокультуре, как культуре с доминированием феминных признаков, глаза передают эмоциональное состояние партнеров по коммуникации, например, смотреть с сожалением, с восхищением, с укоризной, приветливо, добродушно, раздраженно, испуганно, (не)одобрительно, осуждающе, то в китайской лингвокультуре, провозглашающей гармонию Инь и Ян (маскулинного и феминного), беспристрастное выражение глаз и лица в целом, выражают не только вежливость, но и скрывают истинные чувства и эмоции. Что касается прямого взгляда, то в русской лингвокультуре прямой взгляд в глаза, если не проявляется агрессия, – есть свидетельство стремления к установлению теплых отношений, тогда как в английской лингвокультуре подобный взгляд, тем более что смотрят не в глаза, а в лицо, – всего лишь признак заинтересованности при разговоре и ничего более. Что собственно, и не является странным, а подтверждением преимущественно маскулинных ценностей в лингвокультуре.

Таким образом, визуальное коммуникативное поведение носит гендерный характер, подчиняется принятым в конкретной лингвокультуре правилам этикета и относится к важным невербальным сигналам. Через культурный и гендерно-специфичный зрительный код передается от 80% до 90% информации. В лучшем случае недопонимание, а иногда и конфликт в межкультурном коммуникативном акте связан с разными нормами глазного поведения. Коммуникация посредством глаз тесно связана с вербальным речевым актом. Однако, как отмечает Г.Е. Крейдлин, несмотря на

актуальность проблемы соотношения словесного и зрительного кодов, соответствующих научных разработок крайне мало [83:236].

2.4. Национальные особенности гендерного проксемино коммуникативного поведения

Вопросу влияния пола коммуникантов на особенности проксемино поведения посвящены труды: Byrne (1970), Eakins (1978), Bell (1982), Barnard (1982), Hayduk (1983), Patterson, Edinger (1987), Deaux (1998), Friedman (1998), Unger, Crawford (2000), Крейдлина (2002), Бутовской (2004) и др. Исследователи пришли к следующим выводам. Гендерные различия в проксемино поведении хорошо выражены. Это означает, что у мужчин и женщин, представителей одной культуры, по-разному развито чувство пространства. По данным ряда зарубежных исследователей (Sussman, Rosenfeld, 1982), независимо от культуры женщины в пространственном отношении располагаются при общении ближе друг к другу, чем мужчины. Минимальная дистанция зафиксирована между двумя женщинами, средняя – в смешанной паре, максимальная – между двумя мужчинами (Bell, 1982; Barnard, 1982; Hayduk, 1983; Patterson, Edinger, 1987). Созвучную мысль находим у Г. Крейдлина, который утверждает, что в женских парах физическое расстояние между собеседниками меньше, чем в мужских, причем степень знакомства особой роли не играет. С возрастом межличностная дистанция в женских парах увеличивается, а в мужских уменьшается. В женских парах дистанция между собеседниками меньше, чем в разнополых парах, а в разнополых парах расстояние меньше, чем в мужских. В стрессовых ситуациях дистанция между коммуникантами уменьшается. В смешанных парах степень знакомства партнеров приобретает значимость. Так, женщина располагается ближе к тому человеку, которого она любит или считает близким другом, чем к просто товарищу или коллеге по работе [8:471]. Кроме того, исследования (Byrne, 1970) показывают, что во время коммуникации мужчин и женщин увеличивающаяся симпатия коррелирует с более близкой дистанцией. Установлено также, что дистанция

между двумя женщинами обусловлена взаимной симпатией, тогда как в паре мужчин дистанция не определяется отношениями дружбы [22:229]. Следовательно, как мужчины, так и женщины находятся на большем физическом расстоянии от партнера-мужчины, нежели от партнера-женщины, вторжение незнакомого мужчины в личную сферу человека любого пола менее приятно, чем вторжение в то же пространство со стороны женщины: когда мужчина вторгается в личное пространство другого человека, будь то женщина или мужчина, считается, что у него «плохие намерения». Значимым является факт, что мужчины и женщины при этом по-разному реагируют и на способ приближения к ним незнакомых людей: женщины обычно ощущают дискомфорт, когда незнакомец находится у них за спиной, а мужчины – когда тот находится к ним лицом [83:328]. Кроме того, в женских и смешанных парах коммуниканты чаще обмениваются тактильными контактами, чем партнеры в мужских парах. Различия в поведении между полами можно объяснить более эмоциональным и контактным поведением женщин в обществе по сравнению с мужчинами (Eakins, 1978). Гендерные роли способствуют тому, что женщины устанавливают более тесные пространственные связи с другими. Различия в индивидуальной дистанции связаны с правилами социализации: мужчины во всех культурах воспитываются как более сильный пол, и это заставляет их вести себя более независимо и самостоятельно по сравнению с женщинами. Женщины, напротив, воспитываются как более зависимый пол и в целом чувствуют себя более комфортно в ситуациях общения (Unger, Crawford, 2000; Deaux, 1998; Friedman, 1998) [22:229-231].

Вышеизложенные особенности проксеимного поведения мужчин и женщин сказываются на культурно-специфичной характеристике культур, принадлежащих к разным гендерным типам. В английской культуре, согласно параметрической модели Г. Хофстеде [164], маскулинность/феминность превалируют маскулинные качества, в русской – феминные, китайская культура провозглашает гармонию Инь и Ян, которая

выражается в так называемом «сохранении лица» и иерархии. Как нам представляется, проксеменные характеристики упомянутых культур в большой степени зависят от гендерной организации.

Начнем с того, что само понятие «пространство» является культурно-специфичной категорией. Например, эссе Н.А. Бердяева гласит, что «в русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчетливости, экономии пространства и времени, интенсивности культуры. Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков...» [88:111]. Согласно Л.В. Куликовой (2004), исследователя в области МКК, для англичан «пространство» не абстрактное понятие, а объективная реальность, не видимая простым глазом. Действительно, кажется, будто вокруг каждого человека очерчен невидимый круг или распространяются какие-то волны, препятствующие соединению, отталкивающие людей друг от друга. В английской лингвокультуре каждый человек бытует как бы в «воздушном шаре», объем и стенки которого оберегают физическую и социальную дистанцию личности [89:63]. Согласно Е. Афонасенко [5], китайцы не показывают особого интереса к абстрактному понятию «пространство», предпочитают практическое понимание, приближенное к повседневной жизни человека, ее задачам и целям. Речь о пространстве в китайской культуре чаще всего связана с тем, как лучше человек может соответствовать той или иной ситуации. Традиционно внимание направлено на субъективный фактор, на жизнь человека, его дела и возможности, его самореализацию, а не на объективные признаки пространства. Для достижения баланса и гармонии в различных сферах жизни важно поддержание их и в пространственных отношениях. В китайской народной культуре основу понятия о пространственной гармонии составляют силы Инь и Ян, а также «пять элементов», «пять направлений», «пять тонов», «пять цветов», «пять чисел». Эти элементы входят в систему китайской геомантии – «фэншуй» – особого порядка и гармонии в

пространстве. Определение посредством геомантии правильных пространственных решений было в прошлом и остается в настоящем одним из важных элементов повседневной жизни китайцев. Современные китайцы продолжают верить, что правильное геомантическое размещение приносит благополучие и коммерческие успехи. Современные молодые китайцы придерживаются традиционных образов пространства, которые были осмыслены древней китайской цивилизацией [5]. Таким образом, правомерно говорить о специфичности понятия «пространство» в английской, русской и китайской культурах.

Одной из характерных черт маскулинности считается индивидуализм, а фемининности – коллективизм. Индивидуализм как маскулинное качество английской культуры и коллективизм как фемининное качество русской и китайской культур находят яркое проявление в проксеменных характеристиках. Так, представители русской и китайской коллективистских культур имеют прочные, эмоциональные внутригрупповые отношения, группы оказывают сильное воздействие на поведение. Значительную роль играют группы родственников, соседей, коллег, где люди объединены взаимными обязанностями и ожиданиями, базирующимися на их постоянном статусе. В русской и китайской лингвокультурах существует большая ответственность друг за друга, чем в английской культуре, «большая зависимость решений и поступков человека от социального окружения, от мнения значимых других» (Агеев, 1990 цитата по [89:94].) Согласно Н.М. Лебедевой (1999), исследователя в области этнической и кросскультурной психологии, устремленность на коллективистские ценности предполагает коллективное пространство и интеграцию [96]. Что не может не сказаться на специфике лингвокультуры, в том числе проксеменном поведении гендерных языковых личностей. У русских и китайцев восприятие себя заканчивается границами тела, личное пространство если не отсутствует вовсе, то, по сравнению с англичанами, является минимальным. Как отмечает Л. Броснахан (1998), «русское осознание себя имеет границы, совпадающие с границами тела, в то

время как у англичан оно распространяется сантиметров на 10 за пределами его тела» [95:92]. Китайцы общаются на близком расстоянии, поскольку границы интимной зоны в китайской лингвокультуре заканчиваются пределами тела человека. И если дистанции в общении русских с китайцами симметричны, то различия китайцев с англичанами в дистанции общения часто служат одной из причин конфронтации. Англичане воспринимают поведение китайцев как слишком фамильярное и давящее, а те рассматривают англичан как слишком официальных и холодных, относящихся к ним с демонстративным пренебрежением [22:241]. Значительно меньший размер индивидуального пространства китайцев по сравнению с англичанами существенным образом обусловлен условиями повседневной бытовой среды, постоянно движущимися потоками плотной толпы, регулярно переполненным транспортом. По свидетельствам специалистов (Тертицкий, 2001; Малявин, 2002, Девятов, 2002), китайская лингвокультура демонстрирует исключительную толерантность к присутствию других людей. В китайской лингвокультуре считается вполне естественным, когда каждый ведет себя так, как ему хочется, как ему удобно, и позволяет другим вести себя естественно. Китайцы спокойно реагируют на давку в транспорте, переполненные улицы городов. По словам В. Малявина (2002), в воскресные дни людей очень много, в особенности в Пекине и Шанхае, что трудно пройти. Значимым в проксеминой культуре Китая является и то, что при минимальной зоне личной автономии, китайцам удается избегать тактильного взаимодействия. А исключительная толерантность к присутствию других не что иное, как китайская церемония. Примером может послужить поведение пожилых китайцев в разговоре друг с другом и иностранцами. В подобных случаях они ведут себя подчеркнуто вежливо. Однако вежливость на словах на самом деле может скрывать совсем другое отношение. Например, когда говорят, что «Вы хорошо знаете что-то», это не значит, что говорящий действительно считает так. Китайцы

обычно сдержаны, скупы в проявлении своих чувств, они всегда соблюдают определенную дистанцию (Малявин, 2002).

Согласно исследованиям в области коммуникативного поведения Л.В. Куликовой (2004), И.А. Стернина, Т.В. Лариной (2003), будучи эмоционально индивидуалистами, англичане обособлены от окружающих и имеют склонность к уединению. Это дает им возможность находиться в комфорте в любом окружении и даже в одиночестве. Англичане в отличие от русских и китайцев ощущают себя, прежде всего, как индивидуумы, а лишь затем как члены какой-либо группы, поэтому в английской лингвокультуре высоко ценится зона личной автономии. Предпочтение индивидуалистских ценностей обуславливает желание к изолированности и наличию индивидуального пространства. В английской лингвокультуре для обозначения личного или персонального пространства существует особое слово – *privacy* (Ларина, 2002). В английской лингвокультуре размер межличностной дистанции и территория персонального пространства значительно больше, чем в русской лингвокультуре. Для англичан в большей степени свойственно ограждение своего пространства, когда для русских физический контакт, прикосновения воспринимаются как допустимая норма общения. Как правило, в Англии комфортным расстоянием при разговоре является дистанция в один метр. Несоблюдение этой дистанции воспринимается как вторжение в личное пространство и вызывает отрицательные эмоции. Тактильное взаимодействие при общении распространено менее, чем в России. Англичане стремятся избежать телесного контакта. Русские настолько терпимы к тактильным контактам (на улице, в транспорте, магазине), что не всегда извиняются.

Зона *privacy* в английской лингвокультуре и ее несущественность в русской и китайской лингвокультурах выражается в том, что англичане при ходьбе пытаются избежать столкновения с идущим навстречу намного раньше, чем это делают, например, русские. Русские извиняются обычно при непосредственном физическом столкновении или едва не столкнувшись,

англичане – при «столкновении» зонами автономии. При этом извиняются оба субъекта, независимо от того, кто виновник создавшейся ситуации. Уважение личного пространства выражается также в строгом соблюдении очередности. Стоя в очереди, например, в банке или магазине, англичане никогда не приближаются к человеку, которого обслуживают в данный момент, а терпеливо ждут на довольно большом расстоянии приглашения кассира. Когда очередь состоит из одного человека, стоящего в стороне (например, около билетной кассы в метро или на вокзале), русский человек его не замечает. Именно поэтому русские, даже не осознавая этого, получили репутацию людей, которые регулярно игнорируют очередь. Разница в пользовании пространством англичанами и русскими говорит о том, что первым для комфорта необходимо большее личное пространство, чем вторым. Англичане стоят, сидят на большем расстоянии друг от друга, чем это делают русские. Кроме того, наличие речевых и тематических коммуникативных табу, невысокая степень контактности англичан также «охраняют» зону индивидуального пространства личности.

Таким образом, можно провести параллель между проксемным поведением мужчин и женщин и проксемным поведением гендерной языковой личности представителей лингвокультур, принадлежащих к разным гендерным типам. Например, по данным исследователей (Sussman, Rosenfeld, 1982), независимо от лингвокультуры, женщины при общении в пространственном отношении располагаются ближе, чем мужчины. Тот же самый эффект наблюдаем при общении русских и китайцев, тем самым подтверждая, что по параметру «дистанция общения» в русской и китайской лингвокультурах преобладают фемининные качества. Чего не скажешь об англичанах, демонстрирующих повышенную значимость маскулинных качеств при общении, как с представителями своей лингвокультуры, так и с русскими и китайцами. Однако, анализируя особенности англо-русско-китайского взаимодействия, нельзя обойти вниманием культурную специфику пространственной составляющей в общении между

представителями лингвокультур. Так, при всей видимости простоты и открытости китайцев со стороны русских стоит упомянуть о двойственности такого поведения. Китайцы обычно сдержаны, скупы в проявлении своих чувств, они всегда соблюдают определенную дистанцию. А наличие минимальной зоны личной автономии объясняется демографическим фактором и географическими условиями, с одной стороны, и соблюдением традиционных канонов – «сохранение лица» и иерархия, с другой. Как говорит Куликова Л.В. (2006), специалист в области МКК, очевидно, что межкультурные конфликты, вызванные разницей в восприятии пространства, не следует сводить только к проксемным конфликтам, связанным с нарушением дистанции. Налицо собирательность этой категории. Данная категория включает понимание пространства как физической территории, метафорическое проявление, социальное пространство, территориальный фактор в национальном самосознании, область коммуникативных (вербальных и невербальных) средств, отражающих особенности отношения к пространству в разных языках [89:242].

2.5. Национальные особенности гендерного тактильного коммуникативного поведения

Тактильное восприятие является одним из основных перцептивных способностей человека и обладает отличительными чертами. Оно более последовательно, фрагментарно и осуществляется медленнее по сравнению с целостным и быстрым зрительным восприятием. Если сравнивать зрительное восприятие с тактильным, то последнее намного реже приводит к ошибкам. На тактильное поведение влияют различные факторы, вносящие существенные поправки в нормы коммуникативного поведения. Согласно Г. Крейдлину (2002), С. Махлиной (2009), исследователей в области семиотики, среди них выделяют: контекст, пол, возраст, социальное положение партнеров, степень знакомства, взаимоотношения собеседников друг к другу, психологическое и физическое положение партнеров, стиль тактильного поведения, присутствие «третьих лиц» в акте коммуникации, частота контактов во времени [83:107], [109]. Приведем общие правила тактильного поведения, представленные М.Л. Бутовской (2004), исследователем в области МКК, применительно к европейским культурам. Публичные тактильные контакты низки по частоте для нейтральных партнеров, равно как и в начале развития более тесных отношений. Контакты между близкими друзьями и влюбленными характеризуются максимальной частотой и экспрессивностью, а в семейных парах и между родственниками можно наблюдать снижение частоты прикосновений [22:112].

Среди прочих факторов наибольший интерес для нас представляет гендер и его влияние на тактильное коммуникативное поведение. Семиотические и культурологические исследования гендерных особенностей тактильных взаимодействий показывают (Крейдлин, 2002; Махлина, 2009), что в разнополых коммуникативных актах гендерная языковая личность мужского пола выступает инициатором касаний. Данный факт объясняется большей природной сексуальной активностью мужчин. Так, например, было

отмечено, что мужчина первым берет женщину под руку или за руку, кладет руку ей на плечо, обнимает за талию. Однако более интенсивные и теплые тактильные дружественные отношения являются женским отличием. При этом друзья-женщины касаются только рук и головы друг друга, тогда как друзья-мужчины часто касаются рук и ног друг друга и несколько реже торса и головы. С максимальной частотой и экспрессивностью касаются друг друга близкие партнеры противоположного пола. При этом мужчины касаются с равно высокой частотой всего тела, головы, рук и бедер женщин и чуть реже – голеней и стоп. Женщины часто касаются всего тела партнера, за исключением голеней и стоп. Вышеперечисленные факты являются результатом исследования европейских лингвокультур в целом. Однако внутри каждой лингвокультуры есть свои тактильные правила, регулируемые традициями и обычаями той или иной лингвокультуры, а не только принадлежностью к определенному полу. Кроме того, гендерное тактильное взаимодействие зависит от той роли, которую принимают мужчина и женщина в определенной лингвокультуре. По мнению социолога В. Конецкой (1997), в некоторых культурах прикосновение мужчины к мужчине табуировано, но не регламентировано касание женщины к женщине. В некоторых культурах нельзя женщинам прикасаться к мужчинам, тогда как мужчинам обычно дозволено прикасаться к женщинам при общении [76:98]. Иными словами, тактильное взаимодействие культурно, социально и гендерно регламентировано.

Итак, исследователями в области семиотики и культурологии (Крейдлин, 2002; Махлина, 2009), социальной коммуникации (Конечкая, 1997), антропологии (Э.Холл, 1995, М.Бутовская, 2004) было установлено, что степень тактильной контактности различается от культуры к культуре и является производной культурной модели, определенной ситуацией, качеством взаимоотношений в паре и другими вышеперечисленными факторами. Кроме того, отмечается определенное отношение между величиной личного пространства, доминированием маскулинных или

фемининных ценностей, частотой тактильных взаимодействий и интенсивностью жестикуляции. Чем меньше личное пространство, чем больше фемининных ценностей в лингвокультуре, тем богаче жестикуляция и тактильное взаимодействие. Так, в английской лингвокультуре при наличии большого личного пространства, преобладании маскулинных ценностей жестикуляция и тактильное взаимодействие ограничены. В русской лингвокультуре, напротив, при минимальном личном пространстве и преобладании фемининных ценностей наблюдается обильная жестикуляция, однако тактильное взаимодействие ограничено. При наличии минимального личного пространства в китайской лингвокультуре отмечается минимальная частота тактильных контактов и минимальная интенсивность жестикуляции. Рассмотрим более подробно данный вопрос.

Согласно исследователям И.А. Стернину, Т.В. Лариной, М.А. Стерниной (2003), в английской коммуникации разнополое касание к руке, локтю, плечу возможно. Такое касание считается нейтральным. Русские не любят, когда незнакомцы касаются их. Прикосновение, а тем более разнополое касание к незнакомцу расценивается грубым и некультурным [133]. В китайской лингвокультуре избегание касаний в общественных местах считается нормой поведения и почти не зависит от того, в каких отношениях находятся собеседники. Э. Макдэниел и П. Андерсен (1998), специалисты в области тактильного аспекта невербального поведения разных народов, обосновывают данный факт конфуцианским влиянием, четко регламентирующим наличие общих правил поведения в социуме. В китайской культуре открытое проявление эмоций в коммуникации между полами в обществе рассматривается как плохой тон и осуждается окружающими [22:128]. В силу доминирования разных гендерных ценностей в лингвокультурах у русских, англичан и китайцев складываются разные правила тактильного взаимодействия. Согласно А.Павловской (1998), исследователю в области МКК, «физическая неприкосновенность» у маскулинных англичан формируется в 7-8 лет в отличие от фемининных

русских, которые широко практикуют тактильную взаимосвязь с детьми-подростками 12-13 лет, чего не допускают английские дети, чувствуя себя взрослыми. Более того, чем старше и образованнее англичанин, тем больше он избегает тактильного контакта [117].

Согласно исследованию специфики тактильной коммуникации русских и евреев И. Микаберидзе, у эмоциональных русских широкое применение в разных контекстах получают объятия. Объятия могут сопровождать похлопывания по спине, плечу и поцелуи. Отличительной открытости русского характера соответствует множество ситуаций, требующих взаимных поцелуев: это и закрепление родственных отношений при бракосочетании, знак приветствия, дружеской привязанности, сопровождение пожелания здоровья, утешения, выражение симпатии к гостю [111]. Для англичан объятия считаются интимным сигналом. Поцелуи наиболее распространены на вокзалах и в аэропортах. Поцелуи чаще всего допустимы для родственников и близких знакомых. Англичане чаще открыто держатся за руки, обнимаются и целуются, чем русские. Русские менее открыто целуются на улицах, более сдержаны в проявлении любовных отношений на публике [133:155]. Приветственные поцелуи и объятия пока не допустимы в Китае, и к ним не следует прибегать. Особенно женщины ощущают почти физиологическое отторжение к прикосновениям со стороны незнакомых или малознакомых людей. Хотя некоторые особо «продвинутые» китайцы могут удивить крепкими объятиями, но поцелуи, даже самые невинные, китайцам чужды (Тертицкий, 2001; Малявин, 2002; Девятов, 2002).

В России рукопожатие в основном мужской или официальный жест. В русской культуре данный жест более популярен, чем в английской. Однако английское рукопожатие сильнее, чем русское. Русское рукопожатие англичане называют «мертвой рыбой». Русское рукопожатие слабее и более продолжительное, особенно это касается женщин. Русские удерживают руку партнера в своей, чем выражают повышенное расположение,

доброжелательность и эмоциональность и, на наш взгляд, отражает приверженность русской культуры к фемининным ценностям. У англичан, ценящих маскулинные качества, не принято задерживать руку собеседника в своей при рукопожатии, у них действует традиция *shake&break*. Для русских это проявление холодности и официальности. Бытовое рукопожатие у англичан главным образом однополое. Разнополое рукопожатие возможно в быту только между родственниками и любовниками, обрученными - оно в целом считается интимным жестом (Крейдлин, 2002; Стернин, Прохоров, 2011). Многие китайцы успешно усвоили западную привычку рукопожатия, хотя, возможно, не такого крепкого, как у европейцев. Поэтому не стоит удивляться смущению некоторых женщин, которые вынуждены согласно заведенному этикету жать мужчине руку (Тертицкий, 2001; Малявин, 2002; Девятов, 2002).

Тактильный жест «взятие за руку» в английской, склонной к маскулинным приоритетам, культуре служит сильным сигналом близости или интимности. Данный жест приемлем в коммуникации однополых собеседников, если они родственники, в других случаях этот жест расценивается как сигнал гомосексуальных отношений. В русской предрасположенной к фемининности лингвокультуре данный жест не имеет такого значения. В России можно встретить как мужчин, главным образом при значительной разнице в возрасте, так и женщин, идущих под руку (Микаберидзе, 2008).

Русские очень терпеливо относятся к давке, толпе, скученности. Они не касаются плеч, рук соседей, побуждая пропустить их, когда проходят через толпу. Поэтому русские прокладывают дорогу в толпе торсом, опустив руки вниз и стараясь не трогать других людей руками (Микаберидзе, 2008), чего не делают англичане и более того считают такое поведение вмешательством и интимностью. В условиях давки и неизбежных касаний русские не извиняются и не ждут извинений. Англичане, напротив, прокладывая путь через толпу, дотрагиваются до руки, локтя, плеча

загораживающих им дорогу людей (Стернин, Ларина, 2003). Для китайцев свойственно собираться в многочисленные толпы, стараясь получить доступ к чему-либо. Причем они не считают эти скопления давкой, находят в толпе определенный порядок, уступают или подрезают друг друга (Маслов, 2010).

Согласно правилам тактильного поведения русской лингвокультуры, можно дотрагиваться до руки, плеча знакомого человека при общении, снимать соринки с костюма, тереть за воротник или лацкан пиджака. Это означает проявить доброжелательность (Микаберидзе, 2008). У англичан возможно тактильное взаимодействие незнакомых людей, что считается нейтральным. Подобное поведение недопустимо для китайцев.

В иерархически организованном русском обществе более высокий статус человека дает право на инициативу прикосновения. Прикосновение человека с более низким статусом вне оговоренных социальных ситуаций или вербальных и невербальных коммуникативных актов считается ненормативным нарушением субординации. Ярким примером данного правила в вербальном коммуникативном акте считается право «старшего» на инициативу при переходе к обращению на «ты». Также можно наблюдать применение данного правила в ситуации «учитель-ученик», когда учитель на правах вышестоящего дотрагивается до ученика, показывая правильные движения, например при обучении плаванию. Подобное поведение недопустимо для англичан, в ценностях которых отсутствует фемининное качество – иерархия. Англичанин показывает обучающемуся движения, но не дотрагивается до него (Стернин, Ларина, Стернина, 2003).

Таким образом, приходим к заключению, что тактильное взаимодействие в той или иной степени определяется гендером. Так, в английской лингвокультуре, ориентированной на маскулинные ценности, более распространены правила тактильного поведения, свойственные маскулинному типу гендерной языковой личности. Примером может служить поведение англичанина в ситуации скученности, в условиях которой культурно-языковые личности проявляют инициативу касания, а само

прикосновение к плечу, руке, локтю считается нейтральным. Фемининные русские не допускают подобного поведения в такой ситуации. Что, на наш взгляд, является логичным, так как инициатива касания незнакомого человека в нейтральной ситуации не свойственна фемининному типу тактильного взаимодействия. Напротив, фемининным отличием считаются интенсивные и теплые тактильные дружественные отношения. Поэтому в русской лингвокультуре тактильное взаимодействие проявляется больше в ситуациях проявления доброжелательности, участия, поддержания теплых отношений, утешения. Иными словами, в силу большого значения эмоциональности в русской лингвокультуре как фемининной особенности большую актуальность в условиях использования правил тактильного взаимодействия приобретает эмоциональное состояние партнеров. По мнению Г. Крейдлина (2000), в условиях эмоционального всплеска допустима большая по сравнению с нормой свобода тактильных взаимодействий [83:45]. В китайской лингвокультуре, ориентированной на гармонию маскулинного и фемининного начал, тактильная практика жестко ограничена. В целом у китайцев фактически общение мужчины с женщиной ничем не отличается от общения мужчины с мужчиной. Согласно Китаеведу А. Маслову [106], женщина в китайской лингвокультуре не выделяется как тип собеседника, требующий особого общения, тоже самое можно сказать и о правилах тактильного поведения. Тактильное взаимодействие сведено к минимуму независимо от ситуации, пола, отношений между партнерами и других факторов. Однако стоит отметить, что ситуация меняется с приходом Запада в Поднебесную. Именно поэтому исследователи (Тертицкий, 2001; Малявин, 2002; Девятов, 2002; Маслов, 2010) говорят, что при контакте людей разных лингвокультур требуется особая осторожность, чтобы избежать культурных недоразумений.

2.6. Национальные особенности гендерного хронемного коммуникативного поведения

Гендерной специфике исследования времени посвящены труды в основном психологического характера и касаются вопросов маскулинного и фемининного восприятия времени. Более точное и правильное восприятие времени расценено психологами в качестве маскулинной особенности. Соответственно преувеличение времени – в ту или иную сторону – фемининная особенность. По данным психолога Г.С. Шляхтина (1997), фемининная особенность – переоценивать длительность временных интервалов (от 3 до 40 с). Психолог Дж. Виткин (1996), отмечая гендерное различие восприятия уходящего времени (оценку быстроты его протекания), говорит о скоротечности времени для фемининного восприятия и о медленном течении времени для ориентированного на успех, карьеру, финансовую стабильность маскулинного восприятия. Согласно исследованию психолога Алана Пиза (1988), к маскулинным также относится особенность делать одно дело в отдельный промежуток времени. Все имеющиеся данные исследований объясняют этот факт тем, что маскулинно-ориентированный мозг разделен на отделы с малым количеством нервных соединений между левым и правым полушариями. Именно поэтому, чтобы свериться с дорожной картой, мужчина останавливает машину и выключает радиоприемник. Благодаря тому, что фемининно-ориентированный мозг запрограммирован на параллельное управление несколькими делами, большинство женщин могут выполнять сразу несколько не связанных между собой дел [226:33].

В межкультурной коммуникации концепции времени, а также исследования относительно взаимодействия со временем носят культурно-специфический характер и легко преломляются в гендерном аспекте. Так, исследования показывают, что восприятие времени может значительно изменяться от лингвокультуры к лингвокультуре. Каждая лингвокультура, по

Э. Холлу (1985), обладает своим «языком» времени, являющимся в значительной мере неосознанным. Данный факт считается поводом перенесения своего понимания времени на мнение о нем представителей других культур и возникновения недоразумений в межкультурном общении. Одной из причин различия в восприятии времени выступает гендер, а именно преобладание маскулинных или фемининных ценностей в лингвокультуре.

Время в маскулинных культурах воспринимается иначе, чем в фемининных, и даже внутри одного гендерного типа представления о времени варьируют от лингвокультуры к лингвокультуре столь сильно, что вызывает серьезное недопонимание между представителями лингвокультур. Для англичан, как впрочем, и для многих европейцев, в лингвокультуре которых преобладают маскулинные ценности, по словам исследователя МКК М.Л. Бутовской, время означает длительность – своеобразный промежуток между двумя пунктами пространства. Настоящее является точкой в пространстве, отделяющей прошлое от будущего. Время понимается как континуум, который подразделен на единицы, каждая из которых имеет самостоятельную ценность. Более того, оно ценно не само по себе, а какместилище, в котором реализуются конкретные планы, цели и события. В европейской традиции модель времени определяется следующими параметрами: 1) линейностью (время течет); 2) монотонностью (время течет с одинаковой скоростью); 3) неповторимостью (прошлое нельзя вернуть); 4) непрерывностью и причинностью (прошлое определяет будущее); 5) синхронностью (для каждой области общественной жизни время должно означать одно и то же); 6) кумулятивностью (с течением времени что-то всегда накапливается). В русской лингвокультуре, тяготеющей к фемининным ценностям, равно как и в китайской, провозглашающей гармонию во всем, люди переживают время значительно более целостно и конкретно. В данных лингвокультурах время характеризуется: 1) цикличностью; 2) дисконтиниумом (состоит из благоприятных и неблагоприятных моментов. За первые нужно хвататься, вторых следует

избегать); 3) конкретностью (по своему содержанию время не абстрактная единица измерения, а конкретно переживаемый процесс в годовом календарном цикле).

Как маскулинные англичане, фемининные русские, так и китайцы, приверженцы срединного пути, уверены, что управляют временем наилучшим способом. Как было отмечено выше, Англия использует линейную модель времени и действия, Россия и Китай – сторонники циклической системы. Исследуя хронемные особенности английской лингвокультуры, культуролог Ю. Кузьменкова (2001) указывает, что обитатели Британских островов воспринимают время линейно, сравнивая его с дорогой, которая начинается в прошлом и уходит в будущее. Линейное время естественным образом распадается на сегменты и структурируется, становясь при этом почти осязаемым. Следовательно, его можно «потратить», «потерять», «сэкономить»; именно при таком отношении ко времени становится возможной формула «время – деньги», а скрупулезная пунктуальность и вовсе не удивляет. Англичане уверены в том, что время, свободное от принятия решений или выполнения задач, убивается без пользы. Недостатком линейного времени, по ее мнению, является то, что оно изолирует людей, воздвигает невидимые преграды в процессе взаимодействия, преодолеть которые могут лишь избранные, кому это по определенным причинам разрешено. С помощью теории линейного восприятия времени можно объяснить процесс «переваривания сообщений», – получаемая информация, как правило, анализируется представителями английской лингвокультуры последовательно, поэтому она подвергается жесткой структуризации, а сам процесс ее обработки строго контролируется [87:16]. Следствием линейного восприятия времени является наличие прямого порядка слов в предложении в английском языке. Льюис Ричард Д. (1999), специалист в области прикладной и антропологической лингвистики, отмечает, что время в английской маскулинной культуре разбито на части для удобства, измерения и распоряжения, оно привязано к часам и календарю.

Немаловажным фактом в вопросе ориентации во времени является то, что англичане придают большое значение прошлому и бережно относятся к истории. Как отмечает И.А. Стернин (2003), англичане сами признают, что их мнение о прошлом лучше, чем о будущем. Они «туго верят новшествам, терпеливо переносят многие временные заблуждения; глубоко и навсегда уверены в величии, которое есть в Законе и в Обычаях, некогда торжественно установленных и издавна признанных за справедливые и окончательные» (Карлейль цит. по 133:114). Именно своей приверженности традициям и истории, а точнее консерватизму англичане должны отдать дань сложной орфографией, которая расходится с произношением, сохранением многочисленных традиций, неистовой защитой фунта против насаждения евро, левосторонним движением. Сохранение монархии и всеобщее почитание королевской семьи – тоже дань английскому консерватизму. В языке ориентированность на прошлое проявляется в редком употреблении будущего времени. Для обозначения будущих действий употребляются формы настоящего длительного (Present Continuous). Ориентированность на прошлое английской лингвокультуры в языке также проявляется при обозначении времени, например: 11.10 – это десять минут после одиннадцати (ten past eleven).

В русской фемининной лингвокультуре время - субъективная величина, которую формируют, подделывают под себя, растягивают и обращаются независимо от того, что показывают часы. Исследователи говорят о цикличности времени в русской лингвокультуре. По мнению исследователя русских традиций, ментальности и стереотипов поведения А.В. Сергеевой (2007), цикличность времени в русском понимании выражается в следующих умозрениях: Ежедневно солнце восходит или заходит, один сезон следует за другим. Человек стареет и умирает, а его дети повторяют все сначала. Такой цикл длится более ста тысяч лет. Кажется, что времени достаточно, стоит только протянуть руку. «Когда Бог создавал время. Он создал его достаточно», — говорят на Востоке. Для русских это особенно

важно. Они все время обращаются к прошлому. Эта идея аргументируется этимологией слова «время», которое происходит от древнеславянского «веремья» и имеет связь со словами «вертеть», «веретено». Следовательно, сама идея времени в русском сознании коррелирует с идеей цикличности и повторяемости. Прошлое для русских является подоплекой, контекстом и основой любого решения. Они не так надеются на свои планы на будущее, так как уверены: будущее невозможно контролировать, оно определено судьбой, «наперед не загадывай» [127:187].

Фемининная черта цикличность времени в русской лингвокультуре отражается в языке. Оформление характеристики времени событий в русском глаголе носит видовой характер, а не общеевропейский относительный. Три времени в русском языке носят не динамический, целевой характер, с маркировкой отсчета на оси времени, как, например, в английском, а носят характер скалярных категорий. По-русски время понимается более как независимое видовое пространство из трех ящиков, в которых помещаются описываемые события, а не протяженная линейка с делениями для измерения некоего расстояния от места обзора. На основании этих положений грамматики строится понимание ситуации. То есть, например, порядок подчинения слов (а вместе с ними и понятий) и их количество не является главным и существенным в сравнении с общим смыслом – «я книгу обещаю принести». И главным тут выступает то, что книга в принципе будет принесена, а не то, что обещание будет выполнено завтра, так как русские времена «не сцеплены» друг с другом соизмерением. Более того, долженствование этого обычно понимается в зависимости от степени внешней необходимости, а не от внутреннего долженствования [89:216]. То же самое можно сказать и о договоренности. Неясность и растяжимость позиции ко времени в русской лингвокультуре дает возможность выразить, например договоренность о встрече, неопределенно, даже без выраженных маркеров типа: около, примерно, приблизительно. Например: «часов в семь» и «в семь часов» [82:235].

Китайская лингвокультура смотрит на время как на нечто вращающееся по кругу, причем с теми же возможностями, риском и опасностями, тогда как люди уже мудрее на несколько дней, недель или месяцев. Примечательно, что культ семьи в китайской лингвокультуре отражается во времяисчислении. Последовательность лет составляют «круги» числом по 60 лет, так как семья обычно состоит из дедушек, детей и внуков. Это признак природного размера счастья в семье, упоения за потомство и почтения родителей. По мнению Льюиса Ричарда Д. (1999), специалиста в области прикладной и антропологической лингвистики, буддизм определил в китайской лингвокультуре, что время и сама жизнь идут по кругу. Примечательно, что в китайской грамматике нет линейного деления категории времени на прошлое, настоящее и будущее. Необходимо целенаправленно добавлять слова «вчера», «сегодня», «завтра» или указывать какие-то имена или даты из истории. Таковы традиционные представления китайцев о времени. В осознании временных отношений в структуре самосознания современных молодых китайцев наблюдается приверженность традиционным временным образам. Цикличность времени в китайской лингвокультуре имеет свою специфику и не может быть приравнена к цикличности времени в русском понимании. По мнению историка традиционной китайской науки Н. Сивина, цикличность времени в китайской лингвокультуре тесно связана с космогонией, даже общество (отождествляемое с государством) рассматривается в качестве интегральной части космоса, которая подчиняется тем же нормам, что и космос в целом. В силу каких-то неопределенных причин простое и неоформленное начало сущего (Хаос, Беспредельное и т.д.) приобретает контрастную заряженность: одна его «часть» получает положительный (ян) потенциал, а другая – отрицательный (инь). Вариантами инварианта «отрицательного» выступают тьма, холод, покой, женственность, низина, а «положительного» - свет, жар, движение, мужественность, вершина. Сущее становится двойственным, проявляются его отрицательное (инь) и положительное (ян) качество,

особенностью которых является динамичность, когда ипостаси переходят друг в друга, обмениваясь потенциалами: «Один раз Инь, один раз Ян – это и есть Дао – Путь». Отрицательное всегда скрывает положительное, а положительное – отрицательное, положительное и отрицательное уходят корнями друг в друга. Сила Ян достигает предела развития и переходит в инь, которая затем переходит в Ян. Такое развитие двуединого ци называют Великим Пределом и графически изображается в виде «Монады» – круга с каплевидными половинами черного и белого цвета, в широких концах которых изображаются точки противоположного цвета, представляющие возможность положительного начала в отрицательном и отрицательного начала в положительном.

Культурно специфичным является и отношение китайской лингвокультуры к настоящему, прошлому и будущему. Наблюдать за временем по-китайски означает располагаться лицом к совершенному и спиной к будущему, поэтому будущее неизвестно и бесполезно для настоящего. Китайцы менее уверены в будущем, так как считают, что будущее невозможно контролировать. Свидетельством этого факта являются высказывания: «Я не могу загадывать наперед», «Что дальше будет, то будет». Итак, можно сказать, что маскулинность пронизывает линейную модель времени, фемининность – циклическую. Причем обе гендерные системы - и маскулинность, и фемининность являются культурно специфичными в своем проявлении.

Линейная модель времени ассоциируется по Э. Холлу (1997) с монохронностью, тогда как циклическая модель – с полихронностью. Согласно исследованиям психологов, краткий обзор результатов которых был представлен выше, особенность сконцентрироваться на выполнении одного дела в один промежуток времени является маскулинной. По наблюдениям Э. Холла (1997), такие лингвокультуры преимущественно монохронны. Склонность выполнять несколько дел параллельно, считающаяся психологами фемининной, по мнению Э. Холла, свойственна

лингвокультурам с полихронной моделью времени. Следовательно, монохронная система времен представляет собой противоположность полихронной подобно противоположным маскулинной и фемининной гендерным системам. В английской лингвокультуре с монохронной маскулинной системой времени, в которой четко определены приоритеты, обычным и правильным воспринимается сосредоточенность только на одном деле в определенный промежуток времени, большое значение имеет планирование и пунктуальность. По словам Льюиса Ричарда Д. (1999), специалиста в области прикладной и антропологической лингвистики, англичане обеспокоены деловой насыщенностью времени и не представляют, как можно выполнять несколько дел параллельно. Они сосредоточиваются на одном деле и выполняют его в намеченные сроки. Они считают, что успеют сделать и больше, и лучше, если будут так поступать. При таких обстоятельствах англичане вынуждены строже соблюдать правила интимности, с большой долей уважения относиться к частной собственности, стараться быть независимыми друг от друга. Однако в силу предпочтения заниматься в один промежуток времени только одним видом деятельности, отдавая ей все свое внимание и силы, им приходится как бы отгораживаться от ближайшего окружения [82:57]. Отсюда отрицательная реакция англичан на вмешательство и помехи, а также такие языковые явления, как вежливость дистанцирования, предполагающая использование целого ряда структур (определенные глагольные формы, модальные глаголы), которые обеспечивают удобное для собеседников умозрительное расстояние, позволяющее чувствовать комфортность при общении.

Склонность заниматься параллельно несколькими делами или проблемами как фемининная ценность, свойственна русским людям с полихронной моделью времени. Русские полагают, что чем больше дел они выполняют параллельно, тем более наполненной становится жизнь. Они больше ценят межличностные отношения, чем соблюдение графиков и планов, договоренностей, которые можно легко изменить или пересмотреть в

силу обстоятельств или существенности личностных отношений. Самой большой ценностью обладают родственные и дружеские связи, приоритетные по сравнению с социальными и служебными. Как представители фемининной полихронной лингвокультуры, они не ценят пунктуальность и расписания, делают вид, что придерживаются их, особенно если на этом настаивают, например, маскулинные монохронные англичане, но уверены, что реальные обстоятельства важнее расписания встреч. Планируя последовательно свои дела, они учитывают, прежде всего, значимость каждой встречи. Оптимальной формой инвестирования времени они считают межличностное взаимодействие. Именно поэтому «полихронные» русские более гибкие, чем «монохронные» англичане, почти невозмутимо относятся к тому, что их прерывают, и сами часто отвлекаются от дела. Они всегда в курсе событий, так как любопытны и обладают большим кругом общения, в том числе на служебном месте [88:58].

Китай, провозглашающий гармонию маскулинного и фемининного начал, с одной стороны, привержен тесным межличностным отношениям, свойственным полихронным культурам, с другой стороны, высоко ценит пунктуальность, соблюдение графиков и расписания, свойственное монохронным культурам. Иными словами китайцы «не спешат бросаться в воду», имеют острое чувство ценности времени и не принимают поспешных решений [103].

Основываясь на вышесказанном, приходим к заключению, что хронемные характеристики лингвокультур обусловлены гендерными особенностями. Маскулинность проявляется в линейной модели времени английской культуры, фемининность – в циклической модели русской и китайской лингвокультур. Гендерные особенности влияют не только на восприятие времени представителями лингвокультур, но и на язык. Именно благодаря подобным гендерным особенностям общение людей из разных лингвокультур в значительной степени обусловлено различиями в их представлениях о времени. Представители лингвокультур с доминирующим

маскулинным или фемининным использованием времени в процессе общения испытывают неудовольствие и стресс. Немногие могут приспособиться к противоположному использованию времени. Согласно Куликовой Л.В. (2004), специалисту в области МКК, «возможность избежать подобного конфликта заключается в понимании разницы и перестройке сознания на терпимое восприятие другого подхода к организации времени» [106:60].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Теоретической основой настоящего диссертационного исследования послужила концепция невербальной семиотики Г. Крейдлина (2000). Настоящая работа представляет собой попытку рассмотрения выделенных Г.Крейдлиным основных невербальных паралингвистических, кинесических, визуальных, тактильных, проксемных, хронемных компонентов в функциональном взаимодействии в естественной речи на уровне лингвокультур и уровне национальной гендерной языковой личности.

В ходе исследования было выявлено, что каждая лингвокультура имеет свою невербальную коммуникативную структуру, которая включает в свой состав уникальную систему гендерных ролей, т.е. определенных типовых моделей невербального поведения гендерных языковых личностей в стандартных ситуациях общения. Гендерные различия в невербальном коммуникативном поведении языковой личности привели к тому, что отдельные паралингвистические, проксемные, визуальные, тактильные, хронемные, кинесические средства стали оцениваться как более фемининные или более маскулинные. В данной главе было установлено, что ранее выделенные в исследовании гендерные ценности находят отражение в паралингвистических, кинесических, проксемных, хронемных, визуальных, тактильных особенностях исследуемых гендерных лингвокультур и сказываются на коммуникативном поведении гендерной языковой личности.

Нами было выявлено, что наличие в русской лингвокультуре таких фемининных ценностей, как открытая эмоциональность, спонтанное возникновение желаний, отсутствие контроля над событиями, иррациональность находят следующее отражение в паралингвистических особенностях русской лингвокультуры: ненапряженность артикуляционной базы, щадящее нефорсированное голосообразование, палатализованность, волнообразная динамика слогов, неглубокое падение тона, наличие мелодической изрезанности и др. Маскулинная английская дистанцированность, уникальность личности, демонстрация благополучия и

успешности коррелируют с напряженной артикуляционной базой, форсированным голосообразованием, отсутствием палатализации, интенсивным акцентированием слогов, резким крутым падением голоса до низкого тонального уровня. В процессе изучения национальных особенностей невербального поведения было нами отмечено, что китайское смешение интеллектуального и эмоционального, наличие ритуала и иерархии, следование срединным путем, соблюдение этики «лица», эмоциональность формы и эмотивность поведения реализуются в сильном фонационном дыхании и вокальной доминанте, высокой степени напряженности органов речи и тонированном слоге.

Кроме того, нами были зафиксированы некоторые особенности проявления национальных ценностей в кинесическом поведении национальной гендерной языковой личности, которые выражается в большом количестве жестов, обладающих повышенной экспрессией в русской лингвокультуре. Следование этике «лица» для китайской языковой личности и уважение личного пространства, недопустимость оказания прямого воздействия, толерантность к поведению других, эмоциональная сдержанность для английской языковой личности проявляются в невыразительной жестикуляции с малой частотностью и небольшой амплитудой движений.

Как было нами установлено, особенность визуального поведения русской гендерной языковой личности, обнаруживающаяся в высокой частоте и большой длительности взгляда по сравнению с англичанами и китайцами, есть следствие близких межличностных отношений. Склонность китайцев сохранять лицо беспристрастным и не смотреть собеседнику в глаза - результат вежливости и сдерживания эмоций. В отличие от русской языковой личности взгляд в лицо у индивидуалистов – англичан есть признак заинтересованности, а не близких межличностных отношений.

Русские гендерные национальные ценности в проксеимном поведении проявляются в тесной пространственной близости коммуникантов. Русские в

пространственном отношении располагаются при общении друг к другу ближе, чем англичане. Представители русской и китайской лингвокультур имеют прочные, эмоционально-окрашенные внутригрупповые связи, группы оказывают сильное влияние на поведение. У русских и китайцев восприятие себя заканчивается границами тела, личное пространство является минимальным и заканчивается в пределах тела человека. Для английской языковой личности пространство - объективная реальность. Англичане ведут себя независимо и самостоятельно по сравнению с русскими. В отличие от русских и китайцев стремятся к изолированности, оберегая свое физическое и социальное пространство.

В ходе исследования было доказано, что теплые тактильные дружественные отношения являются русским отличием тактильного поведения гендерной языковой личности. В русской лингвокультуре тактильное взаимодействие зависит от эмоционального состояния партнеров и проявляется больше в ситуациях доброжелательности, участия, поддержания теплых отношений, утешения. В китайской лингвокультуре тактильная практика жестко регламентирована. Тактильное взаимодействие сведено к минимуму независимо от ситуации, пола, отношений между партнерами и других факторов в силу сдержанной эмоциональности. В английской лингвокультуре ограниченное тактильное поведение – следствие преобладания маскулинных ценностей.

Гендерные национальные ценности в хронемном поведении коррелируют с линейной и циклической моделями времени. Англия использует линейную модель времени и действия, Россия и Китай сторонники циклической системы. В английской лингвокультуре с монохронной линейной маскулинной системой времени, в которой четко распределяются приоритеты, обычным и нормальным считается сосредоточенность в определенный промежуток времени только на одном деле, большое внимание уделяется планированию и пунктуальности. Русские считают, что чем больше дел выполняется в одно и то же время, тем более

наполненной становится жизнь. Для них более значимы межличностные отношения, чем соблюдение планов, графиков, договоренностей, которое могут быть в любой момент изменены или пересмотрены в зависимости от обстоятельств и значимости личностных связей. Наибольшую ценность представляют родственные и дружеские отношения. Китай привержен тесным межличностным отношениям, свойственным полихронным культурам, с другой стороны, высоко ценит пунктуальность, соблюдение графиков и расписания, свойственное монохронным культурам.

ГЛАВА III. МЕТОДИКА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ В РЕЧИ

3.1. Аспектная модель описания гендерного невербального поведения в межкультурной коммуникации

Данная глава представляет собой описание процедуры и результатов экспериментального исследования гендерного невербального поведения, проведенного на уровне лингвокультур и уровне гендерной языковой личности.

Предложенная аспектная модель описания гендерного невербального коммуникативного поведения включает в себя шесть основных аспектов невербального поведения: кинесический, визуальный, тактильный, проксемиальный, паралингвистический, хронемный. Модель позволяет исследовать взаимодействие кинесического, паралингвистического, визуального, проксемиального, хронемного, тактильного параметров гендерного невербального коммуникативного поведения внутри невербальной системы, а также вне системы во взаимодействии невербального канала с вербальным. Исследование проводилось на уровне лингвокультур, за основу классификации культур по гендерному типу была взята теория социопсихолога, антрополога Г. Хофстеде [164]. Кроме того, гендерное невербальное поведение рассмотрено на уровне гендерной языковой личности. Весь исследовательский материал был классифицирован по принципу универсальности/специфичности как по гендерным языковым личностям, так и по лингвокультурам.

Основой для кинесического анализа исследуемого материала послужила работа С.А. Григорьевой, Н.В. Григорьева, Г.Е. Крейдлина «Словарь языка русских жестов» (2001). Согласно Г. Крейдлину, кинесический жест – это любой знак, выразительное движение пальцами,

рукой, головой, телом, выражающее эмоцию и сообщаемое информацию [236]. Данное определение кинесического жеста считаем актуальным в данной работе. Для более полного представления об исследуемом жесте кинесический анализ открывается кратким сообщением, содержащим сведения о режиссере, годе выпуска, страны производителя, сюжете фильма. Каждая статья анализа делится на несколько составляющих, содержащих определенную информацию. Всего выделено девять таких составляющих: фотография жеста из кинодрамы, номинация, участие частей тела при исполнении жеста, классификационный тип, физическое описание, характеристика семантики жеста, ситуация употребления, сочетаемость жеста с другими невербальными средствами, звуковое сопровождение.

Фотография жеста обеспечивает визуальное восприятие жеста. В качестве номинации выбиралось наиболее употребительное языковое выражение. Далее следует характеристика, базирующаяся на участии частей тела при исполнении кинесического жеста. Как правило, части тела делятся на активные и пассивные. Активные задают способ реализации жеста. Пассивные – определяют место его реализации. Кроме того, указываются удлинители – составные элементы жеста, не относящиеся к частям или органам тела, а также адаптеры – материальные объекты и звуки, возникающие от манипуляций с ними.

Как было отмечено выше, в данной работе придерживаемся классификации жестов Г.Е. Крейдлина (2002). Вслед за исследователем выделяем: коммуникативные нейтральные эмблемы, коммуникативные этикетные эмблемы, симптоматические эмблемы, иллюстраторы, регуляторы [82:98-131].

Физическое описание жеста представляет собой последовательное описание производства жеста. При этом указывается наиболее физиологически удобный для исполнения вариант.

Раздел характеристика семантики жеста содержит информацию о значении жеста, раскрывая смысл, заключенный в то или иное телодвижение.

Механизмы функционирования жеста раскрываются в разделе «ситуация употребления жеста». Данный раздел содержит информацию о жестикулирующем и адресате, указывается канал связи (мужчина – мужчина; мужчина – женщина; женщина – мужчина; женщина – женщина) условия употребления жеста, кратко вводится ситуация из фильма, стилистическая маркировка, при необходимости краткая историческая справка.

Сочетаемость жеста с другими невербальными средствами раскрывает внутренние связи жеста с другими кинесическими жестами, мимикой, позой и невербальными единицами, визуального, тактильного, проксеимного, хронемного, паралингвистического характера, получающих реализацию непосредственно перед исполнением жеста, во время исполнения жеста и или непосредственно после исполнения жеста.

В зону звукового сопровождения включаются звуковые последовательности, языковые единицы, которые в фильме сопровождают жест. В зависимости от лингвокультуры производителя фильма звуковое сопровождение представлено на русском языке для кинесических жестов, взятых из русских фильмов, на английском языке с переводом на русский для жестов из английских фильмов, на китайском языке с переводом на русский для жестов из китайских фильмов. Более того, текст звукового сопровождения разбит на синтагмы, в каждой синтагме выделено ядерное слово.

В рамках паралингвистического аспекта рассмотрена просодия, выступающая как субстанциональное понятие, относящееся к средствам материализации звучащей речи посредством трех акустических параметров, - частоты основного тона (далее ЧОТ), интенсивности и длительности, которые служат для реализации смысловой делимитации текста, фразовой акцентуации, семантической целостности высказывания [120:136-138].

Прежде всего, рассмотрим возможности исследования просодии в различных языках. Результаты экспериментально-фонетических исследований позволяют говорить об универсальности интонационных

категорий для различных языков и создают базу для сравнительно-сопоставительного анализа (Хромов 2002 92-93). Например, выделенные фонетические признаки синтагм (Торсуев, 1950; Бондаренко, 1981, 2000; Златоустова, 1997; Фомиченко, 1998; Hirst, 1998) могут охарактеризовать данную единицу любого языка, подтверждая свою универсальность и, по мнению М.А. Полянской, содействовать унифицированному подходу к описанию фразовой просодии в разных языках [118:51]. К таким признакам относят: интонационную целостность синтагмы, достигаемую при помощи просодических средств (частоты основного тона, последовательности ритмических структур, паузой на границе синтагм и т.д.), которые управляют синтагматическим ударением; неделимость синтагмы, которая связана с невозможностью появления паузы внутри синтагмы; наличие ядра синтагмы с энклитиками и проклитиками, которые формируют предъядерную, ядерную и заядерную части синтагмы [118:51].

В данной диссертации просодическая выделенность рассматривается в синтагме (и шире во фразе), выделяя упомянутые единицы в качестве основных, обладающих синтактико-семантической и просодической завершенностью. Синтагма в качестве ключевой единицы исследования выбрана неслучайно. Фразовая просодия в китайском языке в силу тонального характера китайского языка может реализовываться лишь в речевой единице не меньше синтагмы [54:14-15]. При этом под синтагмой понимается фонетическое единство, характеризующееся относительной смысловой завершенностью и функционирующее как самостоятельная структурная единица [137:60].

В составе синтагмы наиболее значимым в смысловом отношении выступает ядерное слово. Придерживаясь точки зрения Н.В. Суховой, исследователя просодии и невербальных средств, определяем просодическое ядро как выделенный участок синтагмы, состоящий из предударного, ядерного и заударного слогов [137:61]. Как правило, ядерное слово выделено

не только в смысловом отношении, но и просодически посредством ЧОТ, интенсивности и длительности.

Говоря об интонационно-типологическом аспекте исследуемых языков нужно выделить их специфику. В английском и русском языках отсутствуют слоговые движения ЧОТ для различения лексического значения, поэтому частота основного тона может обслуживать интонацию фразы [118:80]. Модификации ЧОТ, удлинение произнесения слога и интенсивности, говорит о логической выделенности слова на фоне других слов в предложении. Китайский язык относится к группе тональных языков, а это значит, что частота основного тона, задействованная в просодии слога, выполняет лексическую функцию. Движение интонационного контура в китайской фразе осуществляется за счет изменения соотношения слогов по высотному уровню – регистру [54:17]. Именно регистровое движение тонов показывает мелодический контур китайского предложения. Таким образом, в китайском предложении перманентно сосуществуют два различных типа движения тона: слоговой, связанный с лексическим смысловым различием, и фразовый, показывающий мелодику фразы [54:17]. В результате регистровых сдвигов слоговые тоны изменяются, приспособившись к регистровым условиям, проявляясь в различных вариантах. Однако, несмотря на варьирования, у слогов каждого тона сохраняется основной характер тонального контура. В многосинтагменной фразе каждая синтагма оформляется определенным движением мелодики, а мелодический контур всей фразы складывается из мелодик, составляющих синтагм. Говорящий делает акцент в синтагме на одно из слов как наиболее важное в смысловом отношении. Такое слово всегда является более выделенным, на его ударный слог приходится наибольшая акцентная нагрузка, он является преобладающим по высотному уровню и силе произнесения (Задоевко, 1980). Кроме того, увеличивается продолжительность произнесения такого слога (Румянцев 1972:241; Chun 1982:158; Jin 1996:25), который составляет акцентную вершину или ядро синтагмы. Таким образом, для сравнительно-

сопоставительного исследования просодии китайского, русского и английского паралингвистического аспекта гендерного невербального коммуникативного поведения нам представляется целесообразным изучить ЧОТ, интенсивность и длительность. С помощью компьютерной программы «Praat 5.3.35», предназначенной для анализа и синтеза устной речи человека, исследованы следующие акустические параметры: длина синтагмы, длина просодического ядра в секундах; средняя ЧОТ синтагмы, максимальная ЧОТ просодического ядра в Гц, средняя интенсивность синтагмы, максимальная интенсивность просодического ядра в дБ. Использование компьютерной программы позволяет получить точные данные акустических параметров просодии с целью сравнения их между собой на уровне изучаемых лингвокультур, принадлежащих к разным гендерным типам и на уровне гендерной языковой личности. Кроме того, внимание сфокусировано на взаимодействии просодического ядра с кинесической, визуальной, тактильной, хронемной, проксемной составляющими невербального поведения.

Визуальное поведение рассматривается в исследовании в комплексе с кинесическим, тактильным, проксемным, хронемным, паралингвистическим и речевым. В рамках данной части исследования внимание сфокусировано на видах и признаках взглядов, функций и основных смыслов, выражаемых глазами. Под признаками взглядов вслед за Г. Крейдлиным [83:382] рассматриваем длительность, интенсивность, статичность/динамичность. Ссылаясь на Н. Кранах (1971), исследователя визуального поведения, будем выявлять односторонний взгляд (взгляд одного человека на другого, но не на лицо); взгляд в лицо (один смотрит другому в лицо); прямой взгляд (в глаза); совместный взгляд (в лицо друг другу); контакт глаз (оба партнера смотрят друг другу в глаза осознанно); избегание взгляда (один из участников стремится избежать взгляда партнера); пропуск взгляда (не имея явного намерения избежать контакта глаз, не смотреть на партнера). Выявленные исследованиями функции глаз (Кнапп, 1972; Кендон, 1967) предоставляют

возможность определить значимый пласт информации, позволяющей говорить о чувствах передаваемых глазами (эмотивная функция); о типе информации передаваемой гендерным визуальным поведением (когнитивная функция); о способах визуального контроля (контролирующая функция); о способах реагирования на переданное сообщение, а также о способах подавить глазами предполагаемую реакцию (регулятивная функция). На основе выявленной информации можно говорить о лингвокультурных смыслах выражаемых глазами, а именно: о готовности к коммуникации, контроле над коммуникантом, желании установления контакта и получении информации, о подавлении воли и влиянии на коммуниканта.

Комплексный подход к анализу проксемики составляющей гендерного невербального поведения позволяет определить соотношение проксемики с кинесикой, паралингвистикой, окулесикой, хронемикой, гаптикой и речью. Значимым для данного исследования является – определение универсальных и культурно-специфических правил проксемики поведения во взаимодействии их с личностными, социальными, культурными, языковыми параметрами через гендерную организацию коммуникативного пространства, через способы культурного восприятия времени. Более того, исследование затрагивает не только физическое расстояние (Холл,1996), но и психологическое (Крейдлин,2002). Иными словами, во главу угла поставлены как физические переменные проксемики поведения - тип пространства, дистанцию, ориентацию и др., так и переменные психологического характера - близость, контакт глаз, стиль речи, количество жестов и др.

В рамках тактильного аспекта исследование проходит в русле комплексного изучения гаптики и других невербальных составляющих с речью в рамках гендера. В исследовании затронуты вопросы функций бытового касания на уровне лингвокультур и гендерной языковой личности, способы тактильного взаимодействия.

Время изучено на уровне лингвокультур и гендерной языковой личности. Внимание сфокусировано на особенностях восприятия времени как лингвокультурами, так и гендерной языковой личностью. Речь идет о линейной и циклической моделях времени, монохронной и полихронной системах в сопоставлении их с гендерной системой и соотношении с другими невербальными системами в естественной речи.

Таким образом, предложенная аспектная модель обеспечивает комплексное описание гендерного невербального поведения, устанавливая универсальность и специфичность на уровне лингвокультур и гендерной языковой личности, определяя влияние гендерных ценностей на коммуникативное поведение, устанавливая связь между разными составляющими невербального поведения, функционирующих в естественной речи.

3.2. Процедура проведения исследования

Как уже отмечалось ранее, в качестве исследуемого материала были использованы художественные фильмы, относящиеся к жанру драмы русских, английских и китайских режиссеров. Выбор аутентичных фильмов позволил провести комплексное изучение универсализма и специфичности гендерного невербального поведения в приближенных к реальным условиям. Во-первых, была получена возможность многократного просмотра, в том числе в замедленном режиме эпизодов для выявления нюансов (мелких движений, мимики, поз) и установления связи всех исследуемых составляющих невербального поведения в комплексе. Во-вторых, использование аутентичных фильмов позволило осуществить многократное прослушивание звукового сопровождения и провести соответствующие манипуляции со звуком для изучения просодии, а также наблюдать гендерное невербальное поведение в естественных условиях, участники которого не подозревают, что являются испытуемой группой. Данный факт повышает качество результатов исследования.

Процедура исследования гендерного невербального поведения состояла из нескольких этапов. Из общего количества просмотренных фильмов методом сплошной выборки было выбрано 1018 сюжетов для анализа. Следующим этапом проводилось извлечение аудио сопровождения в формате mp3 из видеофайлов, выбранных сюжетов. Компьютерная программа «Lucky Video Converter» позволила быстро и качественно проделать данный этап работы. После этого работа с аудиофайлами проводилось в программе «Nero WaveEditor», где звуковое сопровождение каждого сюжета было извлечено и записано в формате wav. Акустический анализ записанных аудиофайлов проводился в программном обеспечении «Praat 5.3.35». Все звуковые файлы получили обработку в режиме «TextGrid». Данный режим предоставил возможность прослушать звуковое сопровождение сюжетов, записать текстовое сопровождение для звука,

осуществить разметку текста по синтагмам, выделить ядерное слово, определить исследуемые акустические параметры звука: ЧОТ, интенсивность, длительность, получить графическое изображение звука, ЧОТ, интенсивности. Далее в каждом сюжете были выделены кинесические жесты и сделаны фотографии данных жестов. Затем жесты подвергались кинесическому анализу в рамках разработанной аспектной модели описания гендерного невербального поведения. А именно для исследования было существенным выделить кинесические жесты, функционирующие на уровне просодического ядра, и жесты, работающие на сегментах более крупных с учетом типа ситуации, социального положения коммуникантов и канала связи (м→ж, ж→м, м→м, ж→ж). По такому же принципу работа велась по установлению особенностей проксемной, хронемной, тактильной, визуальной составляющих. Заключительный этап исследования состоял в установлении связи невербальных составляющих между собой на уровне просодического ядра и более крупных сегментах и, в конечном счете, в установлении универсализма и специфичности гендерного невербального поведения гендерной языковой личности представителя русской, английской и китайской лингвокультуры.

Таким образом, представленная аспектная модель описания гендерного невербального поведения позволила осуществить комплексный сопоставительный анализ функционирования основных невербальных средств в естественной речи как на уровне лингвокультуры, так и на уровне гендерной языковой личности.

3.3. Описание и анализ результатов исследования на установление гендерной невербальной специфики на уровне лингвокультуры

В данном параграфе проанализированы результаты исследования на установление гендерной специфики невербального поведения на уровне лингвокультуры. Внимание направлено на изучение лингвокультурных особенностей взаимодействия невербальных средств, функционирующих в естественной речи на уровне просодического ядра с точки зрения гендера. В частности, в исследовании рассматриваются правила и конвенции сочетания просодии с невербальными средствами для выделения просодического ядра с учетом гендерных особенностей русской, английской, китайской лингвокультур.

Экспериментальным путем было установлено, что функционирование гендерного невербального поведения русской, английской, китайской лингвокультур носит универсальный характер. Однако характер функционирования гендерного невербального поведения является специфичным. Национальная специфика невербального поведения заключается в частоте использования приоритетных средств выделения просодического ядра в рассматриваемых лингвокультурах. По результатам исследования, в изучаемых лингвокультурах просодические средства участвуют в выделении смыслового слова в 100% случаях независимо от преобладания маскулинных или фемининных ценностей. Наряду с просодией, в 39% случаев просодических ядер в китайской лингвокультуре, провозглашающей гармонию маскулинного и фемининного, наблюдаются определенные изменения в невербальном поведении. Комплексное выделение просодического ядра с участием просодии и кинесики, просодии и окулесики, просодии и гаптики, просодии и проксемики, а также взаимодействие нескольких невербальных средств в английской лингвокультуре, предпочитающей ценности маскулинного порядка,

составляет 42%. Наибольший процент (50%) комплексного выделения просодического ядра с участием просодических средств и кинесики, просодии и окулесики, просодии и гаптики, просодии и проксемики зафиксирован в склонной к феминности русской лингвокультуре. Кроме того, частота использования невербальных компонентов в выделении просодического ядра зависит от типа ситуации (нейтральная или эмоциональная). На фоне английской и китайской лингвокультур, русская лингвокультура выделяется феминным качеством - открытая эмоциональность. Поэтому наибольшее количество случаев участия невербальных средств в выделении просодического ядра в эмоциональной ситуации зафиксировано в русской лингвокультуре – 80% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер. Второе место в данном отношении занимает английская лингвокультура – 68%, третье место – 55% принадлежит китайской лингвокультуре. Сочетание просодии и одного из тактильных, проксеменных, кинесических, визуальных средств наиболее предпочтительно в качестве средства выделения просодического ядра для всех трех изучаемых нами лингвокультур. Как показало исследование, гендер в этом отношении не оказывает значительного влияния. Вышеупомянутый способ выделения просодического ядра наиболее распространен в китайской лингвокультуре и составляет 91% от общего числа просодических ядер, выделенных в комплексе. Второе место занимает английская лингвокультура – 90%, на третьем месте русская лингвокультура – 87%. Использование более двух средств для выделения просодического ядра свойственно больше для русской лингвокультуры – 13%. В 10% случаев от общего числа комплексно выделенных просодических ядер использование более двух средств встречается в английской лингвокультуре и в 9% случаев - в китайской лингвокультуре.

Самым распространенным способом выделения просодического ядра, работающим совместно с просодией, во всех трех исследуемых лингвокультурах являются кинесические средства. Данный факт отражает, на

наш взгляд, общую тенденцию к установлению равенства полов и универсальности гендерного поведения. Тем не менее, несмотря на кажущуюся универсальность, наблюдается некоторое различие в выборе того или иного кинесического средства. Национальная специфика комплексного взаимодействия просодии и кинесики состоит в частоте использования данного вида выделения просодического ядра от типа ситуации - нейтральная, эмоциональная, от работы активного органа, а также от преобладания маскулинных либо фемининных ценностей в лингвокультуре. Приоритетным кинетическим средством, работающим совместно с просодией на уровне просодического ядра в русской лингвокультуре, являются движения головой (9% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер в нейтральной ситуации). Среди них значительное место принадлежит жесту «кивок» (6% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер) и 67% от общего числа просодических ядер выделенных совместно просодией и кинесическими жестами. 3% от общего числа комплексно акцентированных просодических ядер выделены с помощью просодии и других жестов головы. В эмоциональной ситуации зарегистрировано 29% просодических ядер, выделенных с помощью просодии и какого-либо жеста головы, что на 20% больше, чем в нейтральной ситуации. Среди них 53% случаев просодия сочетается с жестом «кивок» и 47% случаев просодия работает с прочими движениями головы. По сравнению с русской лингвокультурой, где зафиксировано 88% комплексно выделенных просодических ядер посредством просодии и кинесики, в английской лингвокультуре данный процент составляет 82%, что на 6% меньше, чем в русской лингвокультуре и на 2% больше, чем в китайской лингвокультуре, где зафиксировано 80% комплексно выделенных посредством просодии и кинесики просодических ядер. Иными словами, разница в частоте использования комплексно выделенных просодических ядер посредством просодии и кинесики в изучаемых лингвокультурах незначительна. Более того, прослеживается тенденция к универсальности гендерного поведения. В

свою очередь, существующую разницу можно объяснить высокой кинесичностью русских и низкой кинесичностью англичан и китайцев, как фемининной и маскулинной ценностями. В английской лингвокультуре основными средствами выделения просодического ядра совместно с просодией также являются жесты головы. Жесты головы в нейтральной ситуации занимают 13% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер и 29% в эмоциональной ситуации. В абсолютном большинстве и в нейтральной, и в эмоциональной ситуациях находится жест «кивок» – 7% и 12%. В русской лингвокультуре «кивок» составляет 6% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер в нейтральной ситуации и 15% - в эмоциональной ситуации. В китайской лингвокультуре в нейтральной ситуации жест «кивок» встречается в 7,4% случаев от общего числа комплексно выделенных просодических ядер и 7% в эмоциональной ситуации. Таким образом, жест «кивок» в английской лингвокультуре более употребителен для выделения просодического ядра в нейтральной ситуации, а в эмоциональной ситуации «кивок» более популярен среди русских. Тем не менее, и в русской, и в английской лингвокультурах частота употребления жеста «кивок» выше в эмоциональной ситуации. В китайской лингвокультуре наоборот, «кивок» чаще употребляется в нейтральной ситуации, а в эмоциональной ситуации частота использования данного жеста снижается. Наиболее употребительный перечень жестов головы в трех лингвокультурах совпадает: «движение головой в правую/левую сторону», «опустить голову», «качать головой из стороны в сторону», «движение головой вперед», «вскинуть голову», «наклонить голову в правую/левую сторону». Разница между лингвокультурами заключается в частоте использования. В английской лингвокультуре в нейтральной ситуации употребление вышеупомянутых жестов составляет 6%, в эмоциональной ситуации – 18% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер. В русской – 3% и 14% соответственно. В китайской лингвокультуре в нейтральной ситуации данные жесты составляют 9%, в эмоциональной - 10%.

Сочетание движений рук с просодией как способ выделения просодического ядра является ведущим среди сочетания кинесических средств с просодией в китайской лингвокультуре, провозглашающей гармонию маскулинного и фемининного. Выделение просодического ядра посредством жестов рук и просодии занимает в китайской лингвокультуре 22% в эмоциональной ситуации и 18% в нейтральной ситуации. Для сравнения, в английской маскулинной лингвокультуре в нейтральной ситуации данный вид выделения просодического ядра составляет 5%, в эмоциональной 14%. В русской фемининной лингвокультуре взаимодействие жестов рук и просодии для выделения просодического ядра в нейтральной ситуации встречается в 4% случаев. В эмоциональной ситуации сочетание жестов рук с просодией в русской лингвокультуре составляет 24%.

Таким образом, благодаря фемининным чертам – открытой эмоциональности и высококинесичности, самая высокая степень использования жестов рук характерна для русской лингвокультуры в эмоциональной ситуации. Тем не менее, данный вид комплексного выделения просодического ядра выступает ведущим в китайской лингвокультуре. В китайской нейтральной ситуации наиболее употребительными средствами комплексного выделения просодического ядра являются следующие жесты рук: «протягивать руку для рукопожатия», «скрестить руки», «развести руки в стороны», «указывать пальцем», «опереться рукой», «руки в боки», «движение сжатыми кулаками вниз». Как и в русской лингвокультуре, в эмоциональной ситуации английские и китайские кинесические движения рук отличаются экспрессией по сравнению с нейтральной ситуацией. Важно то, что степень английской экспрессии много ниже, благодаря маскулинному качеству, присущему английской лингвокультуре – сдержанность. Английская маскулинная лингвокультура в эмоциональной ситуации широко использует следующие жесты: «движение руками от себя», «опустить руку», «трясти руками», «разводить руки», «закрыть лицо рукой», «резкое движение руками вниз»,

«движение рукой вперед», «протянуть руки для объятий», «загибать пальцы», «взмах рукой», «положить руки в карманы», «грозить пальцем», «сжимать курительную трубку», «отталкивающее движение раскрытыми ладонями от себя», «отдать честь», «с силой бросать предмет», «притрагиваться к переносице», «выставить руки раскрытыми ладонями к адресату», «ударить ручкой». Стремящаяся к гендерной гармонии китайская лингвокультура выражает экспрессию с помощью сочетания просодии и следующих жестов: «замахнуться», «ударить кружкой по столу», «грозить пальцем», «щелчок пальцами», «ударить кулаком в грудь», «сжать кулаки», «скрещивать руки», «руки в боки», «бросать предмет на пол». Перечень жестов рук в русской нейтральной и эмоциональной ситуациях в некоторых случаях совпадает, разница заключается в резкости исполнения жеста, амплитуде движения. Ниже представлен перечень жестов рук, зафиксированных в совместном выделении просодического ядра наряду с просодией, встречающихся как в нейтральной, так и в эмоциональной ситуациях: «изменить положение руки», «движение рукой вниз», «указывать рукой», «указывать указательным пальцем», «движение рукой от себя в сторону», «движение рукой сверху вниз», «взмах рукой», «выдвижение руки вперед», «провести рукой по горлу». Исключительно в эмоциональной ситуации в русской фемининной лингвокультуре употребляются: «ударить кулаком по столу», «бросить какой-либо предмет», «закрыть рот рукой», «приложить руку ко лбу», «чесать затылок», «ударить ладонью в грудь», «сжать кисть в щепоть», «движение кулаком вниз», «кукиш», «стучать кулаком в лоб», «тереть большой и указательный пальцы друг о друга».

Говоря о роли английских, русских и китайских кинесических средств в выделении просодического ядра представляется важным остановиться на мимике, в частности, наблюдения проводимые движением бровей, так как движение остальных частей лица показывают малую степень активности. Опытным путем во время проведения исследования было установлено, что в английской маскулинной лингвокультуре значительную роль играют

движения бровей как средство комплексного выделения просодического ядра. В то время как в русской фемининной лингвокультуре данную нишу занимают движения руками и головой. Было установлено, что частота использования движений бровей для выделения просодического ядра в эмоциональной ситуации в английской лингвокультуре резко возрастает. Частота использования движений бровей в нейтральной и эмоциональной ситуации составляет 3% к 8% в английской лингвокультуре. Для сравнения, в китайской лингвокультуре данное соотношение составляет 0,6% к 2%, в русской – 2% к 5%. Такое обстоятельство можно объяснить преобладанием тех или иных гендерных ценностей в лингвокультуре. В английской лингвокультуре больше ценностей маскулинного порядка. Вследствие чего отсутствие обилия жестов с широкой амплитудой и наличие значительного количества случаев выражения экспрессии мимическими движениями бровей. В подобной ситуации фемининные русские используют больше жесты головы, а стремящиеся к гармонии китайцы - жесты рук.

Второе место по частоте использования средств для комплексного выделения просодического ядра во всех рассматриваемых нами лингвокультурах занимают визуальные средства. Совместное использование просодии и визуальных средств в английской маскулинной лингвокультуре составляет 21% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер, в стремящейся к гармонии китайской лингвокультуре - 17%, в русской фемининной лингвокультуре - 15%. Перечень визуальных жестов в нейтральной и эмоциональной ситуациях в вышеуказанных лингвокультурах одинаков. Речь идет о таких жестах как: «контакт глаз», «взгляд в лицо», «избегание взгляда», «пропуск взгляда», «односторонний взгляд», «совместный взгляд». Разница состоит в частоте использования и зависит от преобладания маскулинных либо фемининных ценностей в лингвокультуре. Чаще всего, количество случаев использования жеста возрастает в эмоциональной ситуации. Исключение составляют жесты «односторонний взгляд», «совместный взгляд» в английской лингвокультуре. Частота

употребления данных жестов в английской нейтральной ситуации выше (0,9%), чем в эмоциональной ситуации (0,2%). Наиболее употребительным визуальным жестом в английской нейтральной ситуации является «контакт глаз» – 3%, в эмоциональной ситуации «взгляд в лицо» – 5% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер. Разница в употреблении жеста «пропуск взгляда» в нейтральной и эмоциональной ситуациях составляет 0,3%. Жест «избегание взгляда» в эмоциональной ситуации встречается в 1,6 раза чаще, чем в нейтральной ситуации и составляет 0,7% в нейтральной ситуации и 2% в эмоциональной ситуации. Данная ситуация складывается благодаря наличию маскулинных качеств - сдержанность, дистанцированность. Маскулинные англичане в моменты положительного и отрицательного эмоционального всплеска предпочитают больше смотреть в лицо, а не в глаза. Данный факт объясняется тем, что взгляд в глаза в отрицательной эмоциональной ситуации выражает агрессию, прямую угрозу, а в положительной эмоциональной ситуации взгляд в глаза означает сокращение личного психологического пространства и установление близких отношений, но такое поведение в основном не свойственно маскулинным англичанам. В китайской лингвокультуре наиболее частотным среди визуальных средств является жест «взгляд в лицо». В нейтральной ситуации использование данного жеста составляет 3%. В эмоциональной ситуации процент употребления жеста возрастает в 3 раза и составляет 9%. На наш взгляд, жест «взгляд в лицо» в сочетании с просодией является основным визуальным средством выделения просодического ядра в эмоциональной и нейтральной ситуации в китайской лингвокультуре. Однако в эмоциональной ситуации китайцы смотрят друг другу в лицо в три раза чаще. Второй по частотности употребления выступает жест «контакт глаз». В нейтральной ситуации данный жест употребляется в 1,3% случаях от общего числа комплексно выделенных просодических ядер. В эмоциональной ситуации процент употребления снижается до 0,3%, что свидетельствует о том, что китайцы предпочитают не смотреть друг другу в глаза, выражая эмоции,

чтобы сохранить «лицо». Что касается жеста «избегание взгляда», то данный жест чаще употребляется в нейтральной ситуации, в 1% просодических ядер. В эмоциональной ситуации процент употребления «избегание взгляда» снижается до 0,6%. Жест «односторонний взгляд» используется чаще в китайской эмоциональной ситуации, в 0,6% просодических ядер. Сравнивая функционирование визуальных невербальных компонентов русской, английской и китайской лингвокультур, выделяем, что в русской нейтральной и эмоциональной ситуациях наиболее употребительным средством совместного с просодией выделения просодического ядра является визуальный жест «контакт глаз». В английской лингвокультуре самым распространенным средством комплексного выделения просодического ядра среди визуальных средств в нейтральной ситуации является «контакт глаз». В эмоциональной ситуации – «взгляд в лицо». В китайской лингвокультуре наиболее употребительное визуальное средство «взгляд в лицо» в нейтральной и в эмоциональной ситуациях.

Проксемные средства занимают третье место по частоте употребления для комплексного выделения просодического ядра в английской маскулинной лингвокультуре. В русской фемининной лингвокультуре по частоте употребления на третьем месте находятся проксемные и тактильные средства. Вышеуказанные невербальные средства встречаются в 5% комплексно выделенных просодических ядер. Общее количество просодических ядер, выделенных с помощью просодии и проксемики в английской лингвокультуре, также составляет 5%. В стремящейся к гендерной гармонии китайской лингвокультуре сочетание проксемики и просодии меньше. Данный вид выделения просодического ядра занимает четвертое место и составляет 4%. В английской нейтральной ситуации 0,9% занимает группа жестов «изменение ориентации» («движение корпусом влево/вправо», «движение корпусом вниз», «опуститься на стул»), 0,7% - «сокращение дистанции» («сделать шаг в сторону адресата»). В английской эмоциональной ситуации жест «сокращение дистанции» («сделать шаг в

сторону адресата») также составляет 0,7%. Употребление группы жестов «увеличение дистанции» («отстранить корпус назад», «отклониться на спинку стула», «отпрянуть») составляет 1% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер в эмоциональной ситуации. В английской нейтральной ситуации «увеличение дистанции» не встречается. Частота употребления жестов «изменение ориентации» («отвернуться», «повернуться лицом к адресату», «пружинить», «опуститься на стул», «опуститься на колени», «выпрямиться», «встать со стула», «повернуться на 180°») в эмоциональной ситуации увеличивается до 2%. Иными словами, находясь на психологически комфортном расстоянии от коммуниканта, маскулинные англичане довольно редко изменяют дистанцию. Предпочтение чаще отдается изменению ориентации в пространстве, не меняя физической дистанции для выделения смыслового слова. В эмоциональной ситуации с целью сохранения личной независимости и автономности маскулинные англичане увеличивают физическую дистанцию. Перечень жестов в эмоциональной русской ситуации несколько шире, чем в английской эмоциональной ситуации. Данное положение находит свое объяснение в преобладании фемининных качеств в русской лингвокультуре. Русские сочетают просодию с «изменением ориентации», «увеличением дистанции», «сокращением дистанции». Чаще всего русские меняют ориентацию. Данные жесты составляют 4% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер. В группу «изменение ориентации» в русской лингвокультуре входят следующие жесты: «встать со стула», «опуститься в кресло», «отвернуться», «опуститься на колени», «упасть на землю», «присесть», «вытянуться». Группа «увеличение дистанции» включает один жест «отстранить корпус» и составляет 0,3%. Группа «сокращение дистанции» состоит из жеста «наклон к адресату» с частотой употребления 0,6%. В русской нейтральной ситуации встречается один жест «увеличение дистанции» («отстранить корпус назад»), использование которого составляет 0,6%. Другими словами, фемининные качества русской лингвокультуры

оказывают влияние на понятие «пространство». В отличие от английского пространства, русское пространство не имеет жестких границ, очень пластично, то есть легко сжимается и расширяется как в нейтральной, так и в эмоциональной ситуациях в зависимости от личных чувств и эмоций коммуникантов, чем от каких-то правил. В этом смысле в понятии «пространство» проявляется некая иррациональность. Наиболее употребительными проксемными жестами в китайской нейтральной ситуации являются жесты «изменение ориентации». Речь идет о жестах: «опуститься на стул», «повернуться лицом», «движение корпусом вниз», «повернуться лицом». Использование данных жестов составляет 2%. Кроме того, жесты группы «сокращение дистанции» («наклонить корпус к адресату»), «увеличение дистанции» («отстранить корпус») также сочетаются с просодией в китайской лингвокультуре. Их использование составляет по 0,6% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер. В китайской эмоциональной ситуации жесты группы «изменение ориентации» («опуститься на колени», «выпрямить корпус») сохраняют частоту употребления в 2%. Жесты группы «увеличение дистанции» не употребляются. Употребление группы жестов «сокращение дистанции» («сделать шаг в сторону адресата», «наклониться к адресату») уменьшается в два раза и составляет 0,3%. В стремящейся к гендерной гармонии китайской лингвокультуре отсутствует понятие «пространство» в том смысле, в котором оно присутствует в английской и русской лингвокультурах. Этим объясняется низкий процент участия проксемики в выделении смыслового слова в целом и выражении экспрессии в частности.

Тактильные невербальные средства занимают четвертое место среди прочих невербальных средств в комплексном выделении просодического ядра в английской маскулинной лингвокультуре. Как указывалось выше, в русской фемининной лингвокультуре наблюдается одинаковая частота употребления проксемных и тактильных средств. Представители китайской стремящейся к гендерной гармонии лингвокультуры больше предпочитают

использовать тактильные средства, чем проксемные. Употребление тактильных средств в данной лингвокультуре находится на третьем месте по частоте встречаемости. 5% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер акцентированы с помощью тактильных средств. Общее количество смысловых слов, выделенных с помощью просодии и тактильных средств в английской лингвокультуре, меньше, чем в китайской и русской лингвокультурах. Употребление вышеупомянутых средств в английской маскулинной лингвокультуре составляет 3%. Перечень тактильных жестов резко отличается в зависимости от типа ситуации во всех рассматриваемых лингвокультурах. В английской нейтральной ситуации употребляются: «рукопожатие», «прикосновение к руке», «объятия». В английской эмоциональной ситуации список жестов много шире: «объятия», «тянуть за уши», «рукопожатие», «прикосновение к руке», «прикосновение к лицу», «пощечина», «встряхнуть за плечи», «толкнуть».

Согласно исследованию, в русской нейтральной ситуации тактильные средства не сочетаются с просодией и не используются для выделения просодического ядра. Данный факт объясняется фемининной особенностью – отсутствие тактильного контакта в нейтральной ситуации. В силу открытого проявления эмоций перечень тактильных жестов в русской эмоциональной ситуации много шире, чем в английской и китайской лингвокультурах. Просодия в русской лингвокультуре сочетается со следующими тактильными жестами: «пощечина», «толкать», «хватать за руки», «пинать», «ударять по голове», «хватать за грудки», «хватать за волосы», «хватать за шиворот», «удар по спине», «прижиматься к адресату», «прижимать руку адресата к своей груди». Представители китайской лингвокультуры предпочитают выделять просодическое ядро в нейтральной ситуации посредством просодии и следующих тактильных средств: «хлопать по плечу», «указывать пальцем на адресата», «рукопожатие», «прикосновение к руке», «прикосновение к щеке». В китайской эмоциональной ситуации список тактильных жестов расширяется: «дергать за руку», «щелчок по носу», «тыкать пальцем в лоб»,

«подзатыльник», «толкать», «прикасаюсь к руке», «хватать за шиворот», «хватать за галстук», «прикасаюсь к плечу». Данный факт является подтверждением того, что в стремящейся к гендерной гармонии китайской лингвокультуре распространилась тенденция следовать западным лингвокультурам. Если раньше тактильный контакт был неприемлем в китайской лингвокультуре, то сейчас китайцы допускают тактильную коммуникацию наравне с русскими и англичанами. Данное обстоятельство говорит об изменчивости гендерных ценностей. Благодаря преобладанию маскулинных ценностей, использование тактильных средств для комплексного выделения просодического ядра в английской лингвокультуре не получило широкого распространения. В английской нейтральной ситуации наиболее употребительным жестом является «рукопожатие». Использование данного жеста составляет 1,4% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер. В эмоциональной ситуации в английской лингвокультуре частота употребления жеста «рукопожатие» сокращается и составляет 0,2%. Употребление жестов «прикосновение к руке», «объятия» в нейтральной ситуации составляют 0,2%. Самыми употребительными жестами в эмоциональной ситуации являются жесты «объятия», «тянуть за уши». Частота употребления вышеперечисленных жестов составляет 0,5%. Жест «прикосновение к руке» сохраняет частоту употребления 0,2% в эмоциональной ситуации. Частота употребления жестов «прикосновение к лицу», «пощечина», «толкнуть», «встряхнуть за плечи» составляет по 0,2% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер. В русской фемининной лингвокультуре среди тактильных средств чаще всего с просодией сочетается жест «пощечина». Употребление данного жеста составляет 1% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер. На 0,1% меньше зафиксировано употребление жеста «прижиматься к адресату». По 0,6% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер занимают жесты: «толкать», «хватать за руки», «пинать». В русской фемининной лингвокультуре реже всего сочетаются с просодией тактильные

жесты: «удар по голове», «схватить за грудки», «схватить за волосы», «схватить за шиворот», «удар по спине». Указанные жесты употребляются в 0,3% случаев. Наиболее употребительными тактильными средствами, сочетающимися с просодией в провозглашающей гендерную гармонию китайской лингвокультуре являются «подзатыльник», «прикосновение к руке» в эмоциональной ситуации. Данные жесты употребляются в 0,6% случаев. Жесты: «дергать за руку», «щелчок по носу», «тыкать пальцем в лоб», «толкать адресата», «хватать за шиворот», «хватать за галстук», «прикасаются к плечу» встречаются в китайской эмоциональной ситуации в 0,3% случаев. В нейтральной ситуации в китайской лингвокультуре не представляется возможным выделить ведущее средство. Употребление каждого жеста составляет 0,3%.

Таким образом, согласно проведенному исследованию, просодическое ядро выделяется не только посредством просодии, но и сочетанием просодии с другими невербальными средствами. Особенность функционирования комплексного выделения просодического ядра носит культурно-специфичный характер, на который особое влияние оказывает гендер. Иными словами, гендерный тип лингвокультуры накладывает отпечаток на приоритеты и ценности невербального поведения, в том числе на выбор способа выделения смыслового слова. Независимо от принадлежности лингвокультуры к гендерному типу, в абсолютном большинстве во всех исследуемых лингвокультурах смысловое слово выделяется посредством сочетания просодии с кинесикой. Разница состоит в частоте употребления и наименовании предпочтительных средств в зависимости от преобладания ценностей маскулинного или фемининного порядка.

Отличительной чертой русской лингвокультуры являются ценности фемининного порядка, такие как высококинесичность, эмоциональность, свободное проявление чувств, открытость, стирание границ личного пространства, ориентирование на групповые ценности, установление долгих, глубоких межличностных взаимоотношений, смешение межличностных

отношений и служебных ситуаций. Приоритетным средством комплексного выделения просодического ядра в русской лингвокультуре является сочетание просодии с кинесическими жестами. Чаще других жестов для данной цели используется жест «кивок» в нейтральной и в эмоциональной ситуациях. Вторым по значимости невербальным средством, сочетающимся с просодией для комплексного выделения просодического ядра в русской лингвокультуре является визуальный жест «контакт глаз», так как для фемининных русских контакт глаз считается искренним, открытым, внушающим доверие поведением. Тактильные и проксемные жесты занимают третье по значимости место среди невербальных средств, сочетающихся с просодией в русской лингвокультуре. Среди проксемных средств чаще всего с просодией сочетается жест «изменение ориентации» в эмоциональной ситуации. Однако значимым в отношении гендера считаем другой факт. В исследовании было отмечено, что русские больше предпочитают в эмоциональной ситуации сокращать дистанцию, стирая границу личного пространства, как своего, так и адресата. В тоже время для маскулинного англичанина такое поведение не типично. Англичанин чаще увеличивает дистанцию, защищая личное пространство. В нейтральной ситуации в русской лингвокультуре тактильные средства не сочетаются с просодией. Данное положение можно объяснить тем, что фемининные русские чаще не допускают тактильного контакта в нейтральной ситуации. Однако в эмоциональной ситуации, напротив, наблюдаются интенсивный тактильный контакт. Отсюда широкий перечень тактильных жестов, сочетающихся с просодией с целью выделения просодического ядра. Было отмечено, что чаще всего просодия сочетается с тактильными жестами «пощечина» и «прижаться к груди адресата», то есть русские проявляют как положительную, так и отрицательную эмоциональность в равной степени.

В английской лингвокультуре, где преобладают маскулинные ценности, широко распространена дискуссионность общения, возможность конфликтной тематики, стратегия конфронтации по отношению к мнению

других, критический подход к выработке решений, четкое разграничение проблемы и личности, приоритет личных ценностей. Маскулинные англичане предпочитают в абсолютном большинстве сочетать просодию с кинесическим средством «кивок» в нейтральной ситуации, так как им не свойственна обильная с широкой амплитудой жестикуляция. В эмоциональной ситуации значительную роль играет сочетание просодии с движениями бровей. Предпочтение такого способа выделения просодического ядра можно объяснить сдержанностью, низкой кинесичностью поведения маскулинных англичан. Визуальные средства находятся на втором месте по значимости в выделении просодического ядра в английской лингвокультуре. Англичане останавливают свой выбор на выделении просодического ядра посредством просодии и визуального жеста «контакт глаз» в нейтральной ситуации и «взгляд в лицо» в эмоциональной ситуации. Сочетание проксемных средств с просодией в английской лингвокультуре занимает третье место. Чаще всего просодия сочетается с проксемикой в эмоциональной ситуации, с жестом «изменение ориентации». Также большое значение играет жест «увеличение дистанции», как средство подчеркивания автономности личного пространства. Тактильный контакт особого распространения среди маскулинных англичан не получил. Поэтому просодия реже всего сочетается с тактильными средствами в английской лингвокультуре. Среди тактильных средств, чаще всего сочетающихся с просодией, находится жест «рукопожатие» в нейтральной ситуации.

Китайская лингвокультура стремится к достижению гармонии и сохранению «лица». Специфические фемининные черты китайской лингвокультуры согласно исследованию Л. В. Куликовой: почти неуловимое, сублильное выражение несогласия, традиция не отвечать на неудобные вопросы, склонность в общении к медленному разворачиванию фоновой информации, предшествующей переходу к главной теме с целью предотвращения конфронтации [82:119]. С другой стороны маскулинные черты демонстрируют прагматическую ориентацию на силу, трезвый расчет,

рациональность и практически полезный результат. Как показало исследование, китайская лингвокультура также выделяется спецификой комплексного выделения просодического ядра. Стремящиеся к гармонии китайцы, по результатам исследования, довольно обильно жестикулируют руками. Поэтому наиболее часто употребляющимся кинесическим средством, сочетающимся с просодией, являются жесты с движением руки. Второе место по значимости в вопросе сочетаемости просодии с невербальными средствами в китайской лингвокультуре занимают визуальные средства. Наиболее типичным средством сочетания просодии с окулесикой выступает жест «взгляд в лицо». Высокая частота использования жеста «взгляд в лицо» объясняется стремлением придерживаться этике «лица». Взгляд в глаза у китайцев считается агрессивным, например, в отличие от русского взгляда в глаза. Тактильные средства в китайской лингвокультуре занимают третье место среди невербальных средств, сочетающихся с просодией. Тенденция прикасаться к руке или плечу адресата, согласно исследованию, получила распространение в вопросе сочетания просодии и невербальных средств для выделения смыслового слова. Поэтому, чаще всего представители китайской лингвокультуры сочетают просодию с тактильным жестом «прикосновение к руке». В эмоциональной ситуации широкое распространение получил жест «подзатыльник». Реже всего просодия сочетается с проксемикой в китайской лингвокультуре. Дело в том, что китайцы не проявляют особого интереса к абстрактному понятию «пространство», отдавая предпочтение практическому пониманию, приближенному к повседневной жизни человека, ее целям и задачам. Чаще всего такое практическое понимание пространства выражается жестом «изменение ориентации» при выделении просодического ядра.

Таким образом, исследование показало непосредственное влияние гендерного типа лингвокультуры на особенности национальной сочетаемости просодии с невербальными средствами, функционирующими в естественной речи. Кроме того, практическим путем было выявлено, что

гендерный тип лингвокультуры накладывает отпечаток на приоритетный способ комплексного выделения смыслового слова. В вопросе о ведущем способе выделения просодического ядра было замечено, что среди лингвокультур, принадлежащих к разным гендерным типам, наблюдается тенденция к универсальности. В абсолютном большинстве во всех лингвокультурах ведущим средством комплексного выделения просодического ядра выступает просодия в сочетании с кинесическими средствами.

3.4. Описание и анализ результатов исследования на установление гендерного невербального универсализма на уровне лингвокультуры

В настоящем параграфе представлены результаты и анализ исследования, проведенного на основе аспектной модели описания гендерного невербального поведения. Внимание направлено на установление гендерного универсализма на уровне лингвокультур, принадлежащих к разным гендерным типам.

Как показало исследование, независимо от принадлежности лингвокультуры к тому или иному гендерному типу, невербальное поведение носит универсальный характер. В любой лингвокультуре невербальные составляющие взаимодействуют в естественной речи. Как предполагалось выделение смыслового слова происходит не только с помощью просодических параметров, но и посредством изменения в невербальном поведении во время произнесения просодического ядра. Таким образом, как для русской лингвокультуры, склонной к фемининным ценностям, для английской, склонной к маскулинным ценностям, так и для китайской лингвокультуры, стремящейся к гендерной гармонии, свойственно выделение просодического ядра путем изменения в невербальном поведении наряду с просодическими средствами. Важно отметить, что при этом в каждой лингвокультуре сохраняется определенный процент просодических ядер, выделенных только с помощью просодии. Более того, результаты исследования показали, что невербальные средства могут взаимодействовать между собой не только на уровне синтагмы, но и на уровне просодического ядра, образуя сложный способ выделения смыслового слова. Данное положение вновь носит универсальный характер и свойственно любой исследованной лингвокультуре независимо от гендерного типа. Хотя доминирующим во всех изучаемых лингвокультурах является простой способ выделения смыслового слова. Простой способ выделения просодического ядра в смысловом слове осуществляется посредством

просодических параметров и какого-либо одного невербального средства. Однако нельзя умалять значение других невербальных средств, не участвующих в выделении просодического ядра. Не получая реализации на уровне просодического ядра, подобные невербальные средства работают на уровне синтагмы, фразы, а иногда и даже текста (например, хронемные), носят статичный характер и образуют своего рода окаймление. Таким образом, возникает необходимость классифицировать невербальные средства на динамичные, работающие на уровне просодического ядра, и статичные, получающие реализацию на более крупных сегментах – синтагме, фразе, тексте.

Гендерная невербальная универсальность заключается в том, что просодия совместно с кинесикой выступают основным средством выделения просодического ядра, занимая ведущее место среди невербальных средств, участвующих в акцентуации смыслового слова, как в нейтральных, так и в эмоциональных ситуациях. Второе место по частоте встречаемости в качестве средств выделения просодического ядра выступают визуальные средства. Однако использование того или иного визуального средства теряет универсальность и относится сугубо к специфическим чертам изучаемых лингвокультур. Универсальность использования тактильных и проксемных средств состоит в том, что они участвуют в комплексном выделении просодического ядра, однако характер подобного участия определяется культурной спецификой. Что касается хронемных невербальных средств, то необходимо отметить, что данные средства не работают на уровне просодического ядра, хронемные средства выступают в качестве оправы, отражают культурную специфику, создавая особый колорит как вербальным, так и невербальным средствам.

Таким образом, можно сделать вывод, что функционирование невербальных средств в естественной речи носит универсальный характер во всех трех исследуемых лингвокультурах независимо от преобладания фемининных или маскулинных ценностей в лингвокультуре. Все всех

исследуемых лингвокультурах наиболее часто употребляется простой способ выделения просодического ядра посредством просодии и какого-либо одного невербального средства. Чаще всего такими средствами выступают кинесические средства, а именно движения головы и рук. Далее по значимости считаем визуальные средства, однако универсального средства выделить не представляется возможным. Подобный вопрос относится к разряду культурно-специфичных. Использование проксемных и тактильных средств как способов совместного с просодией выделения смыслового слова встречается довольно редко во всех изучаемых лингвокультурах. Характер такого использования носит специфичный характер, равно как наименование, и частота использования конкретных средств, участвующих в выделении просодического ядра. Функционирование хронемных средств универсально, но характер такого функционирования культурно-специфичен.

3.5. Описание и анализ результатов исследования на установление невербальной специфики на уровне гендерной языковой личности

В данном параграфе представлены результаты и анализ исследования на установление гендерной невербальной специфики на уровне гендерной языковой личности.

Согласно данным проведенного исследования, самая высокая частота комплексного выделения просодического ядра зарегистрирована в однополой мужской паре во всех исследуемых лингвокультурах, независимо от принадлежности к гендерному типу. Причем в китайской мужской паре (м→м) количество комплексного выделения просодического ядра самое высокое - 67%. Для сравнения в английской мужской паре (м→м) данное значение составляет 42%, в русской мужской паре (м→м) - 39%, почти в два раза ниже, чем в китайской. Среди русских, английских, китайских однополых женских пар (ж→ж) чаще всего используют комплексное выделение просодического ядра русские женщины. По данным исследования в однополой русской женской паре (ж→ж) значение комплексного выделения просодического ядра составляет 24%, в английской однополой женской паре данный процент в 4 раза меньше 6,5% и в 6 раз меньше в китайской однополой женской паре 4%. В разнополой м→ж паре, где женщина является адресатом, а мужчина исполнителем жеста наибольшая частота использования комплексного выделения просодического ядра зафиксирована в английской лингвокультуре - 33%. Частота употребления комплексного выделения просодического ядра в м→ж паре в китайской и русской лингвокультурах приблизительно одинаково – в китайской лингвокультуре 23%, в русской – 22%. В разнополой ж→м паре, где адресатом является мужчина, а женщина исполнитель невербального жеста самая высокая частота комплексного выделения просодического ядра

наблюдается в английской лингвокультуре. В русской ж→м паре данное значение составляет 21%, в китайской – 15%.

Таким образом, согласно исследованию китайские мужчины в м→м паре наиболее активно выделяют просодическое ядро с использованием просодии и какого-либо невербального средства. Менее всего активны в этом отношении китайские женщины в ж→ж паре. В коммуникации м→ж пары наиболее активны английские мужчины и менее всего активны русские мужчины. В коммуникации ж→м пары наиболее активны английские женщины и менее всего активны китайские женщины.

Для русской гендерной языковой личности более всего характерно комплексное выделение просодического ядра в м→м паре. Частота комплексного выделения просодического ядра несколько ниже в ж→ж паре. Наименьшая частота использования комплексного выделения просодического ядра в ж→м паре. Что касается английской гендерной языковой личности, то наибольший процент комплексного выделения просодического ядра зафиксирован в м→м паре. Далее в порядке убывания по количеству комплексно выделенных просодических ядер следует м→ж пара. Третье место по частоте употребления комплексно выделенных просодических ядер занимает ж→м пара. Наименьший процент комплексно выделенных просодических ядер зарегистрировано в ж→ж паре. Китайская гендерная языковая личность также в данном вопросе проявляет национальную специфику. Самый высокий процент употребления комплексного выделения просодического ядра выявлено в м→м паре. Частота употребления комплексно выделенных просодических ядер в м→ж в 3 раза ниже, чем в вышеуказанной паре. Ж→м пара отмечена низким частотой использования комплексно выделенных просодических ядер. Самая низкая частота использования комплексного выделения смыслового слова зафиксирована в ж→ж паре.

Сочетание просодии с каким-либо одним невербальным средством в качестве способа выделения смыслового слова больше свойственно для

китайской коммуникации в м→м паре. В 60% случаев комплексного выделения смыслового слова китайские мужчины предпочитают именно этот способ выделения просодического ядра. Далее по частоте встречаемости сочетания просодии с каким-либо одним невербальным средством выступает английская коммуникация в м→м паре. 39% от общего количества комплексно выделенных просодических ядер в м→м паре в английской лингвокультуре выделены вышеуказанным способом. На третьем месте по частоте использования просодии с каким-либо одним невербальным средством выступает русская коммуникация в м→м паре. Вышеописанный способ выделения просодического ядра в м→м паре в русской коммуникации занимает 33%. 30% просодических ядер выделены посредством просодии и одного невербального средства в английской коммуникации в м→ж паре. В 21% просодических ядер указанный способ выделения смыслового слова распространен в китайской лингвокультуре в м→ж паре, 20% в английской коммуникации в ж→м паре. Немного меньше 19% в русской коммуникации в ж→ж и м→ж паре, 18% в русской лингвокультуре в ж→м паре. 12% в китайской коммуникации в ж→м паре, 5% в английской лингвокультуре в ж→ж паре. Наименьшее количество просодических ядер (3,7%) выделены посредством просодии и одного невербального средства в китайской коммуникации в ж→ж паре. Таким образом, независимо от гендерного типа лингвокультуры мужчины всех трех рассматриваемых лингвокультур показывают большую активность в использовании комплексного выделения просодического ядра с использованием просодии и какого-либо одного невербального средства. Причем самая высокая частота зафиксирована в коммуникации между китайскими мужчинами. Меньше всего между русскими мужчинами. И, тем не менее, данный способ наиболее характерен мужской коммуникации любой исследуемой лингвокультуры. Меньше всего подобный способ выделения смыслового слова характерен для женщин. В английской и китайской коммуникациях в ж→ж паре, в русской коммуникации в ж→м паре. Среди гендерных языковых личностей женского

пола, большую активность показывают русские женщины в ж→ж паре. Почти в четыре раза активность английских женщин в данном вопросе ниже и примерно в пять раз реже китайские женщины используют описываемый способ выделения смыслового слова. Что касается коммуникации ж→м пары, то исследование показало, что английские женщины по сравнению с русскими и китайками наиболее часто выделяют смысловое слово посредством просодии и одного невербального компонента в общении с мужчинами, данное значение на 2% ниже в общении русских женщин с мужчинами и на 8% китайских женщин с мужчинами. Сравнивая коммуникацию гендерных языковых личностей русской, английской, китайской лингвокультур в м→ж паре, нужно отметить, что выделение просодического слова с помощью просодии и одного невербального средства чаще используется в английской коммуникации, на 9% реже в китайской коммуникации и на 11% реже в русской коммуникации. Подводя итог, нужно отметить, что в вопросе сочетания просодии с одним невербальным средством для выделения смыслового слова отмечается универсальная тенденция - независимо от гендерного типа лингвокультуры мужчины показали большую активность, чем женщины. Разницу в частоте использования считаем национальной лингвокультурной спецификой, зависящей от приоритета маскулинных или фемининных ценностей. Так, в русской фемининной лингвокультуре разница в частоте использования просодических ядер, выделенных посредством просодии и одного невербального средства в м→м и ж→ж парах составляет 14% в пользу м→м пары. В английской маскулинной лингвокультуре данная разница составляет 34%. В стремящейся к гендерной гармонии китайской лингвокультуре, данная разница еще больше - 56,3%. Более того, независимо от гендерного типа лингвокультуры, русские, английские и китайские мужчины показали большую активность в отношении не только однополого коммуниканта, но и коммуниканта противоположного пола. Иными словами, количество просодических ядер, выделенных посредством просодии и

одного невербального средства в м→ж паре во всех исследуемых лингвокультурах выше, чем в ж→м паре. Следует отметить, что разница в частоте использования относится к разряду национально специфичных. Наименьшая разница (1%) зафиксирована в русской фемининной коммуникации, (9%) в склонной к гендерной гармонии китайской коммуникации, (10%) в английской маскулинной коммуникации.

Гендерная языковая личность во всех рассматриваемых лингвокультурах независимо от пола и принадлежности лингвокультуры к тому или иному гендерному типу использует просодию с двумя и более разными невербальными средствами много реже. Самая высокая частота использования данного способа выделения просодического ядра составляет 7% в китайской коммуникации в м→м паре. В 5% просодических ядер просодия сочетается с двумя и более невербальными средствами в русской коммуникации в м→м паре. 4% смысловых слов выделены данным способом в русской коммуникации в ж→ж паре. 3% просодических ядер выделены посредством просодии и двух и более невербальных средств в русской коммуникации в м→ж паре, в английской коммуникации в м→ж и м→м паре. 2,7% в китайской лингвокультуре в ж→м паре, 2% в английской коммуникации в ж→м паре, в китайской лингвокультуре в м→ж паре. 1,8% в английской коммуникации в ж→ж паре. 1% просодических ядер выделен посредством просодии и двух и более невербальных средств в русской лингвокультуре в ж→м паре. В китайской коммуникации в ж→ж паре такой вид выделения смыслового слова не зафиксирован. Таким образом, вышеуказанный способ выделения просодического ядра показывает свою активность среди мужчин независимо от гендерного типа лингвокультур. Причем, в русской и китайской коммуникациях мужчины чаще используют данный способ в отношении другого мужчины, чем женщины. Специфика английской коммуникации в этом вопросе заключается в равном использовании указанного типа выделения просодического ядра как в м→м паре, так и в м→ж паре. Что касается женщин, то самыми активными в

отношении сочетания просодии с двумя и более невербальными средствами в ж→ж паре являются русские женщины. Активность английских женщин в ж→ж паре в этом отношении в два раза меньше, китайки в ж→ж паре вообще не употребляют данное средство в качестве способа выделения смыслового слова. Наибольшую активность использования просодии и нескольких невербальных средств проявляют китайские женщины в коммуникации ж→м пары. Русские женщины оказываются на последнем месте по использованию просодии и нескольких невербальных средств в коммуникации ж→м пары.

Что касается типа ситуации, то здесь также наблюдается национальная специфика, зависящая от гендера. В нейтральной ситуации наибольший процент (32%) комплексного выделения просодического ядра наблюдается в китайской коммуникации в м→м паре. 12% просодических ядер зафиксировано в м→ж паре в китайской и английской лингвокультурах. 10% в английской коммуникации в м→м паре, 8,5% в английской коммуникации в ж→м паре, 7% в русской коммуникации в м→м паре, 6,3% в русской коммуникации в ж→ж паре, 6% в русской коммуникации в ж→м паре, 5% в русской коммуникации в м→ж паре, 4% в китайской лингвокультуре в ж→м паре, 3,4% в английской коммуникации в ж→ж паре, 1,7% в китайской лингвокультуре в ж→ж паре. Таким образом, в нейтральной ситуации комплексное выделение просодического ядра чаще всего встречается в китайской однополой коммуникации между мужчинами. Самая низкая частота использования комплексного выделения просодического ядра зафиксирована в китайской лингвокультуре – в коммуникации между китайскими женщинами. Существенно то, что китайские женщины проявляют активность в два раза больше в коммуникации с мужчиной, чем с женщиной. В то же время, китайские мужчины почти в три раза больше воздействуют на коммуниканта – мужчину, чем на коммуниканта – женщину. В сравнении с русской фемининной коммуникацией в нейтральной ситуации разница в частоте использования не столь велика. И, тем не менее, русские

мужчины проявляют большую активность в сочетании просодии с невербальными средствами при выделении просодического ядра. Также, как и в китайской коммуникации, между русскими мужчинами наблюдается выше активность воздействия, чем между мужчиной и женщиной, где мужчина выступает исполнителем, а женщина адресатом. Однако в отличие от китайских женщин, русские женщины проявляют большее воздействие на женщину, чем на мужчину. Английская маскулинная специфика состоит в том, что мужчина оказывает большее воздействие на женщину в нейтральной ситуации, чем на мужчину, или чем женщина на мужчину. В свою очередь, английская женщина проявляет большую активность в коммуникации с мужчиной, а не с женщиной, как, например, русская женщина. В эмоциональной ситуации во всех лингвокультурах наблюдается увеличение частоты использования комплексно выделенных просодических ядер. Исключение составляет китайская коммуникация в м→ж паре. Частота употребления (12%) комплексно выделенных просодических ядер в данной коммуникации сохраняется. В эмоциональной ситуации наибольшая частота (37%) использования комплексно выделенных просодических ядер наблюдается в китайской коммуникации в м→м паре. 31% комплексно выделенных просодических ядер посредством просодии и невербальных средств зафиксирован в английской и русской коммуникации в м→м паре. Далее частота использования комплексно выделенных просодических ядер в исследуемых лингвокультурах распределилось следующим образом: 21% в английской лингвокультуре в м→ж паре, 17% в русской коммуникации в м→ж и ж→ж паре, 14% в русской и английской лингвокультурах в ж→м парах, 12% в китайской лингвокультуре в м→ж паре, 10,5% в китайской коммуникации в ж→м паре, 3,6% в английской коммуникации в ж→ж паре, 2% в китайской лингвокультуре в ж→ж паре.

Таким образом, посредством комплексного выделения просодического ядра чаще всего эмоции выражают китайские мужчины в отношении мужчин. По сравнению с ними активность русских и английских мужчин несколько

ниже. И, тем не менее, русские и английские мужчины в эмоциональной ситуации активнее сочетают просодию с невербальными средствами для выделения просодического ядра, чем русские и английские женщины. Более высокая активность мужчин во всех рассматриваемых лингвокультурах независимо от принадлежности к гендерному типу зафиксирована в коммуникации, как в отношении мужчин, так и в отношении женщин. Что касается женской коммуникации, то чаще всего посредством просодии и невербальных средств выделяют смысловое слово в эмоциональной ситуации русские женщины в ж→ж паре. Что объясняется фемининным качеством – открытая эмоциональность. Равную эмоциональность, согласно исследованию, показывают русские и английские женщины в коммуникации с мужчинами. Что касается женской однополой коммуникации, то английские женщины ближе к китайским женщинам с разницей в 1,6%. В отношении мужчин в эмоциональной ситуации английские и китайские женщины показывают активность в 4-5 раз выше.

Как отмечалось в предыдущем параграфе, ведущим средством, работающим совместно с просодией на уровне просодического ядра, являются кинесические жесты независимо от принадлежности лингвокультуры в гендерному типу. В русской коммуникации в нейтральной ситуации в м→ж паре, где мужчина - исполнитель жеста, а женщина - адресат, чаще всего используются следующие жесты: «кивок» – 1%, «поднять брови» – 0,6%, «движение головой вправо» – 0,6%, «движение кистью сверху вниз» -0,6%, «движение головой вперед» – 0,3%, «наклон головы вправо» – 0,3%, «движение рукой вправо» – 0,3%, «протянуть руки к адресату» - 0,3%, «опустить голову» - 0,3%. Согласно исследованию, русские мужчины в коммуникации с русской женщиной в нейтральной ситуации чаще всего выделяют просодическое ядро посредством просодии и кинесического жеста «кивок». Что касается английских мужчин, то англичане также предпочитают больше всего сочетать просодию с жестом «кивок» (2,5%) в коммуникации с женщиной в нейтральной ситуации.

Спецификой китайской лингвокультуры в этом отношении является приоритетное употребление кинесических жестов с участием движений рук. Сочетание просодии с движениями рук в мужском исполнении в отношении женщины насчитывает (6,4%) самый высокий процент употребления в китайской нейтральной ситуации. Полный перечень жестов рук, употребляемый китайскими мужчинами в отношении женщин довольно разнообразный: «указывать пальцем», «грозить пальцем», «скрестить руки за спиной», «движение большим пальцем назад», «движение вытянутыми руками вверх-вниз» «качать пальцем из стороны в сторону», «движение пальцем вниз». Кроме жестов рук китайские мужчины используют другие кинесические жесты в коммуникации с женщиной в нейтральной ситуации для выделения просодического ядра. Среди них: «кивок» – 0,6%, «движение головой вверх» – 0,6%, «движение головой вправо/влево» – 0,6%. Перечень жестов, который предпочитают английские мужчины в коммуникации с женщиной в нейтральной ситуации, также довольно разнообразный. Англичане-мужчины сочетают просодию со следующими кинесическими жестами: «вытянуть шею» – 0,5%, «указывать пальцем» – 0,5%, «разводить руками» – 0,2%, «наморщить нос» – 0,2%, «нахмурить брови» – 0,5%, «движение головой в правую сторону» - 0,2%, «движение головой вниз» - 0,2%, « вскинуть голову» - 0,2%, « опустить голову» -0,2%, «движение головой вверх» – 0,7%.

Таким образом, сравнивая поведение русских, английских и китайских мужчин в нейтральной ситуации в отношении женщин такой же национальности, можно сделать вывод, что мужчины в стремящейся к гендерной гармонии китайской лингвокультуре, активнее воздействуют на собеседницу – женщину, чем английские или русские мужчины. Такое положение вещей можно объяснить следующим фактом. Гендерная гармония в китайской лингвокультуре понимается своеобразно. Понятие «гармония» включает в себя несколько аспектов, в том числе иерархию. Иными словами, мужское превосходство и женская маргинальность - естественные понятия.

Поэтому в провозглашающей гендерную гармонию лингвокультуре мужчины проявляют большую активность. Что касается коммуникации в м→м паре в нейтральной ситуации, то по сравнению с м→ж коммуникацией, в м→м поведении наблюдаются некоторые различия. Поведение русского мужчины по отношению к другому мужчине той же национальности характеризуется более высокой активностью по сравнению с поведением в отношении женщины. Так, частота употребления кинесических жестов, сочетающихся с просодией увеличивается в м→м паре в 1,5 раза. Наиболее употребительным жестом, так же как и в м→ж паре зафиксирован «кивок». Подобная ситуация складывается и в английской лингвокультуре. Наиболее употребительным жестом остается «кивок». Однако частота употребления данного жеста увеличивается на 0,5%. Как уже отмечалось, жесты рук в китайской лингвокультуре в м→ж паре выступают ведущим средством, сочетающимся с просодией в нейтральной ситуации для выделения смыслового слова. В м→м коммуникации вышеуказанные средства сохраняют своё превосходство. Однако частота использования увеличивается с 6,4% до 10,5% по сравнению с м→ж коммуникацией. Что касается общего перечня кинесических жестов в м→м коммуникации в исследуемых лингвокультурах в нейтральной ситуации, то нужно отметить, что в данном вопросе различий нет. Иными словами, как русские, английские, так и китайские мужчины не делают различий в использовании кинесических жестов для выделения просодического ядра по половому признаку. Единственное универсальное различие для всех исследуемых лингвокультур состоит в том, что мужчины в отношении другого мужчины ведут себя более активно, чем в отношении женщины. Соответственно процентное содержание комплексно выделенных просодических ядер в м→м коммуникации выше, чем в м→ж коммуникации.

Далее рассмотрим женскую коммуникацию. Согласно исследованию, женская коммуникация имеет свои особенности. Прежде всего, остановимся на перечне кинесических жестов, которые используют русские женщины в

коммуникации в ж→м и ж→ж паре. Было зафиксировано, что русские женщины в большинстве случаев предпочитают выделять просодическое ядро посредством просодии и жеста «кивок» в нейтральной ситуации. Причем в женском исполнении «кивок» получил максимальную частоту (3,7%) употребления. Речь идет о коммуникации в ж→ж паре. В ж→м коммуникации частота использования жеста «кивок» несколько ниже 3%. Таким образом, русская женщина проявляет большую активность в общении с женщиной, чем с мужчиной. Это можно объяснить тем, что русским женщинам больше свойственно проявлять фемининные качества, чем русским мужчинам. Русские женщины больше ориентированы на установление долгих, прочных, доверительных отношений, отсюда и большее количество невербальных средств в коммуникации. В общении с мужчиной русские женщины сочетают просодию со следующими кинесическими жестами: «движение рукой вперед» – 0,9%, «поднять брови» – 0,6%, «нахмурить брови» – 0,3%, «протянуть руку в сторону адресата» – 0,3%, «движение рукой в сторону адресата» – 0,3%, «движение рукой вниз» – 0,3%, «опустить руку» – 0,3%, «провести рукой по горлу» – 0,3%, «развести руками» – 0,3%, «поднять плечи» – 0,3%, «движение головой в сторону» – 0,3%. В отношении женщины, русская женщина употребляет практически такой же перечень кинесических жестов с разницей в частоте использования: «поднять брови» – 0,6%, «движение рукой в сторону адресата» – 0,6%, «движение головой вниз» – 0,3%, «движение головой вверх» – 0,3%, «опустить руки» – 0,3%, «движение головой в сторону» – 0,3%, «поднять плечи» – 0,3%. Сравнивая коммуникативное поведение русских мужчин и женщин, было установлено, что русские женщины чаще используют жест «кивок» в сочетании с просодией в общении с женщиной. Жесты рук, движения бровей чаще употребляются русскими женщинами в отношении мужчин. Русские мужчины, например, движения бровей чаще используют в коммуникации с мужчинами, чем с женщинами. Движения головой, напротив, чаще встречаются в коммуникации русских мужчин с женщинами.

Спецификой коммуникации английских женщин является приоритетное сочетание просодии с движениями бровей в ж→м паре. Движения бровей в сочетании с просодией в исполнении английских женщин встречается в 1,6% просодических ядер. В английской ж→ж паре ведущим средством выступает жест «кивок» 1,4%. Чаще всего в нейтральной ситуации в общении с мужчинами английские женщины выделяют просодическое ядро посредством следующих кинесических жестов: «подниматься/опускаться на носочках» – 0,2%, «кивок» – 0,7%, «скрестить руки» – 0,2%, «поднять брови» -1,4% «вытянуть шею» – 0,5, «качать головой из стороны в сторону» – 0,5%, «движение головой вниз» – 0,2%, «опустить брови» – 0,2%, «движение головой вниз» - 0,2%, «развести руки в стороны» – 0,2%, «движение рукой вниз» – 0,2%, «реверанс» – 0,2%, «опустить голову» – 0,2%, «наклонить голову» – 0,2%, «движение сжатыми кулаками вниз» – 0,2%. В коммуникации с однополым собеседником, английская женщина использует несколько меньший перечень кинесических жестов: «опустить брови» –0,2%, «поднять брови» -0,2%, «легкое движение головой из стороны в сторону» – 0,2%, «отвернуть голову» -0,2%, «указывать пальцем на адресата» – 0,2%, «прикосновение ко рту» – 0,2%. Ведущим средством, как уже упоминалось, считаем «кивок» – 1,4%. Своеобразием китайской коммуникации считаем отсутствие жеста «кивок» в однополой китайской женской коммуникации. По данным исследования, китайские женщины не употребляют «кивок» в качестве средства выделения просодического ядра в разговоре с женщиной в нейтральной ситуации. В китайской ж→м паре данный жест присутствует, однако, частота использования (0,3%) его по сравнению с «кивком» в мужской коммуникации (6,8%) очень низкое. Как уже отмечалось, китайские женщины в нейтральной ситуации проявляют большую активность по отношению к мужчине, чем к женщине. Список кинесических жестов, сочетающихся с просодией в исполнении китайских женщин в ж→ж коммуникации крайне мал: «движение пальцами» – 0,3%, «движение головой из стороны в сторону» – 0,6%. В коммуникации с мужчиной, китайские

женщины сочетают просодию с жестами: «движение рукой к себе» – 0,3%, «кивок» – 0,3%, «движение головой вверх» – 0,6%, «поворот головы в сторону адресата» – 0,3%, «наклон головы в сторону адресата» – 0,3%, «наклон головы влево» – 0,3%.

Как было отмечено в предыдущем параграфе, частота использования комплексно выделенных просодических ядер в эмоциональной ситуации по сравнению с нейтральной во всех исследуемых лингвокультурах увеличивается. Ведущим средством комплексного выделения просодического ядра, сочетающимся с просодией в эмоциональной ситуации в русской м→ж коммуникации является кинесический жест «кивок». Данный жест сочетается с просодией в 2% случаев. Вторым по значимости является жест «поднять брови» – 1,7%. Третьим выступает кинесический жест «движение рукой вниз». Процентное содержание данного жеста составляет 1,4%. Перечень жестов рук довольно широко представлен в русской эмоциональной ситуации в м→ж коммуникации. Речь идет о таких жестах как: «провести рукой от себя», «развести руками», «руки в боки», «хлопать ладонью по листу бумаги», «указывать ладонью», «резкое движение указательным пальцем вниз», «движение рукой к груди», «движение рукой в сторону», «поднять и резко опустить обе руки». Кроме движений рук русские мужчины в общении с женщиной выделяют смысловые слова посредством просодии и жестов: «нахмурить брови», «чесать затылок», «наклонить голову», «качать головой из стороны в сторону», «движение головой вниз», «движение головой в сторону». В отношении мужчин русские мужчины ведут себя активнее. Так же как и в м→ж коммуникации ведущим средством выделения смыслового слова в м→м коммуникации является кинесический жесты: «кивок», «движение рукой вниз». Жест «кивок» получил наибольший процент (7%), «движение рукой вниз» - около 4%. 3% просодических ядер в м→м коммуникации выделены посредством просодии и других жестов рук. Среди них: «трясти рукой», «махать рукой», «движение кулаком вниз», «кукиш», «загибать

пальцы», «тереть большой и указательный пальцы друг о друга», «удар кулаком в лоб», «бросить нож». Кроме того, в общении русские мужчины активно используют различные движения головой: «движение головой вперед», «вскинуть голову», «движение головой в правую/левую сторону». Общая частота использования жестов с участием движений головы составляет 5%. 1,4% просодических ядер в м→м коммуникации в русской лингвокультуре выделены посредством просодии и движений бровями. Кроме того, в русской мужской коммуникации встречаются кинесические жесты, типа: «наморщить нос», «вытянуть шею», «пожать плечами». Однако частота употребления данных жестов показывает низкое значение. Таким образом, приходим к выводу, что русские мужчины в общении с мужчиной в эмоциональной ситуации ведут себя категоричнее, агрессивнее. Подтверждением тому служит большое количество жестов с отрицательной коннотацией. Более того, жесты приобретают резкость исполнения и широкую амплитуду. В английской м→ж коммуникации, как и в русской фемининной лингвокультуре в м→ж коммуникации ведущим средством комплексного выделения просодического ядра является «кивок». 5% просодических ядер выделены именно посредством просодии и жеста «кивок». Значительное место занимают жесты с участием других движений головы. Общее содержание указанных жестов составляет 6%. Данная группа включает в себя: «повернуть голову в правую/левую сторону», «движение головой вперед», «движение головой из стороны в сторону», «повернуть голову в сторону адресата», «повернуть голову прямо перед собой». Далее по значимости следует выделение просодического ядра посредством просодии и движений бровями. Данный способ акцентирования смыслового слова составляет 2% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер. 2% просодических ядер выделены английскими мужчинами в м→ж коммуникации посредством просодии и движений рук. Речь идет о следующих жестах: «движение рукой от себя и к себе в горизонтальной поверхности», «выдвинуть руку вперед», «грозить пальцем», «протянуть

руки к адресату», «отдать честь», «бросить какой-либо предмет с силой». Что касается английской м→м коммуникации, то следует отметить, что английские мужчины в отношении мужчин используют такие же невербальные средства выделения просодического ядра, что и в отношении женщин. Ведущим средством в английской м→м коммуникации, как и в м→ж коммуникации является «кивок». Однако частота использования данного жеста в м→м коммуникации на 0,5% ниже, чем в м→ж коммуникации и составляет 4,5%. Значительное место среди невербальных средств, сочетающихся с просодией занимают движения головой. 8% просодических ядер выделены тем или иным жестом с участием движений головы. Английские мужчины в м→м коммуникации в эмоциональной ситуации предпочитают выделять просодическое ядро посредством следующих жестов головы: «движение головой вправо/влево», «повернуть голову в сторону адресата», «качать головой из стороны в сторону», «из положения голова поднята привести голову в нейтральное положение», «опустить голову», «поднять голову». Несколько ниже частота использования жестов с участием рук. 5,8% просодических ядер выделены посредством просодии и жестов рук. Наиболее типичными для английского мужчины в коммуникации с мужчиной считаем следующие жесты: «развести руками», «опустить руки вниз», «выставить руку ладонью вверх», «трясти руками», «закрыть глаза рукой», «движение указательным пальцем вниз», «указательным пальцем одной руки ударить по указательному пальцу другой руки», «взмахнуть рукой», «указывать пальцем», «класть руки в карманы», «сжимать курительную трубку». Кроме того, считаем очень выразительными движения бровями в сочетании с просодией в качестве средства комплексного выделения просодического ядра. Данный вид выделения просодического ядра занимает 2,5%. Чаще других используется жест «поднять брови». Сравнивая гендерное невербальное поведение в маскулинной английской лингвокультуре и фемининной русской лингвокультуре, необходимо отметить, что больше всего отличие двух

лингвокультур наблюдается в мужском поведении. Если мужчины-англичане предпочитают сдерживать эмоции при общении, как с женщиной, так и с мужчиной, то открытая эмоциональность русского мужчины ярко проявляется в коммуникации с мужчиной. В эмоциональной ситуации русские мужчины не ограничивают свободу в использовании агрессивных, грубых жестов.

В стремящейся к гендерной гармонии китайской лингвокультуре в м→ж коммуникации ведущими средствами комплексного выделения просодического ядра являются движения рук. Данные жесты встречаются в 5,8% просодических ядер. Среди наиболее типичных жестов рук выделяются: «руки в боки», «скрестить руки», «взмахнуть рукой в горизонтальной/вертикальной поверхности», «развести руками», «трясти руками», «поднять руку вверх», «сжать руку в кулак», «вытянуть руку вперед», «щелчок пальцами», «указывать пальцем», «замахнуться». Вторым по значимости выступает жест «кивок». Данный жест встречается в 2% просодических ядер. На третьем месте по частоте употребления находятся жесты с участием движений головы. 0,6% смысловых слов выделены посредством просодии и следующих движений головы: «мелкое движение головой вверх», «наклон головы». Реже всего (0,3%) в китайской м→ж коммуникации просодия сочетается с движениями бровей. Речь идет о жесте «поднять одну бровь». Китайская коммуникация в м→м паре отличается от м→ж коммуникации интенсивностью и частотой исполнения. Ведущими средствами комплексного выделения просодического ядра зафиксированы движения руками. Частота использования движений рук в китайской м→м коммуникации в 3,2 раза выше, чем в китайской м→ж коммуникации. Перечень жестов рук в китайской м→м коммуникации более разнообразный, список включает с себя большее количество движений рук. В исследовании в китайской м→м коммуникации в эмоциональной ситуации были зафиксированы следующие жесты рук: «взмахнуть рукой в горизонтальной/вертикальной поверхности», «развести руками», «левая рука

изображает тетрадь, правая пишет», «трясти руками», «замахнуться», «резкое движение рукой вперед», «указывать указательным пальцем», «взмахнуть рукой», «поднять руку вверх», «сжать руку в кулак», «поставить руки на пояс», «бросить бумаги на пол», «замахнуться книгой», «махать рукой», «сложить руки для поклона», «поднять чашу», «ударить посохом», «указывать пальцем», «убрать руки за спину», «ударить кулаком в грудь», «выставить указательный палец», «указывать палкой», «замахнуться палкой», «протянуть руку в сторону адресата», «движение указательным пальцем вниз», «приставить палец к виску». На втором месте по частоте употребления находятся жест «кивок». 5% просодических ядер выделены посредством просодии и жеста «кивок». Кинесические средства с участием движений головы занимают 7,8% в китайской м→м коммуникации в эмоциональной ситуации. К ним относятся следующие жесты: «движение головой вперед», «движение головой в сторону», «мелкое движение головой вниз», «движение головой вверх», «движение головой слева направо», «наклонить голову вперед», «поднять голову», «наклонить голову вправо». Как и в м→ж коммуникации в данном случае зафиксировано довольно редкое использование движений бровей. Особенностью считаем употребление жеста «высунуть язык» с семантическим значением «испытывать стыд». В целом китайский мужчина ведет себя активнее в общении с женщиной, нежели с женщиной. Кроме того, сравнивая невербальное поведение русских, английских и китайских мужчин, нужно отметить, что на общем фоне китайские мужчины проявляют большую активность, чем русские и английские представители мужского пола. Что касается женского невербального поведения, то, прежде всего, нужно отметить, что количество комплексно выделенных просодических ядер в женском исполнении во всех лингвокультурах меньше, чем в мужском исполнении. В русской лингвокультуре наиболее популярным кинесическим жестом выделения просодического ядра среди женщин, общающихся с женщиной, является «кивок». Частота употребления данного способа выделения смыслового

слова в ж→м коммуникации в эмоциональной ситуации составляет 1%. Кроме вышеуказанного жеста русские женщины используют другие кинесические жесты, выделяя смысловое слово в общении с мужчиной. Однако процент подобных жестов меньше, чем жеста «кивок». 2,6% просодических ядер выделены группой жестов, активным органом при исполнении которых является рука. Среди таких жестов зафиксированы: «резкое движение рукой вниз», «приложить руку ко лбу», «движение рукой к себе», «движение рукой от себя», «прикосновение к голове», «выдвинуть руку вперед», «закрыть рукой», «убрать волосы в лица». 2% просодических ядер выделены посредством просодии и движений головы. Речь идет о таких жестах как: «движение головой вперед», «движение головой в сторону», «движение головой вверх», «поклониться». Такие жесты как «опустить плечи», «расширить ноздри», «сжать губы», «растянуть рот», «вытянуть шею вперед», «поднять плечи вверх», «поднять брови» занимают по 0,3% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер в эмоциональной ситуации в русской ж→м коммуникации. Жест «кивок» сохраняет свою позицию в русской ж→ж коммуникации в эмоциональной ситуации. Однако частота использования жеста возрастает на 1,6% и составляет 2,6%. Подобная ситуация складывается и в отношении группы жестов с активным органом руки – в ж→ж коммуникации данные жесты сохраняют свою позицию, но процентное содержание увеличивается на 1,4% и составляет 4%. Перечень жестов несколько меняется в ж→ж коммуникации. Вышеупомянутая группа состоит из следующих жестов: «движение рукой от себя в сторону», «развести руками», «движение рукой сверху вниз», «поднять руку к груди», «указывать рукой», «легкий удар кулаком по столу», «бросить сумку», «резкое движение кистью вниз», «удар рукой по головному убору», «закрыть рукой лицо». Кроме того, в русской ж→ж коммуникации наблюдается незначительное на 0,6% увеличение употребления жестов в участии движений головы. Группа жестов включает в себя: «качать головой из стороны в сторону», «качать головой вперед-назад», «движение головой

вперед», «сделать головой полукруг», «движение головой вправо», «движение головой вверх», «поднять голову». Жесты связанные с движением бровей, шеи сохраняют частоту использования в русской ж→ж коммуникации. Таким образом, русские женщины активнее себя ведут и меньше контролируют свои эмоции в отношении собеседника такого же пола. Английские женщины в отличие от русских сочетают просодию с кинесическим жестом «кивок» чаще в ж→м коммуникации в эмоциональной ситуации, чем в общении с женщиной. 2% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер выделены посредством просодии и жестом «кивок» в английской ж→м коммуникации. Жест «кивок» является ведущим средством выделения просодического ядра, работающим совместно с просодией. Кроме жеста «кивок» в английской ж→м коммуникации зафиксированы другие жесты, при исполнении которых участвуют движения головой. 4% просодических ядер выделены посредством просодии и следующих жестов головы: «движение головой в сторону адресата», «движение головой вниз», «движение головой вправо», «движение головой вперед», «движение головой из стороны в сторону». Кроме того, английские женщины используют кинесические жесты с активным органом руки для выделения просодического ядра в ж→м коммуникации. 2,5% просодических ядер выделены просодией и жестами с участием движений рук. Речь идет о таких жестах как: «движение рукой вниз», «опустить руку», «встряхнуть руками пальто», «закрыть лицо руками», развести руками». Движение бровями занимает 2% от общего числа просодических ядер выделенных посредством просодии и жеста «поднять брови». В отношении женщины английская женщина ведет себя менее активно в эмоциональной ситуации, чем, общаясь с мужчиной. Ведущим средством комплексного выделения просодического ядра остается «кивок», однако частота использования данного жеста в ж→ж коммуникации в эмоциональной ситуации снижается на 1,1% и составляет 0,9%. Такая же частота составляет и употребление жестов с участием движений бровей. Среди них зафиксированы: «поднять

брови», «нахмурить брови». 0,7% просодических ядер выделены в английской ж→ж коммуникации в эмоциональной ситуации посредством просодии и жестов головы: «опустить голову», «движение головой влево». 0,2% просодических ядер выделены с помощью просодии и жеста «движение вперед раскрытыми ладонями». Равнозначный процент занимает жест «кривить рот». Таким образом, в отличие от русской женщины английская женщина больше сдерживает эмоции, меньше использует комплексные средства для выделения смыслового слова и более активно взаимодействует с мужчиной, а не с женщиной. В китайской лингвокультуре женщина, как и в английской лингвокультуре, активнее взаимодействует с мужчиной, чем с женщиной. Ведущим средством выделения просодического ядра в китайской ж→м коммуникации является сочетание просодии с жестами рук: «прикосновение рукой к виску», «грозить пальцем», «ударить кружкой по столу», «перебирать пальцами». Данные жесты занимают 5,8% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер. Движения головой так же входят в перечень средств, с помощью которых китайские женщины в общении с мужчиной выделяют просодическое ядро. 2,7% просодических ядер выделены посредством просодии и движений головы. Речь идет о жестах: «движение головой вперед», «опустить голову». В эмоциональной ситуации в китайской ж→ж коммуникации зафиксировано крайне мало кинесических жестов, сочетающихся с просодией. Китайская женщина в эмоциональной ситуации с другой женщиной выделяет смысловое слово посредством просодии и жеста: «протянуть руку», «повернуть голову в сторону адресата». Каждый из отмеченных жестов встречается в 0,3% просодических ядер.

В предыдущем параграфе было отмечено, что вторым по значимости невербальным средством комплексного выделения просодического ядра во всех лингвокультурах независимо от принадлежности к гендерному типу являются визуальные средства. Согласно исследованию, данный способ выделения просодического ядра более всего характерен для английской

маскулинной лингвокультуры. 21% просодических ядер выделен посредством просодии и визуальных средств в английской лингвокультуре. 17% комплексно выделенных просодических ядер выделены просодией и визуальными средствами в стремящейся к гендерной гармонии китайской лингвокультуре. Наименьшая частота (15%) смысловых слов выделены с помощью просодии и визуальных средств в русской фемининной лингвокультуре. В русской лингвокультуре в общении между двумя мужчинами, а также между мужчиной и женщиной, где мужчина исполнитель жеста, а женщина адресат чаще других визуальных средств используется «контакт глаз» как средство совместного с просодией выделения смыслового слова в нейтральной ситуации. По 0,3% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер занимают «пропуск взгляда», «взгляд в лицо» в м→ж и м→м коммуникации в нейтральной ситуации. Иными словами, русский мужчина использует одинаковый набор визуальных средств для совместного с просодией комплексного выделения просодического ядра в общении, как с мужчиной, так и с женщиной в нейтральной ситуации. Кроме того, частота использования вышеуказанных жестов в м→ж и м→м коммуникации в нейтральной ситуации одинаково. Английские мужчины, как и русские, предпочитают больше употреблять «контакт глаз» в качестве способа комплексного выделения просодического ядра как в м→ж и м→м коммуникации в нейтральной ситуации. Однако частота употребления данного жеста по сравнению с русской лингвокультурой больше в 2 раза в м→ж коммуникации и составляет 2%, и меньше на 0,1% в м→м коммуникации и составляет 0,9%. 1,6% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер в м→ж коммуникации в нейтральной ситуации занимает визуальный жест «взгляд в лицо». В английской м→м коммуникации данный жест зафиксирован в 0,2% просодических ядер. 0,5% просодических ядер в английской м→ж коммуникации в нейтральной ситуации просодия сочетается с жестом «односторонний взгляд», когда мужчина смотрит на женщину. В

стремящейся к гендерной гармонии китайской лингвокультуре мужчины сочетают просодию в м→ж коммуникации в нейтральной ситуации посредством просодии и либо «взгляда в лицо», либо «контакта глаз». Употребление данных визуальных жестов составляет по 0,3% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер. В китайской м→м коммуникации в нейтральной ситуации ведущим среди визуальных средств выделения смыслового слова является жест «взгляд в лицо». 1% просодических ядер выделен с помощью просодии и жеста «взгляд в лицо». По 0,6% занимают жесты «совместный взгляд», «контакт глаз». «Пропуск взгляда « и «односторонний взгляд» зафиксированы в 0,3% просодических ядер каждый. Женское поведение также отличается своей спецификой. В русской лингвокультуре в ж→м коммуникации в нейтральной ситуации не зарегистрировано ни одного визуального средства. Иными словами, согласно исследованию, в русском женском общении с мужчиной женщина не использует визуальные средства в качестве средства выделения смыслового слова. В ж→ж коммуникации в нейтральной ситуации русская женщина выделяет 1% смысловых слов посредством просодии и визуального жеста «контакт глаз», 0,6% просодических ядер посредством просодии и «взглядом в лицо». Таким образом, ведущим визуальным средством комплексного выделения просодического ядра в русской фемининной лингвокультуре для всех языковых личностей является «контакт глаз». Перечень визуальных жестов в английской маскулинной лингвокультуре в нейтральной ситуации в женской коммуникации шире, чем в русской. Так, в ж→м коммуникации в нейтральной ситуации употребляются: «контакт глаз» – 0,7%, «избегание взгляда» – 0,5%, «взгляд в лицо» – 0,2%. Сравнивая поведение русской и английской женщин, можно сделать вывод, что английская женщина проявляет большую активность в общении с мужчиной, а русская женщина более активна в отношении женщины. Что касается английской языковой личности мужского и женского пола, то мужчины проявляют большую инициативность по отношению к женщине, чем английская женщина к

мужчине. Кроме того, английский мужчина более инициативен в общении по отношению к другому мужчине, чем женщина к женщине. Если частота использования ведущего визуального средства выделения просодического ядра в м→м коммуникации составляет 0,9%, то в ж→ж коммуникации максимальная частота не больше 0,2%. В нейтральной ситуации в общении с женщиной английская женщина сочетает следующие визуальные средства с просодией: «контакт глаз» – 0,2%, «односторонний взгляд» – 0,2%, «избегание взгляда» – 0,2%. В стремящейся к гендерной гармонии китайской лингвокультуре в женском общении наблюдается меньше всего просодических ядер выделенных посредством просодии и какого-либо визуального средства. Речь идет о 0,3% просодических ядер, выделенных с помощью просодии и жеста «взгляд в лицо». Как и английская женщина, китайка проявляет больше активности в отношении мужчины. В нейтральной ситуации в ж→м коммуникации просодическое ядро выделяется посредством просодии и какого-либо одного из нижеперечисленных визуальных жестов: «контакт глаз», «взгляд в лицо», «пропуск взгляда». Самая большая частота 1% зафиксирована в использовании жеста «взгляд в лицо». По 0,3% просодических ядер выделены жестами: «взгляд в лицо», «пропуск взгляда» в нейтральной ситуации в китайской ж→м коммуникации. В эмоциональной ситуации в русской лингвокультуре в м→ж коммуникации ведущим визуальным средством выделения просодического ядра остается «контакт глаз». Однако частота использования данного жеста по сравнению с нейтральной ситуацией возрастает с 1% до 2,6%. Кроме «контакта глаз» русские мужчины в общении с женщиной эмоционально выделяют смысловые слова посредством просодии и жеста «взгляд в лицо». Данный способ выделения смыслового слова в эмоциональной ситуации составляет 1%. В общении русского мужчины с мужчиной ведущим средством выделяем «контакт глаз», так как именно у этого жеста зафиксирована максимальная частота 2%. По сравнению с нейтральной ситуацией, в эмоциональной ситуации частота

употребления жеста «контакт глаз» увеличивается в два раза. Вторым по частоте встречаемости визуальным жестом в русской м→м коммуникации в эмоциональной ситуации является жест «взгляд в лицо». 0,9% смысловых слов выделены посредством просодии и данного жеста. 0,6% просодических ядер выделены в русской м→м коммуникации с помощью просодии и жестом «односторонний взгляд». Наименьший процент (0,3%) занимает «избегание взгляда». «Взгляд в лицо» наиболее типичный визуальный жест в английской м→ж коммуникации в эмоциональной ситуации. 1,6% просодических ядер выделены посредством просодии и жеста «взгляд в лицо». «Избегание взгляда», «контакт глаз» занимают по 1,1% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер в английской эмоциональной ситуации в м→ж коммуникации. 0,2% смысловых слов акцентированы с помощью просодии и визуального жеста «пропуск взгляда». В английской м→м коммуникации в эмоциональной ситуации зарегистрированы следующие жесты: «взгляд в лицо» – 2,5%, «контакт глаз» – 1,1%, «избегание взгляда» – 0,7%, «совместный взгляд» – 0,2%. Данные жесты в сочетании с просодией используют английские мужчины в коммуникации с женщиной в эмоциональной ситуации. Что касается китайских мужчин, то китайский мужчина более активен в общении с женщиной, поэтому в м→м коммуникации частота употребления комплексно выделенных просодических ядер посредством просодии и визуальных средств выше, чем в м→ж коммуникации. Кроме того, перечень употребляемых визуальных средств шире, чем в м→ж коммуникации. В китайской м→ж коммуникации с просодией сочетаются только «односторонний взгляд» – 0,3% и «взгляд в лицо» – 0,3%. В м→м коммуникации встречаются «взгляд в лицо» – 0,6%, «контакт глаз» – 0,6%, «односторонний взгляд» – 0,6%, «избегание взгляда» – 0,3%. Особенности женского невербального поведения в русской фемининной лингвокультуре заключаются в сочетании просодии с жестами: «взгляд в лицо» – 1,4%, «контакт глаз» - 1,4%, «избегание взгляда» – 0,9% в ж→м коммуникации в

эмоциональной ситуации. В ж→ж коммуникации перечень жестов несколько больше, хотя частота использования меняется незначительно: «взгляд в лицо» – 1,4%, «контакт глаз» – 1%, «односторонний взгляд» – 0,3%, «избегание взгляда» – 0,3%. В английской маскулинной лингвокультуре женщины в общении с мужчиной употребляют больше визуальных жестов, сочетающихся с просодией: «контакт глаз» – 1,1%, «избегание взгляда» – 1,1%, «односторонний взгляд» – 0,2%, «взгляд в лицо» – 0,2%, «пропуск взгляда» – 0,2%. В коммуникации с женщиной английские женщины больше используют «взгляд в лицо», частота которого 0,7%. На втором месте по частоте употребления в английской ж→ж коммуникации в эмоциональной ситуации визуальный жест «контакт глаз» – 0,5%. «Пропуск взгляда» и «избегание взгляда» составляют 0,2% от общего числа комплексно выделенных просодических ядер. В китайской лингвокультуре ведущим средством комплексного выделения просодического ядра в ж→м коммуникации в эмоциональной ситуации является визуальный жест «взгляд в лицо». 1,7% смысловых слов выделены этим жестом. 0,6% просодических ядер выделены посредством просодии и визуального жеста «избегание взгляда» в ж→м коммуникации в эмоциональной ситуации. В китайской женской однополюсной коммуникации перечень употребляемых жестов больше, чем в общении между женщиной и мужчиной, однако частота использования ниже. Ведущее визуальное средство в ж→ж коммуникации в эмоциональной ситуации выделить не представляется возможным, так как все жесты употребляются с одинаковой частотой: «избегание взгляда» – 0,3%, «взгляд в лицо» – 0,3%, «прямой взгляд» – 0,3%, «контакт глаз» – 0,3%.

Наименьший процент комплексно выделенных просодических ядер зарегистрированы с использованием просодии и проксемных или тактильных невербальных жестов, в зависимости от индивидуальных особенностей лингвокультуры. В русской фемининной лингвокультуре использование проксемных и тактильных средств равнозначно. В русской мужской коммуникации с женщиной в нейтральной ситуации зарегистрирован только

один проксемный жест, который сочетается с просодией для комплексного выделения смыслового слова. Речь идет о жесте «изменение ориентации». 0,2% просодических ядер выделены с помощью просодии и данного жеста. В русской м→м коммуникации в нейтральной ситуации случаев сочетания просодии с проксемными жестами не зафиксировано. Английские мужчины в нейтральной ситуации в общении с женщиной, как и русские не сочетают просодию с проксемными средствами. В общении с женщиной в нейтральной ситуации английские мужчины выделяют просодическое ядро посредством просодии и «изменением ориентации» – 0,7% или «сокращением дистанции» – 0,5%. В китайской лингвокультуре мужчины довольно активно используют проксемные невербальные средства как способ выделения смыслового слова. В общении с женщиной в нейтральной ситуации китайские мужчины сочетают просодию с жестами: «увеличение дистанции» – 0,3%, «изменение ориентации» – 0,3%. В общении с женщиной в нейтральной ситуации китайские мужчины допускают больше проксемных жестов с большим процентным содержанием. Речь идет о жестах: «изменение ориентации» – 1,7%, «сокращение дистанции» – 0,6%, «увеличение дистанции» – 0,3%. Что касается женского невербального поведения, то, по результатам исследования, только русские женщины в общении с женщиной сочетают просодию с проксемным жестом: «увеличение дистанции» – 0,2%. Русские женщины в общении с женщиной не употребляют проксемные средства в качестве способа комплексного выделения просодического ядра. Английские женщины в нейтральной ситуации вообще не употребляют проксемные средства в качестве выделения смыслового слова в сочетании с просодией. Аналогичная ситуация складывается в китайской лингвокультуре. Китайские женщины в нейтральной ситуации не используют проксемные средства в качестве выделения просодического ядра. В эмоциональной ситуации положение несколько меняется. Русские мужчины в эмоциональной ситуации используют больше проксемных средств. Кроме того, частота использования данных средств больше, чем в нейтральной ситуации.

Перечень проксемных жестов, употребляемых русскими мужчинами в эмоциональной ситуации в м→ж коммуникации таков: «изменение ориентации» – 1,4%, «уменьшение дистанции» – 0,6%. В м→м коммуникации русский мужчина использует: «изменение ориентации» – 1,1%, «увеличение дистанции» – 0,2%. В английской маскулинной лингвокультуре английские мужчины в эмоциональной ситуации употребляют больше проксемных жестов, чем в нейтральной ситуации. К данным жестам относятся: «увеличение дистанции» – 0,5%, «изменение ориентации» – 0,2%, «сокращение дистанции» – 0,2%. В мужской однополой коммуникации если в нейтральной ситуации английские мужчины не сочетают просодию с проксемными жестами, то в эмоциональной ситуации английские мужчины выделяют просодическое ядро посредством жестов: «изменение ориентации» – 0,9%, «увеличение дистанции» – 0,7%. Китайская лингвокультура также отличается своеобразием. В эмоциональной ситуации китайские мужчины употребляют меньше проксемных средств для выделения просодического ядра в общении с мужчиной по сравнению с нейтральной ситуацией. Хотя частота использования остается такой же. Речь идет о жесте «изменение ориентации» – 0,3%. Общение с мужчиной в эмоциональной ситуации также отличается от общения в нейтральной ситуации. Китайский мужчина в общении с мужчиной в эмоциональной ситуации употребляет только два проксемных средства: «сокращение дистанции» – 0,3%, «изменение ориентации» – 1%. В эмоциональной ситуации в общении с мужчиной русская женщина пользуется совершенно другими проксемными средствами комплексного выделения просодического ядра. Если в нейтральной ситуации русская женщина использует жест «увеличение дистанции», то в эмоциональной ситуации в 1,1% просодических ядер русская женщина в общении с мужчиной изменяет ориентацию. В общении с женщиной невербальное поведение русской женщины такое же, как с мужчиной. В английской лингвокультуре в ж→м коммуникации в эмоциональной ситуации женщины сочетают просодию с

проксемными жестами: «изменение ориентации» – 0,7%, «увеличение дистанции» – 0,2%. В ж→ж коммуникации в эмоциональной ситуации английские женщины не используют проксемные средства в качестве выделения смыслового слова. Китайские женщины, как и английские не выделяют просодическое ядро сочетанием просодии и проксемных средств. В отношении мужчины китайские женщины проявляют большую активность, сочетая просодию с проксемным средством «изменение ориентации». 0,6% просодических ядер в китайской лингвокультуре выделены с помощью просодии и жеста «изменение ориентации» в эмоциональной ситуации в китайской ж→ж коммуникации.

Тактильные особенности русской лингвокультуры заключаются в том, что в нейтральной ситуации русские мужчины и женщины не сочетают просодию с тактильными средствами с целью выделения смыслового слова. В английской лингвокультуре в нейтральной ситуации сочетание просодии и тактильными жестами зафиксировано в м→ж, ж→м и ж→ж коммуникации. В м→ж коммуникации в нейтральной ситуации английский мужчина использует следующий перечень тактильных жестов: «объятия» – 0,2%, «прикосновение к руке» – 0,2%, «рукопожатие» – 0,2%. В английской м→м коммуникации в нейтральной ситуации тактильные средства не сочетаются с просодией. В китайской лингвокультуре, наоборот, м→ж коммуникации в нейтральной ситуации китайский мужчина не сочетает просодию с тактильными жестами, а в м→м коммуникации зарегистрировано 0,6% просодических ядер выделенных посредством просодии и тактильных средств. Среди них 0,3% занимает жест «рукопожатие» и 0,3% жест «прикосновение к руке». Как отмечалось выше, русские женщины, как и русские мужчины не сочетают просодию с тактильными средствами в нейтральной ситуации. Единственным тактильным жестом сочетающимся с просодией в английской ж→м и ж→ж коммуникации является жест «рукопожатие». Данный жест в ж→м общении занимает 0,5% просодических ядер. В ж→ж коммуникации в нейтральной ситуации 0,9%.

Китайские женщины в общении с мужчиной в нейтральной ситуации сочетают просодию с тактильным жестом «прикосновение к руке» в 0,3% просодических ядер. В китайской ж→ж коммуникации в нейтральной ситуации единственным жестом сочетающимся с просодией выступает жест «хлопать по плечу». Данный жест употребляется в 0,3% случаев. В эмоциональной ситуации русские мужчины в общении с женщиной не сочетают просодию с тактильными жестами. В общении русского мужчины с женщиной в эмоциональной ситуации перечень тактильных жестов, работающих совместно с просодией довольно широкий: «пнуть адресата» – 0,6%, «ударить кулаком в лоб» – 0,6%, «схватить за грудки» – 0,2%, «схватить за руку» – 0,2%, «пощечина» – 1,1%, «схватить за шиворот» – 0,2%, «ударить по спине» – 0,2%. В английской лингвокультуре в эмоциональной ситуации английские мужчины в общении с женщиной сочетают просодию с «прикосновением к лицу» – 0,2%, «объятиями» – 0,2%, а также с жестом «встряхнуть адресата за плечи» – 0,2%. В английской м→м коммуникации в эмоциональной ситуации единственный тактильный жест, сочетающийся с просодией «рукопожатие». Данный жест составляет 0,2% комплексно выделенных просодических ядер. В китайской лингвокультуре в общении с женщиной в эмоциональной ситуации мужчины используют жест «прикосновение к руке». 0,3% просодических ядер выделены сочетанием просодии с данным жестом. В китайской м→м коммуникации просодия сочетается с довольно широким перечнем тактильных средств: «прикосновение к плечу» – 0,3%, «схватить за галстук» – 0,3%, «схватить за шиворот» – 0,3%, «прикосновение к руке» – 0,3%, «подзатыльник» – 0,3%, «щелчок по носу» – 0,3%, «дергать за руку» – 0,3%. Русские женщины в эмоциональной ситуации сочетают просодию с «пощечиной». С помощью просодии и данного жеста выделено 0,2% просодических ядер. В русском общении женщины с женщиной в эмоциональной ситуации просодия сочетается со следующими тактильными жестами: «толкать» – 0,2%, «прикосновение к руке» – 0,2%, «схватить за волосы» – 0,6%. Английские

женщины в общении с мужчиной сочетают просодию с такими жестами как: «объятия» – 0,5%, «толкать» – 0,2%, «пощечина» – 0,2%, «тянуть за уши» – 0,5%. В однополом женском общении зафиксирован только один жест, который сочетается с просодией в эмоциональной ситуации – «прикосновение к руке» – 0,2%. В китайской лингвокультуре тактильные средства сочетаются с просодией в эмоциональной ситуации только в общении женщины с мужчиной. При этом женщина использует следующие жесты: «толкать адресата» – 0,3%, «подзатыльник» – 0,3%, «тыкать пальцем в лоб» – 0,3%.

Итак, согласно исследованию, невербальное поведение гендерной языковой личности пронизано национально-гендерными особенностями лингвокультуры, представителем которой данная личность является. Необходимо отметить, что специфика невербального поведения гендерной языковой личности зависит от многих других факторов, в частности от типа ситуации – нейтральная или эмоциональная, канала связи – м→м, м→ж, ж→м, ж→ж коммуникация. Таким образом, суммируя вышесказанное можно выделить ведущие особенности невербального поведения гендерной языковой личности. Независимо от гендерного типа лингвокультуры мужчины всех трех рассматриваемых лингвокультур показывают большую активность в использовании комплексного выделения просодического ядра с употреблением просодии и одного, двух и более невербальных средств. Причем самый высокий процент зафиксирован в коммуникации между китайскими мужчинами. Меньше всего между русскими мужчинами. В нейтральной ситуации комплексное выделение просодического ядра чаще всего встречается в китайской однополой коммуникации между мужчинами. Наименьший процент использования комплексного выделения просодического ядра зафиксирован в китайской лингвокультуре – в коммуникации между китайскими женщинами в нейтральной ситуации. Существенно то, что китайские женщины проявляют активность в два раза больше в коммуникации с мужчиной, чем с женщиной. В свою очередь,

китайские мужчины почти в три раза больше воздействуют на коммуниканта – мужчину, чем на коммуниканта – женщину. Для сравнения, в русской фемининной коммуникации в нейтральной ситуации разница в частоте использования не столь велика. И, тем не менее, русские мужчины проявляют большую активность в сочетании просодии с невербальными средствами при выделении просодического ядра. Как и в китайской коммуникации, между русскими мужчинами наблюдается выше активность использования невербальных средств, чем между мужчиной и женщиной, где мужчина выступает исполнителем жеста, а женщина адресатом. Однако в отличие от китайских женщин, русские женщины проявляют большую активность в отношении женщины, чем мужчины. Английская маскулинная специфика состоит в том, что мужчина проявляет большую активность в использовании невербальных средств в общении с женщиной в нейтральной ситуации, чем с мужчиной, или чем женщина с мужчиной. В свою очередь, английская женщина проявляет большую активность в коммуникации с мужчиной, а не с женщиной, как, например, русская женщина. Что касается эмоциональной ситуации, то посредством комплексного выделения просодического ядра чаще всего эмоции выражают китайские мужчины в отношении мужчин. По сравнению с ними активность русских и английских мужчин несколько ниже. И, тем не менее, русские и английские мужчины в эмоциональной ситуации активнее сочетают просодию с невербальными средствами для выделения просодического ядра, чем русские и английские женщины. Среди женщин чаще всего посредством просодии и невербальных средств выделяют смысловое слово в эмоциональной ситуации русские женщины в ж→ж паре. Русские женщины, как и мужчины активнее себя ведут и меньше контролируют свои эмоции в отношении собеседника такого же пола. В отличие от русской женщины, английская женщина больше сдерживает эмоции, меньше использует комплексные средства для выделения смыслового слова и более активно взаимодействует с мужчиной.

В китайской лингвокультуре женщина, как и в английской, активнее взаимодействует с мужчиной, чем с женщиной.

3.6. Описание и анализ результатов исследования на установление невербальной универсальности на уровне гендерной языковой личности

В данном параграфе представлены результаты и анализ исследования на установление гендерной невербальной универсальности на уровне гендерной языковой личности.

Несмотря на лингвокультурные, гендерные невербальные особенности русской, английской, китайской гендерной языковой личности, данное исследование показало наличие универсальных черт. Независимо от пола гендерной языковой личности, а также от принадлежности гендерной языковой личности к лингвокультуре того или иного гендерного типа, ведущим средством комплексного выделения просодического ядра является сочетание просодии с каким-либо одним невербальным средством. Кроме того, любая гендерная языковая личность независимо от пола в эмоциональной ситуации использует комплексное выделение смыслового слова чаще, чем в нейтральной ситуации. Гендерная языковая личность мужского пола любой изучаемой лингвокультуры проявляет большую активность в комплексном выделении смысловых слов, чем гендерная языковая личность женского пола. Русские, английские, китайские мужчины чаще употребляют комплексное выделение просодического ядра, как в нейтральной, так и в эмоциональной ситуации, сочетая просодию как с одним невербальным средством, так с двумя и более невербальными средствами. В русской, английской, китайской м→м коммуникации зарегистрировано самое большое количество комплексно выделенных просодических ядер. Более того, независимо от гендерного типа лингвокультуры русские, английские и китайские мужчины показали большую активность в отношении не только однополого коммуниканта, но и коммуниканта противоположного пола. Иными словами, количество просодических ядер, выделенных посредством просодии и одного невербального средства в м→ж паре во всех исследуемых лингвокультурах

выше, чем в ж→м паре. Гендерная языковая личность всех рассматриваемых лингвокультур независимо от пола и принадлежности лингвокультуры к тому или иному гендерному типу используют просодию с двумя и более разными невербальными средствами много реже. Как отмечалось в предыдущем параграфе, ведущим средством, работающим совместно с просодией на уровне просодического ядра, являются кинесические жесты во всех лингвокультурах независимо от принадлежности к гендерному типу и биологическому полу гендерной языковой личности. Иными словами, русские, английские, китайские мужчины и женщины чаще всего сочетают просодию с кинесическими средствами. Среди кинесических средств возможно выделить универсальные для всех лингвокультур и гендерных языковых личностей. К универсальным кинесическим средствам относим: «кивок», «движение головой вправо/влево», «наклон головы вправо/влево», «движение головой вперед», «качать головой из стороны в сторону», «опустить голову», «нахмурить брови», «поднять брови», «движение рукой вправо/влево», «указывать пальцем», «грозить пальцем», «скрестить руки», «разводить руками», «опустить руку», «движение рукой вниз», «пожать плечами», «махать рукой». Кроме того, русские, английские, китайские мужчины и женщины в нейтральной ситуации не делают различий в использовании кинесических жестов для выделения просодического ядра по половому признаку. Единственное универсальное различие для всех исследуемых лингвокультур состоит в том, что мужчины в отношении другого мужчины ведут себя более активно – выделяют больше просодических ядер комплексным способом, чем в отношении женщины, или чем женщины в отношении мужчин, или женщины в отношении женщин. Вторым по значимости невербальным средством комплексного выделения просодического ядра во всех лингвокультурах независимо от принадлежности к гендерному типу являются визуальные средства. Перечень визуальных жестов является универсальным: «односторонний взгляд», «контакт глаз», «совместный взгляд», «взгляд в лицо», «прямой взгляд»,

«пропуск взгляда», «избегание взгляда». Однако предпочтение того или иного жеста, манера исполнения, частота использования жеста обнаруживают специфичные черты. К универсальной черте относим и то обстоятельство, что в нейтральной ситуации женщины всех исследуемых лингвокультур в ж→ж коммуникации не сочетают просодию с проксемными жестами. Хронемная составляющая невербального поведения не участвует в выделении просодического ядра ни в одной из исследуемых лингвокультур.

Таким образом, при всем гендерном разнообразии невербального поведения возможно выделить универсальные черты, характерные для всех гендерных языковых личностей независимо от пола и преобладания фемининных или маскулинных ценностей в лингвокультуре. В целом мужчины всех исследуемых культур показали большую активность в выделении просодического ядра посредством просодических параметров и невербальных средств. Следовательно, независимо от того, какие ценности преобладают в лингвокультуре, какие лозунги провозглашают о равенстве полов, по данным исследования, женщины любой изучаемой лингвокультуры проявляют маргинальность по отношению к мужчинам.

3.7. Классификационная модель невербальных компонентов гендерного коммуникативного поведения

В ходе исследования возникла необходимость классифицировать невербальные средства в зависимости от их возможности функционировать в естественной речи. В данном параграфе представлена классификация кинесических, визуальных, проксемных, тактильных, паралингвистических, хронемных средств и их основные характеристики.

Результаты исследования показали, что невербальные средства могут взаимодействовать между собой не только на уровне синтагмы, но и на уровне просодического ядра, образуя комплексный способ выделения смыслового слова. Данное положение носит универсальный характер и свойственно любой исследованной лингвокультуре независимо от гендерного типа. Хотя доминирующим во всех изучаемых лингвокультурах является простой способ выделения смыслового слова посредством просодических параметров. Комплексный способ выделения просодического ядра в смысловом слове осуществляется посредством просодических параметров и какого-либо одного, двух и более невербальных средств. Однако нельзя умалять значение невербальных средств, не участвующих в выделении просодического ядра. Не получая реализации на уровне просодического ядра, подобные невербальные средства работают на уровне синтагмы, фразы, текста (например, хронемные), носят статичный характер и образуют своего рода окаймление. Таким образом, возникает необходимость классифицировать невербальные средства как динамичные, работающие на уровне просодического ядра, и статичные, получающие реализацию на более крупных сегментах – синтагме, фразе, тексте. Иными словами, в фемининной русской, маскулинной английской, стремящейся к гендерной гармонии китайской лингвокультурах кинесические, проксемные, тактильные, визуальные невербальные жесты можно классифицировать как динамичные и статичные, в зависимости от их функционирования в естественной речи.

1. Динамические визуальные компоненты гендерного невербального поведения.

Согласно исследованию, в русской лингвокультуре среди визуальных невербальных средств к динамичным относим: «контакт глаз», «взгляд в лицо», «прямой взгляд», «односторонний взгляд», «избегание взгляда». Данные средства употребляются как гендерной языковой личностью мужского, так и женского пола. При этом русская гендерная языковая личность употребляет данные жесты как с однополым коммуникантом, так и с коммуникантом противоположного пола. Жестикулирующий исполняет жест во время произнесения просодического ядра, а затем либо опускает, либо переводит взгляд в сторону, например. Чаще данные жесты используются в эмоциональной ситуации. Кроме того, вышеуказанные жесты характеризуются краткостью исполнения от 0,42 секунды до 3,43 секунды. Самым кратким визуальным динамичным жестом является «контакт глаз». Участвуя в выделении просодического ядра, динамичные жесты выполняют определенную функцию, выражая тот или иной смысл. Динамичный жест «контакт глаз» в м→ж коммуникации зафиксирован в исследовании только тогда, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, чем женщины адресата. В данных условиях «контакт глаз» потребляется как в нейтральной, так и в эмоциональной ситуациях и выполняет несколько функций. В нейтральной ситуации «контакт глаз» в когнитивной функции выражает готовность к коммуникации, в контролирующей – (тире) контроль жестикулирующего мужчины над женщиной адресатом. В эмоциональной ситуации «контакт глаз» зафиксирован в эмотивной функции для передачи чувств и эмоций, в регулятивной функции участвует в попытке оказать влияние мужчины исполнителя жеста на женщину адресата. В ж→м коммуникации употребление динамичного визуального жеста «контакт глаз» возможно при наличии равных социальных статусов женщины и мужчины, а также когда женщина исполнитель жеста социально ниже. В данном случае жест выполняет эмотивную функцию при передаче чувств и эмоций в

эмоциональной ситуации. Кроме того, в условиях, когда социальный статус женщины исполнителя жеста ниже, «контакт глаз» в регулятивной функции употребляется в попытке оказать влияние женщины исполнителя жеста на мужчину адресата. В нейтральной ж→ж коммуникации при наличии равных социальных статусов общающихся женщин «контакт глаз», участвуя в контроле жестикулирующего над адресатом, зафиксирован в контролирующей функции. В нейтральной ж→ж коммуникации в условиях, когда женщина исполнитель жеста социально выше или женщины социально равны, данный жест употребляется в когнитивной функции при передаче информации. В эмоциональной ж→ж коммуникации при наличии равных социальных статусов женщин «контакт глаз» зарегистрирован в эмотивной функции для передачи чувств, в регулятивной функции для оказания влияния жестикулирующего над адресатом. В русской нейтральной м→м коммуникации «контакт глаз» зарегистрирован в когнитивной функции для передачи информации в условиях, когда жестикулирующий обладает более высоким социальным статусом. При наличии равных социальных статусов в эмоциональной ситуации данный динамичный жест употребляется в эмотивной функции для передачи чувств и в контролирующей функции при осуществлении контроля жестикулирующего над адресатом. Когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, чем мужчины адресата данный жест в контролирующей функции участвует в осуществлении контроля жестикулирующего над адресатом. Динамичный жест «взгляд в лицо» также употребляется гендерной языковой личностью и мужского и женского пола. В русской коммуникации между мужчиной и женщиной данный жест выполняет контролируемую функцию в общении мужчины с женщиной, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше. В когнитивной функции «взгляд в лицо» встречается в м→ж общении, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже. Основной смысл жеста – передача информации. В общении женщины с мужчиной, где женщина исполнитель жеста, а мужчина адресат, «взгляд в

лицо» выполняет когнитивную функцию, выражая готовность к коммуникации в ж→м общении, когда женщина социально выше, эмотивную функцию, передавая чувства и эмоции в ж→м общении, когда женщина исполнитель жеста социально ниже. В женском общении динамичный жест «взгляд в лицо» употребляется в регулятивной функции в ж→ж коммуникации, когда социальный статус жестикулирующего выше и, наоборот, когда социальный статус адресата выше. В мужском общении, когда социальный статус адресата выше, «взгляд в лицо» в эмотивной функции передает чувства и эмоции. В когнитивной функции «взгляд в лицо» зарегистрирован в передаче информации между мужчинами, когда социальный статус адресата выше. «Избегание взгляда» как динамичный жест встречается в ж→м, м→ м, ж→ж коммуникации в русской фемининной лингвокультуре. В общении русской женщины с мужчиной «избегание взгляда» употребляется в регулятивной функции с целью оказания влияния женщины, обладателя более низкого социального статуса, на мужчину, социальный статус которого выше. В эмотивной функции «избегание взгляда» выдает скрытые чувства женщины в общении с мужчиной в условиях равных социальных статусов. В эмотивной функции данный жест употребляется в мужской коммуникации между двумя русскими мужчинами, обнаруживая скрытые чувства жестикулирующего мужчины, социальный статус которого ниже. В подобной коммуникативной ситуации «избегание взгляда» употребляется в общении двух русских женщин, когда женщина исполнитель жеста пытается жестом скрыть истинные чувства в общении с социально равным коммуникантом. В русской мужской коммуникации зарегистрирован динамичный жест «пропуск взгляда». В общении двух мужчин данный жест употребляется в эмотивной функции, передавая чувства жестикулирующего мужчины в общении с женщиной при наличии равных социальных статусов. Динамичный жест «односторонний взгляд» зарегистрирован только в однополой паре, в коммуникации между двумя мужчинами или двумя женщинами. Выделяя просодическое ядро

«односторонний взгляд» функционирует в естественной речи совместно с просодией и употребляется в регулятивной функции с целью оказания влияния женщины исполнителя жеста на женщину адресата в условиях равных социальных статусов. В мужской коммуникации данный жест встречается только в эмотивной функции, передавая чувства жестикулирующего мужчины, социальный статус которого ниже.

Среди динамичных визуальных средств в английской лингвокультуре зафиксированы: «контакт глаз», «пропуск взгляда», «избегание взгляда», «совместный взгляд», «односторонний взгляд», «взгляд в лицо». Так же, как и в русской лингвокультуре, английские динамичные визуальные средства относятся к универсальным в плане биологического пола языковой личности. Иными словами, вышеуказанные средства используются как мужчинами, так и женщинами. При этом английская гендерная языковая личность употребляет данные средства в отношении однополого и разнополого коммуниканта, как в нейтральной, так и в эмоциональной ситуациях. Особенностью динамичных визуальных средств всех лингвокультур, в частности английской, является краткость исполнения от 0,27 секунды до 4,1 секунды, во время которых жестикулирующий исполняет жест и прибегает к другому жесту. Участвуя в выделении просодического ядра, динамичные жесты выполняют определенную функцию, выражая тот или иной смысл. Динамичный жест «контакт глаз» в английской нейтральной м→ж коммуникации зафиксирован в когнитивной функции с целью передачи информации в общении мужчины, обладателя более низкого социального статуса, с женщиной, чей социальный статус выше, при наличии равных социальных статусов мужчины и женщины; в регулятивной функции при наличии равных социальных статусов в попытке оказать влияние мужчины на женщину. В эмоциональной ситуации «контакт глаз» зафиксирован в эмотивной функции при передаче эмоций в общении социально равных мужчины и женщины, мужчины с женщиной, социальный статус которой выше. В английской ж→м коммуникации в эмоциональной ситуации

«контакт глаз» зарегистрирован в эмотивной функции, в передаче чувств женщины, обладателя более высокого социального статуса, в общении с мужчиной, чей социальный статус ниже, а также в условиях равных социальных статусов. В нейтральной ситуации данный жест употребляется в ж→м общении в регулятивной функции с целью оказания влияния женщины, обладателя более высокого социального статуса на мужчину, чей социальный статус ниже; в когнитивной функции в передаче информации в разговоре женщины с мужчиной, социальный статус которого ниже, а также при наличии равных социальных статусов общающихся женщины и мужчины. В английской ж→ж коммуникации в эмоциональной ситуации «контакт глаз» зафиксирован в эмотивной функции при передаче чувств в общении двух социально равных женщин. В нейтральной ситуации «контакт глаз» зарегистрирован в регулятивной функции с целью оказания влияния женщины, обладателя более высокого социального статуса, на собеседницу с более низким социальным статусом, и наоборот. В английской м→м коммуникации в нейтральной ситуации «контакт глаз» употребляется в когнитивной функции при передаче информации в общении мужчины, обладателя более высокого социального статуса, с женщиной, социальный статус которого ниже, а также в общении социально равных коммуникантов. В эмоциональной ситуации в английской м→м коммуникации в эмотивной функции при передаче эмоций в общении мужчины, чей социальный статус ниже, с женщиной, обладателем более высокого социального статуса, и наоборот. Динамичный жест «пропуск взгляда» в английской маскулинной лингвокультуре употребляется английской гендерной языковой личностью женского и мужского пола только в эмоциональной ситуации. «Пропуск взгляда» зарегистрирован в эмотивной функции с целью передачи чувств в разговоре социально равных мужчины и женщины, женщины, обладателя более высокого социального статуса, с собеседницей, чей статус ниже. В однополном общении динамичный жест «пропуск взгляда» не зафиксирован. Динамичный жест «избегание взгляда» в основном употребляется в

эмоциональной ситуации, во всех типах коммуникации, чаще в разнополом общении, когда исполнителем жеста выступает как мужчина, так и женщина. Динамичный жест «избегание взгляда» в английской эмоциональной м→ж коммуникации зафиксирован в эмотивной функции при передаче чувств в разговоре мужчины, обладателя более низкого социального статуса, с женщиной, чей социальный статус выше, а также при наличии равных социальных статусов мужчины и женщины. В регулятивной функции «избегание взгляда» потребляется в английской эмоциональной м→ж коммуникации в общении мужчины, обладателя более низкого социального статуса, с женщиной, чей социальный статус выше с целью оказания влияния. В английской ж→м коммуникации динамичный жест «избегание взгляда» встречается в нейтральной и в эмоциональной ситуациях. В нейтральной ситуации жест «избегание взгляда» зарегистрирован в регулятивной функции с целью оказания влияния на адресата в общении женщины, обладателя более высокого социального статуса, с мужчиной, чей социальный статус ниже; в когнитивной функции при передаче информации в общении социально равных женщины и мужчины. В эмоциональной ж→м коммуникации динамичный жест «избегание взгляда» зарегистрирован в эмотивной функции при передаче чувств в общении женщины, обладателя более высокого социального статуса, с мужчиной, чей социальный статус ниже, а также при наличии равных социальных статусов. В ж→ж коммуникации «избегание взгляда» в нейтральной ситуации зарегистрирован в когнитивной функции с целью передачи информации в общении женщины, чей социальный статус выше, с женщиной, обладателем более низкого социального статуса. В английской мужской коммуникации «избегание взгляда» употребляется в эмоциональной ситуации в эмотивной функции при передаче эмоций в общении мужчины, обладателя более высокого статуса, с женщиной, социальный статус которого ниже. Динамичный жест «совместный взгляд» зарегистрирован только в однополой м→м или ж→ж коммуникации. Причем английские мужчины используют жест только в

эмоциональной ситуации, а английские женщины только в нейтральной ситуации. В эмоциональной м→м коммуникации «совместный взгляд» зафиксирован в эмотивной функции в передаче эмоций в общении социально равных мужчин. В нейтральном женском общении «совместный взгляд» зарегистрирован в когнитивной функции с целью установления контакта женщины, обладателя более низкого социального статуса, с женщиной, чей социальный статус выше. Динамичный жест «односторонний взгляд» английской м→ж коммуникации встречается только в нейтральной ситуации, в регулятивной функции с целью оказания влияния на адресата в общении социально равных мужчины и женщины. В английской ж→м коммуникации «односторонний взгляд» зафиксирован только в эмоциональной ситуации, в эмотивной функции при передаче чувств в общении женщины, социальный статус которой выше, с мужчиной, чей социальный статус ниже. В нейтральном английском женском общении данный жест встречается в регулятивной функции с целью оказания влияния в общении двух женщин, когда социальный статус исполнителя жеста выше. Динамичный жест «взгляд в лицо» потребляется как в нейтральной, так и в эмоциональной ситуациях в общении английской гендерной языковой личности мужского и женского пола. В нейтральной м→ж коммуникации «взгляд в лицо» используется в когнитивной функции при передаче информации социально равных мужчины и женщины. В эмоциональной м→ж коммуникации «взгляд в лицо» зарегистрирован в регулятивной функции, при попытке воздействия, а также в контролирующей функции с целью контроля мужчины, обладателя более низкого социального статуса, на женщину, чей социальный статус выше. В нейтральном ж→м общении «взгляд в лицо» употребляется в когнитивной функции при передаче информации в общении женщины, обладателя более высокого социального статуса, с мужчиной, чей социальный статус ниже, а также при наличии равных статусов. В эмоциональной коммуникации женщины с мужчиной данный жест используется в эмотивной функции при передаче чувств в общении

социально равных женщины и мужчины. В эмоциональном однополом м→м общении жест «взгляд в лицо» зафиксирован в эмотивной функции при передаче чувств и эмоций, когнитивной функции при установлении контакта в общении двух мужчин, когда социальный статус исполнителя жеста выше. В эмоциональном однополом ж→ж общении «взгляд в лицо» употребляется в эмотивной функции при передаче чувств женщины, обладателя более низкого социального статуса, с женщиной, чей социальный статус выше. В нейтральной ситуации однополом ж→ж и м→м общении «взгляд в лицо» не употребляется.

Динамичные визуальные средства в китайской лингвокультуре также характеризуются краткостью исполнения от 0,21 секунды до 4,5 секунды. В м→ж коммуникации, когда жестикулирующий мужчина социально выше, зарегистрированы следующие динамичные визуальные средства: «взгляд в лицо», «односторонний взгляд», «избегание взгляда». При этом, «взгляд в лицо» употребляется в нейтральной и эмоциональной ситуациях. «Избегание взгляда», «односторонний взгляд» только в эмоциональной ситуации. «Взгляд в лицо» в нейтральной ситуации в когнитивной функции употребляется при передаче информации. В эмоциональной ситуации данный жест зафиксирован в эмотивной функции при передаче чувств. Динамичный визуальный жест «избегание взгляда» в эмоциональной ситуации в регулятивной функции в вышеуказанных условиях употребляется для оказания влияния жестикулирующего на адресата. Динамичный визуальный жест «односторонний взгляд» в эмоциональной ситуации зафиксирован в эмотивной функции при передаче чувств. В м→ж коммуникации, когда социальный статус адресата выше, чем жестикулирующего, зафиксирован динамичный визуальный жест «контакт глаз» когнитивной функции при передаче информации. В условиях равных социальных статусов зарегистрирован динамичный визуальный жест «взгляд в лицо» в эмотивной функции при передаче чувств в общении друга с подругой. В ж→м коммуникации, когда социальный статус женщины –

исполнителя жеста выше, чем мужчины - адресата, не зафиксировано ни одного динамичного визуального средства, сочетающегося с просодией на уровне просодического ядра. В ж→м общении, когда социальный статус мужчины - адресата выше, чем женщины, исполнителя жеста, зарегистрирован «взгляд в лицо» в нейтральной и эмоциональной ситуациях. В нейтральной ситуации данный жест, зафиксированный в когнитивной функции, выражает готовность к коммуникации. В эмоциональной ситуации «взгляд в лицо» в эмотивной функции передает чувства сестры в общении с братом. В условиях равных социальных статусов женщины и мужчины, когда женщина является исполнителем жеста, зафиксировано несколько динамичных визуальных средств: «взгляд в лицо», «пропуск взгляда», «контакт глаз», «избегание взгляда». В нейтральной ситуации «взгляд в лицо», «контакт глаз», «пропуск взгляда» в когнитивной функции употребляется для передачи информации. В эмоциональной ситуации «взгляд в лицо», «избегание взгляда» зафиксированы в эмотивной функции для передачи чувств. В однополном женском общении в китайской лингвокультуре динамичные визуальные средства зарегистрированы только в условиях равных социальных статусов. В нейтральной ситуации зафиксирован «взгляд в лицо» в когнитивной функции при передаче информации. В эмоциональной ситуации в вышеуказанной коммуникации зарегистрированы следующие динамичные визуальные жесты: «избегание взгляда», «взгляд в лицо», «прямой взгляд», «контакт глаз». Все вышеперечисленные жесты зафиксированы в эмотивной функции и используются для передачи чувств и эмоций. В однополном мужском общении в условиях, когда социальный статус жестикулирующего выше, в нейтральной ситуации зарегистрированы: «контакт глаз», «взгляд в лицо», «совместный взгляд». Динамичный визуальный жест «контакт глаз» в нейтральном мужском общении в регулятивной функции употребляется в значении «оказание влияния на адресата». «Взгляд в лицо» в мужском общении в контролирующей функции обеспечивает жестикулирующему

контроль над адресатом. «Совместный взгляд» в когнитивной функции употребляется при передаче информации. В эмоциональном м→м общении, когда жестикулирующий мужчина обладает более высоким социальным статусом, динамичные визуальные жесты: «контакт глаз», «избегание взгляда», «взгляд в лицо» зарегистрированы в эмотивной функции для передачи чувств и эмоций. В нейтральной м→м коммуникации, когда социальный статус жестикулирующего ниже, чем адресата, употребляется динамичный визуальный жест «взгляд в лицо» контролирующей функции, выражающий контроль жестикулирующего над адресатом. В эмоциональной ситуации для выражения чувств и эмоций зафиксированы динамичные визуальные жесты «односторонний взгляд», «контакт глаз». При наличии равных социальных статусов общающихся мужчин в нейтральной ситуации зарегистрированы: «пропуск взгляда», «односторонний взгляд». Динамичный визуальный жест «пропуск взгляда» употребляется в контролирующей функции с целью контроля жестикулирующего над адресатом. «Односторонний взгляд» нейтральной ситуации в когнитивной функции употребляется для запроса информации. В эмоциональной ситуации зафиксирован динамичный визуальный жест «односторонний взгляд», выполняющий регулятивную функцию с целью оказания влияния на адресата.

Таким образом, динамичные визуальные средства исследуемых лингвокультур обладают универсальными особенностями, например, краткостью исполнения, и специфичными особенностями, способностью употребляться в той или иной функции, в той или иной коммуникативной ситуации, при наличии того или иного социального статуса, в общении той или иной гендерной языковой личности. Специфичные особенности функционирования динамичных визуальных средств зависят от гендерных коммуникативных ценностей лингвокультур.

II. Статичные визуальные компоненты гендерного невербального поведения.

Статичные визуальные жесты функционируют на уровне синтагмы, двух и более синтагм, фразы, текста, создавая окаймление естественной речи, выражая основную мысль и подчеркивая вербальное высказывание. Этим объясняется тот факт, что диапазон продолжительности исполнения статичных жестов шире (от 0,46 до 29,87 секунд), чем динамичных. Статичный жест «односторонний взгляд» в русской фемининной лингвокультуре употребляется в основном в эмоциональной ситуации в м→м, ж→м, м→ж коммуникации, в нейтральной ситуации данный жест употребляется в ж→м коммуникации. В мужской русской коммуникации статичный жест встречается в эмотивной функции для передачи чувств жестикулирующего мужчины, социальный статус которого ниже, а также в условиях равных социальных статусов. При этом исполнитель жеста смотрит на адресата, но не в лицо. В общении женщины с мужчиной статичный жест «односторонний взгляд» зафиксирован также в эмотивной функции. В подобной ситуации «односторонний взгляд» выражает чувства и эмоции женщины - исполнителя жеста в общении с мужчиной, социальный статус которого ниже. В русской коммуникации между мужчиной и женщиной в нейтральной ситуации «односторонний взгляд» употребляется в когнитивной функции с целью передачи информации в м→ж в условиях равных социальных статусов. Кроме того, в м→ж коммуникации визуальный жест «односторонний взгляд» выполняет эмотивную функцию, передавая чувства мужчины, обладателя более высокого социального статуса, в общении с женщиной, социальный статус которой ниже. Употребление статичного жеста «избегание взгляда» чаще в русской лингвокультуре употребляется в эмоциональной ситуации, чем в нейтральной. При этом русская гендерная языковая личность и мужского и женского пола широко использует данный жест. В русской ж→ж коммуникации «избегание взгляда» в контролирующей функции выражает сдерживание эмоций в общении социально равных женщин, а также когда социальный статус жестикулирующего ниже, чем адресата. Выполняя эмотивную функцию,

«избегание взгляда» передает чувства женщины, социальный статус которой выше, в общении с женщиной, обладателем более низкого социального статуса, и наоборот, а также в условиях равных социальных статусов. В общении русской женщины с мужчиной «избегание взгляда» употребляется в контролирующей функции, выражая основной смысл – сдерживание эмоций в разговоре женщины с мужчиной при наличии равных социальных статусов. Реализовывая эмотивную функцию, статичный жест «избегание взгляда» передает чувства женщины - исполнителя жеста в общении с мужчиной, чей социальный статус выше. В русской однополой мужской коммуникации статичный жест «избегание взгляда» зарегистрирован в эмотивной функции, передавая эмоции двух социально равных мужчин и когда социальный статус жестикулирующего ниже, чем адресата. В эмотивной функции данный жест передает чувства социально равного мужчины в общении с женщиной. Статичный жест «совместный взгляд» встречается только в м→ж и м→м коммуникации в эмоциональной ситуации. Единственная функция, в которой данный жест употребляется – эмотивная. Выполняя эмотивную функцию, «совместный взгляд» передает чувства и эмоции в м→м коммуникации в условиях, когда социальный статус адресата выше, чем жестикулирующего, в м→ж коммуникации, когда социальный статус женщины - адресата выше, чем жестикулирующего мужчины. Что касается статичного жеста «прямой взгляд», то данный визуальный жест употребляется только в однополой мужской или женской паре чаще в эмоциональной ситуации. Данный жест выполняет ряд функций. В коммуникации двух мужчин данный жест зарегистрирован в эмотивной функции, передающей чувства жестикулирующего мужчины, обладателя более высокого социального статуса, в разговоре с коммуникантом, социальный статус которого ниже. «Прямой взгляд» в контролирующей функции позволяет жестикулирующему мужчине осуществлять контроль над адресатом в условиях равных социальных статусов. В регулятивной функции «прямой взгляд» употребляется в м→м коммуникации при наличии равных социальных

статусов коммуникантов, а также когда социальный статус жестикулирующего выше, чем адресата. В женском общении «прямой взгляд» в эмотивной функции выражает чувства двух общающихся женщин. Статичный жест «взгляд в лицо» потребляется во всех видах коммуникаций, в большинстве случаев в эмоциональной ситуации. В русской мужской коммуникации «взгляд в лицо» выполняя эмотивную функцию, выражает чувства жестикулирующего коммуниканта независимо от социального статуса. В общении русского мужчины с женщиной «взгляд в лицо» употребляется только в эмотивной функции, передавая эмоции жестикулирующего мужчины, социальный статус которого выше, в общении с женщиной, обладателем более низкого социального статуса. Статичный визуальный жест «контакт глаз» довольно широко используется в русской фемининной лингвокультуре в общении гендерной языковой личности женского и мужского пола. В м→м коммуникации «контакт глаз» зафиксирован в контролирующей функции, выражая контроль жестикулирующего над адресатом независимо от социального статуса. В когнитивной функции «контакт глаз» выражает передачу информации в общении мужчин, когда социальный статус жестикулирующего выше. В эмотивной функции «контакт глаз» передает чувства равных по социальному статусу мужчин, а также когда жестикулирующий социально ниже, чем адресат. В когнитивной функции «контакт глаз» позволяет социально равным мужчинам установить контакт. В русской женской однополой коммуникации статичный «контакт глаз» зафиксирован в эмотивной функции в разговоре двух женщин с разными социальными статусами, когда женщина с более высоким социальным статусом посредством данного жеста и вербальным языком передает эмоции в отношении женщины с низким статусом. Пosing посредством пристального «контакта глаз» в регулятивной функции одна женщина оказывает влияние на социально равную собеседницу. В русском общении мужчины с женщиной статичный жест «контакт глаз» в эмотивной функции передает чувства мужчины в общении с

социально равной женщиной. В общении мужчины, социальный статус которого выше, с женщиной, чей статус ниже, «контакт глаз» обеспечивает контроль мужчины над женщиной. В когнитивной функции «контакт глаз» является посредником в передаче информации в общении между женщиной и женщиной. В общении русской женщины с мужчиной «контакт глаз» зарегистрирован в эмотивной функции для передачи чувств в общении неравных по социальному статусу собеседников женщины и мужчины, обладателя более высокого социального статуса, передачи эмоций социально равных женщин. Статичный жест «пропуск взгляда» в эмотивной функции передает чувства равных по социальному статусу женщины и мужчины, эмоций женщины, обладателя более низкого социального статуса, в общении с мужчиной, чей социальный статус выше, равных в социальном отношении женщины и мужчины. В регулятивной функции «пропуск взгляда» позволяет женщине оказывать влияние на мужчину, обладателя равного социального статуса. «Пропуск взгляда» в русской однополой женской коммуникации встречается в когнитивной функции при передаче информации, в эмотивной функции при передаче чувств женщины в общении с собеседницей, чей социальный статус ниже. В регулятивной функции данный жест употребляется при влиянии женщины с более высоким статусом на женщину, социальный статус которой ниже. В русской однополой мужской паре «пропуск взгляда» зарегистрирован в эмотивной функции, при передаче чувств коммуникантов независимо от социального статуса. В когнитивной функции «пропуск взгляда» в мужской коммуникации выражает запрос информации в общении мужчин, когда социальный статус жестикулирующего выше. В той же функции «пропуск взгляда» выражает передачу информации в разговоре мужчин, когда социальный статус адресата ниже.

Статичные визуальные средства в английской лингвокультуре употребляются как в нейтральной, так и в эмоциональной ситуациях. Они оформляют синтагму, фразу, предложение, передавая самые мельчайшие

изменения в невербальном поведении в общении гендерной языковой личности м→ж, ж→м, м→м, ж→ж коммуникации. Диапазон продолжительности статичных жестов в английской лингвокультуре шире, чем динамичных и составляет от 0,28 секунд до 65,94 секунд. Статичный жест «пропуск взгляда» употребляется во всех видах коммуникации как в нейтральной, так и эмоциональной ситуациях. В английской нейтральной м→ж коммуникации «пропуск взгляда» зафиксирован в когнитивной функции при передаче информации независимо от социального статуса. В эмоциональной м→ж коммуникации «пропуск взгляда» в эмотивной функции передает чувства в общении социально равных мужчины и женщины, а также в условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже. В английской нейтральной ж→м коммуникации «пропуск взгляда» зарегистрирован в когнитивной функции при запросе информации, а также при передаче информации женщины, обладателя более высокого социального статуса, мужчине, чей социальный статус ниже. В контролирующей функции «пропуск взгляда» в значении «осуществлять контроль над адресатом» употребляется в общении социально равных женщины и мужчины. В эмоциональной ситуации данный жест зафиксирован в эмотивной функции при передаче чувств и эмоций в разговоре женщины, обладателя более высокого социального статуса, с мужчиной, чей социальный статус ниже, а также в условиях равных социальных статусов. В нейтральной м→м коммуникации «пропуск взгляда» в когнитивной функции в значении «передача информации» участвует в общении мужчин, когда социальный статус жестикулирующего выше, и наоборот. В регулятивной функции данный жест используется с целью воздействия мужчины с более высоким социальным статусом на мужчину, обладателя более низкого социального статуса. В эмоциональной ситуации «пропуск взгляда» зафиксирован в эмотивной функции для передачи чувств независимо от социального статуса. В регулятивной функции в значении «оказать влияние на адресата» данный жест зафиксирован в коммуникации

социально равных коммуникантов, а также мужчины, обладателя более низкого социального статуса, с женщиной, чей социальный статус выше. В когнитивной функции «пропуск взгляда» участвует в передаче информации в общении мужчин, когда социальный статус жестикулирующего выше. В английской нейтральной ж→ж «пропуск взгляда» в когнитивной функции участвует в передаче информации в общении социально равных женщин. В регулятивной функции данный жест употребляется в общении женщин, когда социальный статус жестикулирующего выше. В эмоциональной ситуации данный жест в женской коммуникации зафиксирован в эмотивной функции для передачи чувств в общении женщин, когда социальный статус жестикулирующего выше, а также при равных статусах коммуникантов. Статичный жест «односторонний взгляд» в нейтральной ситуации в английской м→ж коммуникации зафиксирован в когнитивной функции с целью передачи информации мужчины, обладателя более низкого социального статуса, женщине, чей социальный статус выше, в общении социально равных собеседников. В когнитивной функции с целью поддержания и установления контакта данный жест употребляется в общении социально равных мужчины и женщины. В эмоциональной ситуации статичный жест «односторонний взгляд» зафиксирован в эмотивной функции при передаче чувств независимо от социального статуса. В контролирующей функции «односторонний взгляд» в значении контроля эмоций зафиксирован в общении женщины, обладателя более высокого социального статуса, с мужчиной, чей социальный статус ниже. В нейтральной английской ж→м коммуникации статичный визуальный жест «односторонний взгляд» зарегистрирован в регулятивной функции с целью оказания влияния женщины на мужчину в условиях равных социальных статусов. В английском эмоциональном ж→м общении «односторонний взгляд» в эмотивной функции передает чувства женщины, обладателя более высокого социального статуса, в общении с мужчиной, чей социальный статус ниже, а также в условиях равных социальных статусов. В

контролирующей функции данный жест участвует в контроле над эмоциями в разговоре женщины с мужчиной, чей социальный статус ниже. В когнитивной функции «односторонний взгляд» употребляется в передаче информации в общении социально равных собеседников. В однополюсном мужском общении независимо от социального статуса «односторонний взгляд» употребляется только в эмоциональном общении в эмотивной функции для передачи чувств и эмоций. В когнитивной функции с целью установления контакта «односторонний взгляд» употребляется в общении двух социально равных мужчин. В регулятивной функции данный жест используется в общении мужчины, обладателя более высокого статуса, с женщиной, чей социальный статус ниже, с целью оказания влияния на адресата. Так же, как и в мужской коммуникации, в английской однополюсной женской коммуникации «односторонний взгляд» зафиксирован только в эмоциональной ситуации. В регулятивной функции данный жест употребляется с целью воздействия в общении женщин, когда социальный статус жестикулирующего выше. В эмотивной функции «односторонний взгляд» передает чувства женщин, когда социальный статус жестикулирующего выше. Статичный визуальный жест «контакт глаз» - один из самых популярных жестов, которые широко представлены во всех типах коммуникаций, в нейтральной и эмоциональной ситуациях. В нейтральной ситуации в общении мужчины с женщиной «контакт глаз» зарегистрирован в когнитивной функции для передачи информации в общении мужчины с женщиной, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, и наоборот. В регулятивной функции «контакт глаз» в нейтральной английской м→ж коммуникации выражает влияние на адресата в разговоре мужчины, обладателя более низкого социального статуса, с женщиной, чей статус выше. В когнитивной функции «контакт глаз» участвует в установлении контакта при знакомстве социально равных мужчины и женщины. В эмоциональной ситуации «контакт глаз» зафиксирован в эмотивной функции для передачи чувств и эмоций независимо от социального статуса. В регулятивной

функции данный жест употребляется с целью оказания влияния на адресата в разговоре социально равных мужчины и женщины. В нейтральной английской ж→м коммуникации «контакт глаз» зафиксирован в регулятивной функции с целью оказания влияния на адресата в общении социально равных коммуникантов. В когнитивной функции данный жест употребляется в значении «установление контакта», «запрос информации», «передача информации» в общении женщины, обладателя более высокого социального статуса, с мужчиной, чей статус ниже. В когнитивной функции «контакт глаз» выражает установление и поддержание контакта в общении двух социально равных людей, в значении «передача информации». «Контакт глаз» употребляется в общении женщины, чей социальный статус ниже с мужчиной, обладателем более высокого социального статуса. В эмоциональной ситуации «контакт глаз» зарегистрирован в эмотивной функции при передаче чувств и эмоций независимо от социального статуса коммуникантов. В английской нейтральной м→м коммуникации «контакт глаз» зафиксирован в когнитивной функции при передаче информации в общении независимо от социального статуса коммуникантов. В когнитивной функции в запросе информации «контакт глаз» зафиксирован в общении мужчин, когда социальный статус жестикулирующего выше. В регулятивной функции с целью воздействия на адресата в общении мужчин, когда социальный статус жестикулирующего выше. В эмоциональном однополюсном мужском общении «контакт глаз» зарегистрирован в эмотивной функции при передаче чувств независимо от социального статуса коммуникантов. В регулятивной функции «контакт глаз» зафиксирован в значении воздействия на адресата в общении мужчин, когда социальный статус жестикулирующего выше. В нейтральной английской ж→ж коммуникации статичный «контакт глаз» зафиксирован в когнитивной функции в значении «установление контакта» в условиях равных социальных статусов. В эмоциональном общении английских женщин статичный жест «контакт глаз» зарегистрирован в эмотивной функции для передачи чувств и эмоций

независимо от социального статуса коммуникантов. В регулятивной функции «контакт глаз» в значении «оказание влияния на адресата» используется в общении женщин, когда социальный статус исполнителя жеста выше. Статичный жест «избегание взгляда» употребляется во всех типах коммуникаций, в нейтральной и эмоциональной ситуациях. В английской нейтральной м→ж коммуникации данный жест зафиксирован только в одной – регулятивной функции в значении «оказание влияния на адресата» в общении социально равных мужчины и женщины. В эмоциональной ситуации статичный жест «избегание взгляда» зарегистрирован в эмотивной функции для передачи чувств и эмоций в общении мужчины с женщиной, когда социальный статус мужчины - исполнителя жеста ниже, а также при равных социальных статусах. В английской нейтральной ж→м коммуникации статичный жест «избегание взгляда» зарегистрирован в когнитивной функции при установлении и поддержании контакта женщины и мужчины, когда социальный статус женщины - жестикулирующего выше, чем у мужчины. В эмоциональной ситуации данный жест зафиксирован в эмотивной функции для передачи чувств в общении женщины с мужчиной, когда социальный статус женщины - исполнителя жеста выше. Особенностью мужского общения в нейтральной ситуации в отношении статичного жеста «избегание взгляда» заключается в том, что данный жест употребляется только в эмоциональной ситуации в эмотивной функции в значении передачи чувств в общении мужчин, когда социальный статус жестикулирующего выше. В женском общении статичный жест «избегание взгляда» употребляется в нейтральной и в эмоциональной ситуациях. В нейтральной ситуации данный жест зафиксирован в когнитивной функции в значении передачи информации в общении женщин, когда жестикулирующий социально выше. В эмоциональной ситуации в женском общении данный жест зарегистрирован в эмотивной функции при передаче чувств в общении женщин, когда социальный статус жестикулирующего выше, а также при наличии равных социальных статусов.

Статичный жест «взгляд в лицо» один из наиболее употребляемых визуальных жестов. В нейтральной ситуации в м→ж коммуникации данный жест зафиксирован только в когнитивной функции при передаче информации в общении мужчины с женщиной, чей социальный статус ниже. В эмоциональной ситуации данный жест зафиксирован в эмотивной функции в общении, когда социальные статусы коммуникантов равны. В регулятивной функции «взгляд в лицо» употребляется в значении «оказание влияния на адресата» в коммуникации мужчины с женщиной, когда социальный статус женщины адресата выше. В нейтральной английской ж→м коммуникации «взгляд в лицо» употребляется в когнитивной функции при запросе и передаче информации в общении женщины с мужчиной, когда женщина - исполнитель жеста социально выше, и наоборот. В эмоциональной ситуации «взгляд в лицо» зафиксирован в эмотивной функции для выражения чувств и эмоций в общении женщины с мужчиной, когда социальный статус женщины - исполнителя жеста выше, а также в условиях равных социальных статусов коммуникантов. В английской нейтральной ситуации в м→м коммуникации «взгляд в лицо» зафиксирован в когнитивной функции при передаче информации независимо от социального статуса коммуникантов. В регулятивной функции «взгляд в лицо» нейтральной ситуации зарегистрирован при оказании влияния на адресата в мужчин, когда социальный статус жестикулирующего выше. В эмоциональной ситуации «взгляд в лицо» в мужской коммуникации употребляется в эмотивной функции для передачи эмоций в общении мужчин, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, и наоборот. В когнитивной функции «взгляд в лицо» выражает передачу информации в эмоциональной ситуации в общении мужчин, когда социальный статус адресата выше. В английской однополой женской коммуникации «взгляд в лицо» в нейтральной ситуации зарегистрирован в когнитивной функции в значении «установление контакта» в общении женщин, когда социальный статус жестикулирующего выше. В эмоциональной ситуации в женской коммуникации данный жест

употребляется в регулятивной функции в значении «оказание влияния» в общении женщин, когда жестикулирующий социально выше.

Статичный визуальный жест «совместный взгляд» зарегистрирован в когнитивной функции при передаче информации в нейтральной общении мужчины с женщиной, чей социальный статус ниже. В английской ж→м коммуникации данный жест употребляется в когнитивной функции при передаче информации в нейтральном общении женщины с мужчиной, обладателем более высокого социального статуса. В однополном мужском общении «совместный взгляд» зафиксирован в нейтральной ситуации в когнитивной функции при передаче информации в общении мужчин, когда адресат социально выше. В эмоциональной ситуации в эмотивной функции данный жест выражает чувства в общении мужчин, когда социальный статус жестикулирующего выше. Статичный жест «прямой взгляд» зафиксирован только в эмоциональной ситуации в эмотивной функции в значении «передача чувств и эмоций» в м→ж, ж→м, ж→ж коммуникации в общении социально равных коммуникантов, а также когда жестикулирующий социально выше.

Статичные визуальные жесты в китайской, стремящейся к гендерной гармонии лингвокультуре, функционируют на уровне синтагмы и сегментах больше. Продолжительность статичных визуальных средств зафиксирована в диапазоне от 0,32 секунды до 36,86 секунды. Статичный визуальный жест «взгляд в лицо» зафиксирован в нейтральном общении мужчины с женщиной в условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, чем адресата - женщины. Данный жест в регулятивной функции употребляется в значении «оказание влияния на адресата», в когнитивной функции используется для запроса информации. В эмоциональной ситуации «взгляд в лицо» в вышеуказанных условиях в эмотивной функции передает чувства и эмоции жестикулирующего, в регулятивной функции употребляется в значении «оказание влияния на адресата». Статичный визуальный жест «избегание взгляда» в нейтральной м→ж коммуникации,

когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, чем адресата - женщины, зафиксирован в регулятивной функции при оказании влияния жестикулирующего на адресата. В эмоциональной ситуации данный жест употребляется в эмотивной функции для передачи чувств. Статичный визуальный жест «совместный взгляд» в нейтральной м→ж коммуникации зарегистрирован в регулятивной функции при оказании влияния жестикулирующего мужчины на адресата - женщину. В когнитивной функции данный жест участвует при передаче информации. Статичный визуальный жест «односторонний взгляд» зафиксирован только в эмоциональной м→ж коммуникации, когда жестикулирующий мужчина социально выше женщины – адресата в эмотивной функции при передаче чувств и эмоций. В условиях равных социальных статусов общающегося мужчины с женщиной зафиксированы: «взгляд в лицо», «совместный взгляд», «пропуск взгляда». Статичный визуальный жест «взгляд в лицо» употребляется в когнитивной функции при передаче информации, в регулятивной функции для оказания влияния на адресата. Статичный визуальный жест «совместный взгляд» в когнитивной функции в нейтральной ситуации участвует в передаче информации. Статичный визуальный жест «пропуск взгляда» зарегистрирован только в регулятивной функции при оказании влияния на адресата. В ж→м коммуникации зарегистрированы следующие статичные визуальные средства: «совместный взгляд», «избегание взгляда», «пропуск взгляда, «взгляд в лицо». Статичный визуальный жест «взгляд в лицо» зафиксирован в нейтральной ж→м коммуникации, когда женщина – исполнитель жеста социально ниже адресата мужчины. Данный жест в когнитивной функции выражает готовность к коммуникации. В эмоциональной ситуации «взгляд в лицо» в вышеуказанных условиях участвует при передаче чувств и эмоций, употребляясь в эмотивной функции. Статичный визуальный жест «избегание взгляда» в нейтральной ж→м коммуникации в условиях, когда социальный статус жестикулирующей женщины ниже, зарегистрирован в когнитивной

функции при передаче информации и установлении контакта, в контролирующей функции при контроле эмоций. Статичный визуальный жест «пропуск взгляда» в эмотивной функции передает чувства и эмоции жестикулирующего. В условиях равных социальных статусов в ж→м коммуникации зарегистрированы следующие статичные визуальные средства: «взгляд в лицо», «совместный взгляд», «избегание взгляда», «односторонний взгляд». В нейтральной ситуации зафиксирован «взгляд в лицо» в когнитивной функции при передаче информации. В эмоциональной ситуации данный жест в эмотивной функции передает чувства и эмоции жестикулирующего. В эмоциональной ситуации «совместный взгляд» как статичный жест в эмотивной функции передает чувства и эмоции жестикулирующего. Статичные жесты «избегание взгляда», «односторонний взгляд» в эмоциональной ж→м коммуникации при наличии равных социальных статусов общающихся женщины и мужчины зарегистрированы в эмотивной функции при передаче чувств. В условиях равных социальных статусов ж→ж коммуникации перечень статичных визуальных жестов состоит из: «взгляд в лицо», «пропуск взгляда», «контакт глаз», «совместный взгляд», «избегание взгляда». Статичный визуальный жест «взгляд в лицо» в нейтральном женском общении зарегистрирован в когнитивной функции при передаче информации. В эмоциональной ситуации «взгляд в лицо» в эмотивной функции выражает чувства. Кроме жеста «взгляд в лицо» в эмотивной функции с целью передачи чувств используются «избегание взгляда», «контакт глаз», «совместный взгляд». Статичный визуальный жест «пропуск взгляда» зарегистрирован в когнитивной функции для передачи информации. В м→м коммуникации, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, зарегистрированы: «пропуск взгляда», «односторонний взгляд», «совместный взгляд», «контакт глаз», «избегание взгляда», «взгляд в лицо». Статичный жест «односторонний взгляд» в однополном мужском общении зафиксирован в когнитивной функции в значении «готовность к коммуникации», в регулятивной функции участвует

в оказании влияния на адресата. В значении «контроль над адресатом» контролирующей функции используется статичный жест «пропуск взгляда». Кроме того, данный жест в однополом мужском общении зафиксирован в когнитивной функции для передачи информации. Статичный визуальный жест «совместный взгляд» в регулятивной функции употребляется в значении «оказание влияния на адресата». Чаще всего «совместный взгляд» в контролирующей функции участвует в контроле над адресатом. В контролирующей функции также зарегистрирован статичный визуальный жест «взгляд в лицо». В эмоциональной ситуации статичные визуальные средства употребляются чаще в эмотивной функции, чем в какой-либо другой функции, в значении «передача чувств». Речь идет о следующих жестах: «односторонний взгляд», «избегание взгляда», «контакт глаз», «пропуск взгляда», «взгляд в лицо». В эмоциональной м→м коммуникации, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, в регулятивной функции употребляются: «взгляд в лицо», «односторонний взгляд». В условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже в однополом мужском общении в регулятивной функции в значении «оказание влияния на адресата» зафиксированы: «односторонний взгляд», «контакт глаз». Контроль над адресатом в контролирующей функции осуществляется в однополом мужском общении, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже посредством жестов «односторонний взгляд», «пропуск взгляда», «взгляд в лицо», «совместный взгляд». В однополом мужском общении, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, передача чувств и эмоций выражается рядом статичных визуальных средств: «односторонний взгляд», «избегание взгляда», «контакт глаз», «пропуск взгляда». В условиях равных социальных статусов общающихся мужчин контроль над адресатом в контролирующей функции осуществляется посредством статичных визуальных жестов: «взгляд в лицо», «пропуск взгляда», «совместный взгляд», «контакт глаз». В аналогичных условиях влияние жестикулирующего на адресата в регулятивной функции выражается

посредством жеста «взгляд в лицо». Когнитивную функцию в разных значениях в мужском однополюсном общении при наличии равных социальных статусов коммуникантов выполняют жесты «совместный взгляд», «односторонний взгляд», «пропуск взгляда», «взгляд в лицо». В эмоциональной м→м коммуникации в условиях равных социальных статусов зарегистрированы: «совместный взгляд» когнитивной функции для поддержания контакта, «односторонний взгляд» когнитивной функции при передаче информации.

Таким образом, статичные визуальные жесты характеризуются более длительной продолжительностью исполнения. На функционирование статичных визуальных жестов оказывают влияние гендер, тип ситуации, социальный статус коммуникантов, а также канал связи.

III. Динамичные тактильные компоненты гендерного невербального поведения.

Тактильные невербальные средства также, согласно проведенному исследованию, возможно классифицировать как динамичные и статичные. Динамичные функционируют на уровне просодического ядра, участвуя в комплексном выделении смыслового слова совместно с просодией, наделяют определенным смыслом естественную речь коммуникантов. Прежде всего, нужно отметить, что в русской фемининной лингвокультуре распространен дистантный тип взаимодействия одной гендерной языковой личности с другой, независимо от биологического пола. Абсолютное большинство тактильных жестов употребляются в эмоциональной ситуации, выражая как отрицательные, так и положительные эмоции. По результатам исследования, в русской м→ж коммуникации зарегистрирован динамичный тактильный жест «прижать руку адресата к своей груди». Данный жест выражает эмоциональную поддержку жестикулирующего мужчины в общении с женщиной. При этом собеседники обладают неравными социальными статусами – мужчина социально выше женщины. В общении русских женщин встречается несколько динамичных тактильных жестов. Тактильные

жесты «толкать», «схватить за волосы» употребляются в отрицательном эмоциональном общении двух женщин с разными социальными статусами. При этом инициатором контактного поведения выступает гендерная языковая личность с более низким социальным статусом. Динамичный жест «схватить за рукав» используется в отрицательной эмоциональной коммуникации двух женщин с одинаковыми социальными статусами. Динамичные жесты «объятия», «прижаться к адресату», употребляемые совместно, зафиксированы в положительном эмоциональном общении женщин, когда социальный статус жестикулирующего выше. Общаясь с мужчиной, русская женщина сочетает просодию с динамичным жестом «пощечина» для выражения отрицательных эмоций в разговоре с социально равным мужчиной. Самый большой перечень динамичных тактильных жестов зафиксирован в общении русского мужчины с женщиной. Все зафиксированные жесты выражают отрицательные эмоции. Динамичный жест «притягивать к себе за грудки» употребляется в общении двух мужчин с одинаковыми социальными статусами. Динамичный жест «пинать» зарегистрирован в общении двух знакомых мужчин, жесты «пощечина» «схватить за волосы», «схватить за руку» зафиксированы в сквернословии мужчин, когда жестикулирующий обладает более высоким социальным статусом. Динамичный жест «толкать в лоб» употребляется в разговоре двух мужчин с разными социальными статусами, когда жестикулирующий социально выше, чем адресат. Динамичные тактильные жесты «схватить за шиворот», «шлепок по спине» зафиксированы в общении двух знакомых мужчин, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше.

В отношении тактильного поведения в английской лингвокультуре, нужно отметить, что для английской гендерной языковой личности как мужского, так и женского пола свойственно дистантное тактильное поведение. Согласно исследованию, тактильные средства в два раза чаще употребляются в английской эмоциональной ситуации, чем в нейтральной. Среди динамичных тактильных средств наблюдается небольшое

превалирование употребления тактильных средств в эмоциональной ситуации. В нейтральной английской м→ж коммуникации, когда инициатором тактильного контакта выступает мужчина, зафиксирован динамичный тактильный жест «объятия» в общении мужчины и женщины, когда жестикулирующий мужчина социально выше. Тактильный динамичный жест «прикосновение к руке» зарегистрирован в общении коммуникантов с одинаковыми социальными статусами в нейтральной ситуации. В условиях, когда инициатором тактильного контакта является женщина, зарегистрирован динамичный тактильный жест «прикосновение к руке» с целью рукопожатия. При этом социальный статус исполнителя жеста – женщины выше, чем мужчины. Рукопожатие выполняется на вытянутых руках. В однополюсном общении в нейтральной ситуации, по данным исследования, не зафиксировано ни одного динамичного тактильного жеста в общении двух мужчин. В английской нейтральной ситуации среди женщин динамичный тактильный жест «прикосновение к руке» с целью рукопожатия зафиксирован в общении двух женщин с разными социальными статусами. Инициатор тактильного контакта обладает более высоким социальным статусом, рукопожатие выполняется на вытянутых руках. В английской эмоциональной ситуации в м→ж коммуникации в условиях, когда мужчина – инициатор тактильного контакта, зарегистрирован тактильный жест «прикосновение к руке» с последующим рукопожатием в общении мужчины и женщины, социальный статус которых не равен. Социальный статус мужчины выше, чем женщины. Динамичный жест «встряхнуть за плечи» зафиксирован в эмоциональной ситуации в общении мужчины и женщины в условиях, когда социальный статус мужчины выше, чем у женщины. В данном случае жест передает отрицательные эмоции, а также попытку повлиять на адресата – женщину. В английской эмоциональной ж→м коммуникации, когда инициатором тактильного жеста является женщина, зафиксирован тактильный жест «схватить за уши», «тянуть за уши». Данные жесты передают отрицательные эмоции жестикулирующего и исполняются

женщиной в отношении мужчины равного по социальному статусу. Динамичный жест «толкать адресата руками», «пощечина» зафиксированы в общении женщины с мужчиной равным по социальному статусу. Данные жесты выражают отрицательные эмоции исполнителя жеста. Положительные эмоции выражает динамичный жест «соединиться в объятиях» в общении социально равных женщины и мужчины. В однополом мужском положительно эмоциональном общении зарегистрирован динамичный тактильный жест «прикосновение к руке» в разговоре двух приятелей. Вышеуказанный динамичный жест также зафиксирован в английском эмоциональном женском однополом общении в условиях, когда жестикулирующий социально выше.

Для китайской лингвокультуры характерно дистантное тактильное поведение. По результатам исследования, тактильные средства чаще встречаются в нейтральной ситуации, чем в эмоциональной. Как в нейтральной, так и в эмоциональной м→ж коммуникации не зафиксировано ни одного динамичного тактильного жеста. В нейтральной ж→м коммуникации также не зарегистрировано ни одного динамичного, функционирующего на уровне просодического ядра, тактильного жеста. В эмоциональной ситуации в условиях, когда социальные статусы жестикулирующего и адресата равны, зафиксирован динамичный тактильный жест «толкнуть адресата», выражающий раздражение. Динамичный тактильный жест «прикоснуться к щеке указательным пальцем» зарегистрирован в эмоциональном общении женщины с мужчиной при наличии равных социальных статусов. Жест носит шуточный характер. Динамичный тактильный жест «ткнуть указательным пальцем в лоб», «дать подзатыльник» в эмоциональной ж→м коммуникации, когда социальные статусы коммуникантов равны, передает гнев жестикулирующего. В нейтральном однополом женском общении в китайской лингвокультуре зарегистрирован динамичный тактильный жест «хлопать по плечу» в значении «дружеские отношения». Наибольшее количество динамичных

тактильных жестов зарегистрированы в м→м коммуникации. В эмоциональной однополой мужской коммуникации в условиях, когда социальный статус жестикулирующего выше, чем адресата зафиксирован динамичный тактильный жест «резко дернуть адресата за руку», выражающий раздражение жестикулирующего. Динамичный тактильный жест «щелкнуть по носу» в эмоциональном мужском общении выражает насмешку жестикулирующего. Динамичные тактильные жесты «схватить за шиворот», «дать подзатыльник» в эмоциональной мужской коммуникации, когда жестикулирующий обладает более высоким социальным статусом, употребляется в значении «оказать влияние на адресата». Динамичный тактильный жест «прикосновение к руке» в нейтральном мужском общении выражает тесные межличностные отношения. В условиях, когда социальный статус жестикулирующего ниже, а также при равных социальных статусах общающихся мужчин, зафиксирован динамичный тактильный жест «прикосновение к руке» в значении «оказать влияние на адресата». Динамичный тактильный жест «схватить за галстук» в условиях равных социальных статусов общающихся мужчин выражает угрозу.

Таким образом, функционирование динамичных тактильных средств так же, как и визуальных, зависит от многих параметров: гендерных особенностей лингвокультуры, типа ситуации, канала связи, социального статуса коммуникантов.

IV. Статичные тактильные компоненты гендерного невербального поведения.

Статичные тактильные жесты функционируют на более крупном уровне, чем просодическое ядро. В русском женском общении статичные тактильные жесты в основном употребляются в эмоциональной ситуации. Статичный жест «объятия» зафиксирован в общении женщин, когда социальный статус жестикулирующего выше. В русской однополой мужской коммуникации статичный жест «держат за грудки и трясти адресата» употребляется в эмоциональном общении двух мужчин, чьи социальные

статусы равны. Жесты «объятия», «поцелуй» встречаются в однополой мужской паре в разговоре двух мужчин неравных по социальному статусу, изрядно принявших алкоголь. В общении русской женщины с мужчиной статичные жесты «прижаться к адресату», «тереться подбородком о плечо» выражают чувства социально равных коммуникантов.

В маскулинной английской лингвокультуре статичные тактильные жесты функционируют минимум на уровне синтагмы, оформляя высказывание и передавая мельчайшие нюансы коммуникативного поведения гендерной языковой личности. В нейтральной м→ж коммуникации зарегистрирован статичный тактильный жест «поцелуй руки» в общении мужчины с женщиной, социальный статус которой выше, чем у мужчины. В условиях равных социальных статусов мужчины и женщины зафиксирован статичный тактильный жест «поцелуй в лоб», «прикосновение к руке» в нейтральной ситуации. Статичные жесты «рукопожатие», «прикосновение к плечу» зафиксированы в общении мужчины и женщины в условиях равных социальных статусов. В нейтральном общении родственников мужчины и женщины употребляется статичный тактильный жест «объятия», «поцелуй». В нейтральной ж→м коммуникации зафиксирован статичный тактильный жест «рукопожатие» в общении женщины с мужчиной в условиях, когда социальный статус женщины – исполнителя жеста выше, при наличии равных социальных статусов, а также когда статус мужчины выше, чем у женщины. Статичные жесты «поцелуй», «прикосновение к щекам» зафиксированы в общении женщины с мужчиной с равными социальными статусами. В однополом мужском общении зафиксирован статичный тактильный жест «слегка ударить по плечу» в коммуникации социально равных мужчин. В однополом женском общении в нейтральной ситуации в условиях равных социальных статусов коммуникантов употребляются тактильные жесты «поцелуй», «прикосновение к руке». При наличии разных социальных статусов коммуникантов - женщин используется статичный жест «рукопожатие». В

английской эмоциональной ситуации в м→ж коммуникации зарегистрирован статичный тактильный жест «держаться за руки» в общении мужчины с женщиной с одинаковыми социальными статусами. Статичные жесты «обнимать за плечи», «гладить рукой по плечу» зафиксированы в эмоциональной ситуации в общении мужчины с женщиной в условиях равных социальных статусов. «Прикасаются к лицу» в качестве статичного жеста употребляется в эмоциональной ситуации в м→ж коммуникации в общении равных в социальных статусах мужчины и женщины. Статичный жест «прикасаются к руке» зафиксирован в общении мужчины с женщиной в условиях, когда социальный статус мужчины выше, чем у женщины. Вышеуказанные жесты выражают положительные эмоции. Статичный тактильный жест «удар по руке» в общении равных в социальном отношении мужчины и женщины зафиксирован в отрицательной эмоциональной ситуации. Положительные эмоции выражает статичный тактильный жест «объятия» в ж→м коммуникации в общении женщины с мужчиной, обладателей одинаковых социальных статусов. Статичный жест «держаться за руки» зарегистрирован в положительно эмоциональном общении женщины с мужчиной равных в социальном отношении. В положительно эмоциональной ситуации зафиксированы статичные тактильные жесты «прикосновение к лицу», «объятия», «притянуть лицо адресата к себе» в общении женщины с мужчиной, равных в социальном отношении. Отрицательные эмоции выражает статичный тактильный жест «тянуть за уши» в общении женщины с мужчиной, где социальный статус женщины выше, чем мужчины. Посредством статичного жеста «прикасаются к руке» жестикулирующей–женщина пытается оказывать влияние на адресата–мужчину в условиях равных социальных статусов. В эмоциональной м→м коммуникации зарегистрирован статичный тактильный жест «рукопожатие» в общении двух мужчин, обладателей разных социальных статусов. В английском эмоциональном женском общении употребляются статичные

жесты «объятия», «прикосновение к волосам» в общении коммуникантов, находящихся в родственных отношениях.

В китайской, стремящейся к гендерной гармонии лингвокультуре, статичные тактильные средства функционируют на уровне синтагмы и более крупных сегментах. В эмоциональной м→ж коммуникации, когда социальные статусы жестикулирующего мужчины и адресата женщины равны, зарегистрирован статичный тактильный жест «объятия», выражающий привязанность, теплые отношения. В нейтральной ж→м коммуникации, когда социальный статус женщины – исполнителя жеста ниже, чем социальный статус адресата–мужчины, зарегистрирован статичный тактильный жест «омовение ног» в значении глубокого почтения. Статичный тактильный жест «хлопать по плечу» зарегистрирован в однополом женском общении в нейтральной ситуации в значении «дружелюбного отношения». В эмоциональной ситуации статичный тактильный жест «сжимать друг другу руки» передает сочувствие, тесные межличностные отношения. Статичный тактильный жест «толкать адресата животом в живот» зарегистрирован в однополом мужском общении в условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше. Жест выражает агрессию. В идентичных условиях в однополом мужском общении зафиксирован статичный тактильный жест «трясти руку адресата из стороны в сторону» в значении «раздражение, гнев», жест «обнять за плечи», отражающий отцовскую любовь к сыну, «похлопывать по плечу» в значении «подбадривать». В нейтральном общении, когда социальный статус адресата выше, чем жестикулирующего, а также при наличии равных социальных статусов, зафиксирован статичный тактильный жест «рукопожатие перчатка» в значении «глубокое уважение и почтение».

Таким образом, статичные тактильные жесты, функционируя на уровне синтагмы и более крупных сегментах, выражают различные смыслы. Употребляясь как в нейтральной, так и в эмоциональной ситуациях, статичные тактильные жесты отражают гендерные национальные

особенности лингвокультуры, социальный статус коммуникантов и канал связи.

V. Динамичные проксемные компоненты гендерного невербального поведения.

Пространство играет важную роль в невербальном поведении языковой личности, проксемные средства, по данным исследования, сочетаются с просодией и участвуют в комплексном выделении просодического ядра, функционируя в естественной речи языковой личности. Согласно исследованию, проксемные жесты могут функционировать на уровне просодического ядра, выделяя смысловое слово, а также могут работать на уровне синтагмы, фразы, предложения, создавая смысловое окаймление вербальной речи. Динамичные проксемные средства употребляются во всех видах коммуникаций в русской фемининной лингвокультуре, больше в эмоциональной ситуации. В общении двух русских женщин динамичный жест группы «изменение ориентации в пространстве» «садиться в кресло» употребляется для подчеркивания низкого социального статуса адресата жеста, когда жестикулирующий выделяет социальное положение собеседницы, обладателя более низкого социального статуса. В данном разговоре психологическая и физическая ≈ 1 м дистанции относятся к социальному типу при угловой ориентации. Динамичные проксемные жесты группы «изменение ориентации в пространстве» «отворачиваться», «отворачивать лицо» зафиксированы в общении двух русских женщин с одинаковым социальным статусом, когда одна женщина, пытаясь оказать влияние на другую, данными жестами выдает ложь. При этом физическая $\approx 0,35$ м и психологическая дистанции личные, жестикулирующий и адресат располагаются корпусами и лицами в одну сторону. Динамичные жесты группы «уменьшить/увеличить дистанцию» «движение корпусом вперед», «покачиваться корпусом вперед-назад» при угловой ориентации жестикулирующего и адресата зарегистрированы в русской женской паре в общении женщин с разными социальными статусами. В данном случае

жесты усиливают упрек, высказываемый жестикулирующим в адрес адресата. В общении женщины сохраняют социальный тип психологической и физической $\approx 3\text{м}$ дистанций. В общении женщин, когда социальный статус жестикулирующего выше, встречается динамичный проксемный жест группы «изменение ориентации в пространстве» «опуститься на колени». От избытка положительных чувств мать опускается на колени перед дочерью и обнимает её в момент произнесения просодического ядра. При исполнении данного жеста жестикулирующий и адресат, располагаясь корпусами и лицами друг к другу, сохраняют интимную $\approx 0,00\text{м}$ физическую и личную психологическую дистанции. Перечень динамичных жестов в общении русской женщины с мужчиной несколько иной. Жест «резко отвести корпус назад» зарегистрирован в общении русской женщины с мужчиной, чей социальный статус выше. В момент исполнения жеста жестикулирующий и адресат сохраняют угловую ориентацию при социальной физической $\approx 2,5\text{м}$ и психологической дистанциях. Жест, о котором идет речь, относится к группе «жестов увеличения дистанции», в данном случае выражает подсознательное желание уйти от неприятности. «Встать со стула» также встречается в русской ж→м коммуникации в общении женщины с мужчиной, чей социальный статус выше. От избытка неприятных чувств женщина из сидячей позы принимает позу стоя, сохраняя угловую ориентацию по отношению к адресату. Динамичный проксемный жест «отвернуться» в общении между женщиной и мужчиной с разными социальными статусами исполняется при угловой ориентации, личной психологической и интимной физической дистанциях. С помощью жеста женщина пытается скрыть подавленное состояние. Динамичный проксемный жест «опереться о стол и встать» употребляется в русской м→м коммуникации в общении двух мужчин разных по социальному статусу при социальной физической $\approx 2\text{м}$ и психологической дистанциях. При этом мужчины располагаются корпусами и лицами друг к другу. Данный жест усиливает возмущение жестикулирующего мужчины, обладателя более низкого социального статуса.

Проксемный жест «слегка отстраниться назад» относится к группе жестов «увеличить дистанцию». Данный жест употребляется в русской мужской коммуникации между мужчинами с одинаковыми социальными статусами. При личной физической и психологической дистанциях, а также угловой ориентации жест обозначает, что жестикулирующий не имеет возможности помочь адресату. Жест «опуститься на колени» зафиксирован в русской мужской коммуникации, когда социальный статус жестикулирующего выше, при социальной физической $\approx 1,5-5\text{м}$ и личной психологической дистанциях. При этом жестикулирующие и адресат располагаются корпусами и лицами друг к другу. Жест выражает почтение, преклонение. Проксемные жесты «движение корпусом вниз», «падать» зафиксированы в м→м коммуникации, когда жестикулирующий обладает более низким социальным статусом, при интимной физической $\approx 0,05\text{м}$ и личной психологической дистанциях. Жест выражает протест. Проксемный жест «отвернуться» зафиксирован в конфликте мужчин, когда жестикулирующий обладает более низким социальным статусом. Жестикулирующий и адресат располагаются корпусами и лицами друг к другу, сохраняя в момент исполнения жеста социальную физическую $\approx 1,5\text{м}$ дистанцию и личную психологическую дистанцию. Жест выражает протест. Проксемный жест «наклониться к адресату» употребляется в общении мужчины с женщиной с разными социальными статусами, когда мужчина–исполнитель жеста социально выше женщины-адресата. При личной физической $\approx 0,45\text{м}$ и психологической дистанциях, расположении жестикулирующего и адресата корпусами и лицами друг к другу, жестикулирующий мужчина посредством жеста оказывает влияние на адресата-женщину. Проксемный жест «опуститься в кресло» выражает душевную боль жестикулирующего мужчины в общении с женщиной при наличии равных социальных статусов, социальной физической $\approx 0,75\text{м}$ и личной психологической дистанциях. При исполнении жеста жестикулирующий и адресат сохраняют угловую дистанцию.

Пространственная составляющая гендерного невербального поведения в английской лингвокультуре также отмечена своим своеобразием. Проксемные невербальные средства в английской лингвокультуре функционируют как на уровне просодического ядра, так и на уровне синтагмы, группируясь на динамичные и статичные. Динамичные проксемные средства зарегистрированы в основном в эмоциональной ситуации. В английской нейтральной ситуации в м→ж коммуникации в условиях неравных социальных статусов зарегистрирован проксемный жест группы «сокращение дистанции» – «подойти к адресату». При сохранении личной психологической дистанции и ориентации лицами и корпусами друг к другу, физическая личная дистанция $\approx 0,75$ м сокращается до интимной $\approx 0,10$ м. В условиях равных социальных статусов зафиксированы следующие динамичные проксемные средства группы «изменение ориентации в пространстве»: «отвернуться от адресата», «повернуться к адресату», группы «сокращение дистанции» «наклониться к адресату». Данные жесты исполняются в нейтральной ситуации в общении мужчины с женщиной. При этом сохраняется личная психологическая дистанция и интимная $\approx 0,10$ м. Во время исполнения жестов коммуниканты располагаются лицами и корпусами то в одну сторону, то в разные стороны. В нейтральной ж→м коммуникации в условиях равных социальных статусов зафиксирован один динамичный проксемный жест группы «сокращение дистанции» «подойти и остановиться». При исполнении жеста сохраняется социальная психологическая и физическая дистанции, коммуниканты располагаются лицами и корпусами друг к другу. В английской нейтральной однополю мужской коммуникации в условиях разных социальных статусов зарегистрирован динамичный проксемный жест «опуститься на стул». При исполнении жеста сохраняется личная психологическая и социальная $\approx 1,5$ м физическая дистанции. При этом коммуниканты располагаются лицами и корпусами друг к другу. В нейтральном однополю женском общении зафиксирован динамичный проксемный жест группы «изменение ориентации

в пространстве» «отвернуть голову». Данный жест функционирует в условиях разных социальных статусов, при личной психологической, социальной ≈ 1 м физической дистанциях и угловой ориентации. В английской эмоциональной ситуации в м→ж коммуникации зарегистрированы динамичные жесты группы «изменение ориентации в пространстве»: «отвернуться от адресата», «повернуться к адресату лицом» в общении мужчины с женщиной с одинаковыми социальными статусами. При исполнении жеста зафиксирована личная психологическая и физическая дистанции, при этом коммуниканты располагаются лицами и корпусами друг к другу. Жест выражает нервозность жестикулирующего. Динамичный жест группы «изменение ориентации в пространстве» «развернуть корпус к адресату» зарегистрирован в общении мужчины и женщины, равных в социальном отношении при личной психологической и физической $\approx 0,35$ м дистанциях. Жест выражает удивление жестикулирующего мужчины. Динамичный жест группы «увеличение дистанции» «отстраниться назад» зафиксирован в общении мужчины и женщины – обладателей одинаковых социальных статусов в эмоциональной ситуации в значении «возмущение». При исполнении жеста наблюдается личная психологическая и физическая $\approx 0,75$ м дистанции, коммуниканты располагаются лицами и корпусами друг к другу. Динамичный проксемный жест группы «сокращение дистанции» «наклониться к адресату» в общении равных в социальном отношении мужчины и женщины выражает негодование жестикулирующего. Жест исполняется при угловой ориентации, интимной физической $\approx 0,10$ м и личной психологической дистанциях. В эмоциональной ж→м коммуникации зарегистрированы следующие динамичные проксемные средства группы «изменение ориентации» «отвернуться», «повернуться на 180°». Для выражения отрицательного отношения к происходящему жестикулирующий выделяет просодическое ядро посредством динамичного проксемного жеста «отвернуться в общении с женщиной – обладателем более низкого социального статуса. При исполнении жеста сохраняется угловая ориентация,

социальная $\approx 1\text{м}$ физическая и личная психологическая дистанции. Положительные эмоции выражены динамичным проксемным жестом «повернуться на 180° » в общении равных в социальном отношении мужчины и женщины в условиях личной $\approx 0,45\text{м}$ физической и психологической дистанциях, угловой ориентации. Динамичный проксемный жест группы «увеличение дистанции» «отпрянуть» в значении «испытывать страх» зафиксирован в общении женщины с мужчиной – обладателями одинаковых социальных статусов. Жест сопровождается социальной физической $\approx 1\text{м}$, личной психологической дистанциями. Коммуниканты располагаются корпусами и лицами друг к другу. В английской эмоциональной ситуации в однополом женском общении динамичные проксемные средства не зарегистрированы. В эмоциональном мужском общении зафиксированы в основном проксемные динамичные жесты группы «изменение ориентации»: «повернуться к адресату», «опуститься на колени», «опуститься на кровать», «подняться со стула». Данные жесты функционируют в общении как равных в социальном отношении мужчин – партнеров по общению, так и обладателей разных социальных статусов. Причем исполнителем жеста может быть мужчина – обладатель как более высокого, так и более низкого социального статуса. Данные динамичные проксемные жесты выражают различные смыслы – «повернуться к адресату» – поиск поддержки; «опуститься на колени» – искренность; «опуститься на кровать» учитывая, что адресат – пациент больницы, лежит в постели, пережив катастрофу, означает участие жестикулирующего в жизни адресата; «подняться со стула» выражает возмущение. Все жесты исполняются при наличии личной психологической дистанции, физическая дистанция может быть как личной, так и социальной. Что касается ориентации в пространстве, то коммуниканты больше предпочитают угловую ориентацию, хотя встречается и расположение корпусами и лицами друг к другу. Динамичные проксемные жесты группы «увеличение дистанции» в эмоциональном мужском общении употребляются в общении двух мужчин, обладателей разных социальных

статусов, когда исполнитель жеста выше в социальном отношении. Жесты «отклониться на спинку стула», «отстраниться от адресата» выражают отрицательное отношение жестикулирующего к происходящему, при этом сохраняется личная психологическая дистанция и социальная физическая $\approx 2,5$ м дистанция.

Проксемные невербальные средства в китайской лингвокультуре функционируют как на уровне просодического ядра, так и на уровне синтагмы. Данный факт позволяет нам классифицировать проксемные средства на динамичные и статичные. В китайской эмоциональной ситуации в м→ж коммуникации в условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, чем адресата-женщины, зарегистрирован динамичный проксемный жест группы «изменение ориентации в пространстве» «отвернуться от адресата», выражающий протест. При исполнении жеста сохраняется интимная $\approx 0,10$ м физическая и личная психологическая дистанции. В начале синтагмы коммуниканты располагаются под углом друг к другу, в момент просодического ядра жестикулирующий отворачивается от адресата, располагаясь корпусом и лицом в противоположную сторону. В нейтральной ситуации не зарегистрировано ни одного динамичного проксемного жеста в м→ж коммуникации. Аналогичная ситуация складывается в нейтральной ж→м коммуникации. В эмоциональном ж→м общении при наличии равных социальных статусов коммуникантов зафиксирован динамичный проксемный жест группы «изменение ориентации в пространстве» – «движение корпуса и головы вверх», отражающий возбужденное эмоциональное состояние жестикулирующей женщины. При исполнении жеста зарегистрирована социальная физическая ≈ 10 м и личная психологическая дистанции, коммуниканты располагаются корпусами и лицами друг к другу. В однополюсном эмоциональном женском общении зафиксирован динамичный проксемный жест группы «изменение ориентации в пространстве» – «повернуть голову к адресату» в значении «оказать влияние на адресата». Во

время исполнения жеста зафиксирована угловая ориентация, социальная $\approx 0,75$ м физическая и личная психологическая дистанции. Больше всего динамичных проксемных средств зафиксировано в м→м коммуникации как в нейтральной, так и в эмоциональной ситуациях. Динамичный проксемный жест группы «изменение ориентации в пространстве» – «вернуться к адресату» в значении «заставить адресата поверить жестикулирующему» зарегистрирован в мужском нейтральном общении, когда жестикулирующий обладает более высоким статусом. Во время исполнения жеста сохраняется личная $\approx 0,30$ м физическая и социальная психологическая дистанции при угловой ориентации. В момент просодического ядра жестикулирующий поворачивается таким образом, что коммуниканты располагаются лицами и корпусами друг к другу. Динамичный проксемный жест группы «увеличение дистанции» – «отстраниться назад» зафиксирован в нейтральном мужском общении, когда жестикулирующий обладает более высоким статусом при социальной ≈ 2 м и личной психологической дистанциях, угловой ориентации в значении «удивление». Динамичный проксемный жест группы «сокращение дистанции» – «наклонить корпус к адресату» зарегистрирован в нейтральном мужском общении, когда жестикулирующий обладает более высоким статусом при социальной ≈ 2 м физической и социальной психологической дистанциях в значении «оказать влияние на адресата». При этом коммуниканты располагаются корпусами и лицами друг к другу. Динамичный проксемный жест «сделать шаг в сторону адресата» относится к группе «сокращение дистанции» зафиксирован в нейтральном мужском общении, когда жестикулирующий обладает более высоким социальным статусом в значении «оказать влияние на адресата». Во время исполнения жеста зафиксирована угловая ориентация, социальная психологическая и социальная $\approx 0,75$ м физическая дистанции. В мужской коммуникации в эмоциональной ситуации, когда социальный статус жестикулирующего ниже, чем адресата, зарегистрирован динамичный проксемный жест группы «изменение ориентации» – «опуститься на колени» в значении глубокого

уважения и почтения. При исполнении жеста зафиксирована социальная ≈ 7 м физическая и социальная психологическая дистанции, коммуниканты располагаются корпусами и лицами друг к другу. В условиях равных социальных статусов общающихся мужчин зафиксированы динамичные жесты группы «изменение ориентации в пространстве» – «опуститься на стул» при социальной ≈ 1 м физической и социальной психологической дистанциях, угловой ориентации в значении «акцент на смысловом слове»; «отвернуть лицо от адресата» при сохранении социальной ≈ 1 м и личной психологической дистанциях, угловой ориентации в значении «скрывать правду». В эмоциональной ситуации в условиях равных социальных статусов на уровне просодического ядра функционируют следующие жесты группы «изменение ориентации» – «отвернуться» при угловой ориентации личной $\approx 0,75$ м физической и психологической дистанциях в значении «испытывать неприятные ощущения», «выпрямить корпус» при личной физической и личной психологической дистанциях, угловой ориентации в значении «чувствовать себя хозяином положения, уверенно»; «сокращение дистанции» – «приблизить корпус к адресату» при личной $\approx 0,75$ м. физической и психологической дистанциях в значении «оказать влияние на адресата».

Таким образом, динамичные проксемные жесты, функционируя на уровне просодического ядра, выражают различные смыслы. Употребляясь как в нейтральной, так и в эмоциональной ситуациях, динамичные проксемные жесты отражают гендерные национальные особенности лингвокультуры, социальный статус коммуникантов и канал связи.

VI. Статичные проксемные компоненты гендерного невербального поведения.

Статичные проксемные средства зарегистрированы в м→ж, м→м, ж→м коммуникации в основном в эмоциональной ситуации в фемининной русской лингвокультуре. В общении русского мужчины с женщиной проксемный жест «подойти к адресату» зафиксирован в разговоре двух гендерных языковых личностей с разными социальными статусами. Во время

исполнения жеста физическая дистанция с социальной $\approx 2,5$ м сокращается до личной $\approx 0,45$ м, психологическая дистанция сохраняется личной, ориентация угловая. Статичный проксемный жест «покачиваться из стороны в сторону» употребляется в ж→м коммуникации в общении женщины и мужчины, чей социальный статус выше. При исполнении жеста сохраняется постоянная личная физическая $\approx 0,75$ м и психологическая дистанции. Сохраняя угловую ориентацию, жестикулирующий покачивается из стороны в сторону, то увеличивая, то сокращая дистанцию, выражая тем самым волнение. Статичный жест «наступать на адресата» зафиксирован в общении двух русских мужчин, когда жестикулирующий обладает более высоким социальным статусом. При исполнении жеста жестикулирующий и адресат располагаются корпусами и лицами друг к другу, сохраняя как психологическую, так и физическую дистанции. Статичный жест «выпрямиться» зафиксирован в общении мужчины с женщиной одного социального статуса. При личной физической и психологической дистанции, исполняя жест, жестикулирующий и адресат сохраняют угловую ориентацию. Статичный жест «стоять спиной друг к другу» употребляется в русской ж→м коммуникации в общении двух гендерных языковых личностей с одинаковыми социальными статусами. Жест выражает враждебность жестикулирующего и адресата друг к другу. При исполнении жеста сохраняется интимная физическая $\approx 0,05$ м и личная психологическая дистанции.

В маскулинной английской лингвокультуре статичные проксемные жесты оформляют коммуникативное поведение гендерной языковой личности. В нейтральном общении мужчины с женщиной в английской лингвокультуре зарегистрирован проксемный статичный жест группы «изменение ориентации» - «наклонить корпус к адресату». Данный жест выражает заинтересованность жестикулирующего адресатом и употребляется в общении коммуникантов с разными социальными статусами, причем статус жестикулирующего выше, чем адресата. Во время исполнения жеста

зафиксирована личная психологическая дистанция и социальная $\approx 3\text{м}$ физическая дистанция, коммуниканты располагаются лицами и корпусами друг к другу. Статичный проксеменный жест группы «сокращение дистанции» - «подойти к адресату» также зафиксирован в общении мужчины с женщиной в английской нейтральной ситуации в условиях разных социальных статусов. Жест выражает расположение жестикулирующего к адресату. Во время исполнения жеста сохраняется личная психологическая дистанция, физическая дистанция сокращается с социальной $\approx 3\text{м}$ до личной. Коммуниканты располагаются корпусами и лицами друг к другу. В нейтральном ж \rightarrow м, м \rightarrow м, ж \rightarrow ж общении статичных проксеменных жестов не зарегистрировано. В английской эмоциональной ситуации статичные проксеменные жесты употребляются в разнополом и в мужском общении. В английском женском общении статичных проксеменных жестов не зарегистрировано. Статичный проксеменный жест группы «сократить дистанцию» - «подойти к адресату» потребляется в эмоциональной ситуации в общении мужчины с женщиной ниже по социальному статусу в значении «выразить готовность поддержать адресата». В данном случае собеседники располагаются корпусами и лицами друг к другу, при сохранении личной психологической дистанции. Физическая дистанция с социальной $\approx 1,5\text{м}$ сокращается до личной. Статичный проксеменный жест группы «изменение ориентации» - «качаться с пятки на носок» зафиксирован в общении мужчины с женщиной в эмоциональной ситуации как способ справиться с волнением. Общение происходит в условиях разных социальных статусов, при социальной психологической и физической $\approx 1,5\text{м}$ дистанциях. Коммуниканты расположены лицами и корпусами друг к другу. В отрицательно эмоциональном значении зарегистрированы статичные проксеменные жесты: «отвернуться», «отойти от адресата» в общении женщины с мужчиной. Статичный жест «отвернуться» относится к группе жестов «изменение ориентации», употребляется в общении коммуникантов с равными социальными статусами, в условиях личной психологической

дистанции, социальной $\approx 1,5$ м физической дистанции и угловой ориентации. Статичный жест «отойти от адресата» ходит в группу проксемных жестов «увеличение дистанции». Данный жест употребляется в условиях разных социальных статусов собеседников, при личной психологической дистанции, социальной ≈ 1 м физической дистанции, при этом жестикулирующий расположен спиной к адресату. Статичный проксемный жест группы «изменение ориентации» - «стоять на коленях» зафиксирован в однополюсном мужском общении при разных социальных статусах коммуникантов. Статус жестикулирующего ниже, чем адресата. Данный жест выражает искренность, открытость, преданность. При исполнении жеста сохраняется личная психологическая и социальная ≈ 2 м физическая дистанции.

Китайская лингвокультура также отличается своеобразием в употреблении статичных проксемных средств. Статичный проксемный жест группы «изменение ориентации в пространстве» – «вернуться к адресату» зафиксирован в эмоциональной ж→м коммуникации, когда женщина – исполнитель жеста социально ниже адресата мужчины в значении «оказать влияние на адресата». Во время исполнения жеста зафиксирована интимная ≈ 0 м физическая и личная психологическая дистанции. Коммуниканты располагаются корпусами и лицами в одну сторону. Статичный проксемный жест группы «изменение ориентации в пространстве» – «стоять спиной к адресату» в эмоциональной ж→м коммуникации, когда женщина – исполнитель жеста социально ниже адресата мужчины при социальной ≈ 2 м физической и личной психологической дистанциях выражает протест. Статичный проксемный жест группы «изменение ориентации в пространстве» – «медленно поворачивать лицо к адресату» в эмоциональной ж→ж коммуникации в условиях равных социальных статусов при социальной $\approx 0,75$ м физической и личной психологической дистанциях, угловой ориентации выражает заинтересованность. Статичный проксемный жест группы «изменение ориентации в пространстве» – «отвернуться» в эмоциональной ж→ж коммуникации в условиях равных социальных

статусов, социальной $\approx 0,75$ м физической и личной психологической дистанциях, угловой ориентации выражает избыток чувств жестикулирующего. В нейтральной ситуации в однополюсном мужском общении, когда жестикулирующий выше адресата по социальному статусу, зарегистрирован статичный проксемный жест группы «сокращение дистанции» – «наклонить корпус к адресату» в значении «оказать влияние на адресата». Во время исполнения жеста сохраняется личная $\approx 0,35$ м физическая и психологическая дистанции при угловой ориентации. В эмоциональной ситуации одноименный жест в идентичных условиях выражает тесные межличностные отношения. В условиях, когда жестикулирующий социально ниже адресата, данный жест в нейтральной ситуации выражает почтение. В таком же значении употребляется статичный проксемный жест «стоять на коленях». При этом коммуниканты располагаются лицами и корпусами друг к другу, сохраняя социальную ≈ 5 м физическую и социальную психологическую дистанции. В условиях равных социальных статусов общающихся мужчин зафиксирован статичный проксемный жест группы «увеличение дистанции» – «отпрянуть» в значении «неприязнь». Во время исполнения жеста сохраняется личная $\approx 0,75$ м физическая и личная психологическая дистанции, коммуниканты располагаются лицами и корпусами друг к другу.

Таким образом, статичные проксемные жесты, функционируя на уровне синтагмы и более крупных сегментах, выражают различные смыслы. Употребляясь как в нейтральной, так и в эмоциональной ситуациях, статичные проксемные жесты отражают гендерные национальные особенности лингвокультуры, социальный статус коммуникантов и канал связи.

VII. Динамические кинесические компоненты гендерного невербального поведения.

Кинесические жесты представляют собой самую многочисленную группу невербальных средств, сочетающихся с просодией на уровне

просодического ядра и на уровне синтагмы, фразы, текста. Как статичные, так и динамичные кинесические жесты широко употребляются в нейтральной и эмоциональной ситуациях в естественной речи гендерной языковой личности мужского и женского пола. Согласно исследованию, в русской фемининной лингвокультуре в общении мужчины с женщиной зарегистрированы различные динамичные кинесические жесты. Иллюстратор «провести открытой рукой от себя в сторону» усиливает значение вербальной составляющей коммуникации. Данный жест встречается в общении русскоязычных гендерных языковых личностей разного пола с разными социальными статусами. Динамичные жесты «указывать ладонью на лист бумаги», «хлопать ладонью по листу бумаги», «опустить голову», «поменять положение руки» зафиксированы в общении мужчины, обладателя высокого социального статуса, с женщиной, чей социальный статус ниже. В данном случае жесты относятся к группе симптоматических эмблем с семантическим значением «проявлять волнение». Динамичные иллюстраторы «движение руки вниз», «резкое движение указательным пальцем вниз», «небольшое движение головой вперед», «поднять обе руки и резко опустить», «движение головой в сторону», «кивок» встречаются не только в коммуникации русского мужчины с женщиной, но и в однополой мужской русской паре с семантическим значением «выделить значимое слово». Кроме того, кинесический жест «поднять и опустить обе руки» выражает «безнадежность». Симптоматические эмблемы в общении русского мужчины и женщины «движение головой вниз», «движение бровями вверх», «наклон головы вниз», по результатам исследования, относятся к динамичным жестам с семантическим значением «сильное эмоциональное напряжение». Симптоматическая эмблема «покачивание головы из стороны в сторону» в исполнении мужчины с более высоким социальным статусом в отношении женщины с низким социальным статусом зарегистрирован в группе динамичных средств с семантическим значением «ошеломление». В значении «искренность» зарегистрирована коммуникативная эмблема

«положить руку на грудь» в общении мужчины с женщиной с разными социальными статусами. В семантическом значении «подтверждение» зарегистрирована коммуникативная эмблема «кивок» коммуникации русского мужчины с женщиной. Динамичный жест «закрыть глаза» относится к группе коммуникативных эмблем и зарегистрирован в общении русского мужчины с женщиной в значении «уйти от реальности, не принимать реальность». Динамичный жест «почесать затылок» относится к числу коммуникативных эмблем, зафиксирован в общении мужчины с женщиной в семантическом значении «неуверенность». Кинесическая симптоматическая эмблема «наморщить нос» в однополой мужской коммуникации зафиксирована в значении «неприятное предчувствие». Динамичные жесты «улыбка», «поднять опустить брови» в русской мужской коммуникации зарегистрированы в общении двух гендерных языковых личностей с одинаковыми социальными статусами в значении «предвкушение удивления адресата». Коммуникативная эмблема «качать головой из стороны в сторону» в общении между русскими мужчинами в значении «неприятное удивление». В русской мужской коммуникации в общении социально равных мужчин зарегистрирована симптоматическая эмблема «ударить ладонью по песку» в значении «сильный эмоциональный всплеск». Подобная ситуация складывается с симптоматической эмблемой «кукиш». Данный динамичный жест употребляется в общении между двумя мужчинами равными по социальному статусу в значении эмоционального протеста. Коммуникативная этикетная эмблема «поклон» зафиксирована в группе динамичных жестов в общении двух русских мужчин в значении «приветствовать». В настоящее время жест в данном контексте носит ироничный характер. Динамичный жест «вытянуть шею вперед» в мужской коммуникации означает «бросить вызов». Русские женщины, так же как и мужчины активно используют кинесические средства, функционирующие в естественной речи. Так же как и мужчины, русские женщины широко применяют жесты–иллюстраторы в значении «сделать акцент на смысловом

слове». К таким жестам относятся: «движение головой вперед», «движение головой вниз», «кивок», «резкое движение рукой вниз», «поставить кружку на стол», «движение рукой к себе/от себя». Динамичный жест «указывать рукой на себя» относится к группе указательных жестов, встречается в русском общении женщины и мужчины с целью подчеркнуть эмоциональное состояние. Динамичный жест «движение рукой вперед» в общении русской женщины с мужчиной, принадлежащих к разным социальным кругам, означает «приглашение». Носит несколько фамильярный характер. Динамичный жест «поклон» в общении между женщиной и мужчиной разных по социальному статусу зафиксирован в значении «благодарность». Коммуникативная эмблема «приложить руку ко лбу» зарегистрирована в группе динамичных жестов в значении «пытаться вызвать жалость». Данный жест употребляется в общении женщины с мужчиной, причем социальный статус мужчины выше, чем у женщины. В общении двух русских женщин с различными социальными статусами динамичные жесты «широко раскрыть глаза», «поднять брови» выступают в значении «возмущение». Иллюстраторы «движение рукой в сторону адресата», «движение головой вниз/вверх», «развести руками», «движение рукой сверху вниз», «указывать рукой», «кивок», «вытянуть шею вперед», «слегка ударить кулаком по столу», «медленно моргать» зафиксированы как динамичные жесты в однополюсном русском женском общении в значении «сделать акцент на смысловом слове». Указательный жест «указывать рукой» зафиксирован в общении двух женщин в значении «усилить упрек». Коммуникативная эмблема «положить руку на грудь» как динамичный жест встречается в женском общении в значении «искренность». Динамичный жест «бросить сумку» в русском женском общении означает «бросить вызов». Симптоматическая эмблема «мелкое движение головой в противоположную сторону от адресата» в общении двух женщин с разными социальными статусами передает эмоциональное состояние жестикулирующего. В данном случае жест выражает отрицательное отношение жестикулирующего к затронутой

адресатом теме. «Удар рукой по шапке, которую жестикулирующий держит в руке» в женском исполнении в отношении другой женщины означает «враждебность», относится к группе динамичных жестов. Коммуникативная эмблема «закрыть лицо рукой» относится к группе динамичных жестов, зарегистрирована в общении двух русских женщин с одинаковыми социальными статусами в значении «пытаться скрыться от реальности, не принимать ситуацию».

В английской маскулинной лингвокультуре, так же как и в русской фемининной, кинесические средства представляют собой самую многочисленную группу средств, сочетающуюся с просодией и другими невербальными средствами в естественной речи языковой личности. Функционирование кинесических средств на уровне просодического ядра, синтагмы, фразы, предложения позволяет классифицировать данные средства как динамичные и статичные. Динамичные кинесические средства употребляются во всех типах ситуаций – в нейтральной и эмоциональной в общении языковой личности как мужского, так и женского пола. Динамичные кинесические симптоматические эмблемы «наморщить нос», «нахмурить брови» зарегистрированы в нейтральной ситуации в м→ж коммуникации в общении мужчины с женщиной выше по социальному статусу в значении «недовольство». Динамичные иллюстраторы «движение головой вниз/вверх, вправо», «кивок», «указывать пальцем», «развести руками», «движение рукой» подчеркивают вербальную речь в нейтральной ситуации в общении мужчины с женщиной в условиях, когда женщина-адресат обладает более высоким социальным статусом, мужчина – исполнитель жеста социально выше, или мужчина и женщина социально равны. Динамичная коммуникативная эмблема «опереться рукой» зарегистрирована в нейтральной ситуации в общении мужчины с женщиной, обладателей равных социальных статусов в значении «неуверенность». Динамичная коммуникативная эмблема «поднять брови» зафиксирована в нейтральной м→ж коммуникации, когда мужчина социально выше, чем

женщина. Жестикулирующий говорит неправду и жестом показывает, что ожидает, что адресат обнаружит ложь. Национально специфичная этикетная эмблема «реверанс» зафиксирована в нейтральном общении мужчины с женщиной, когда мужчина социально выше, чем женщина–адресат в значении «уважения, почтения». Динамичные иллюстраторы «поднять брови», «движение головой вниз», «кивок», «движение рукой вниз», «движение сжатыми кулаками вниз» подчеркивают значение вербальной составляющей в нейтральном общении женщины с мужчиной в условиях как разных социальных статусов, так и одинаковых. Коммуникативная эмблема «скрестить руки» в ситуации, когда женщина–жестикулирующий поздравляет мужчину-адресата с победой выражает неискренность в нейтральной ситуации в общении женщины с мужчиной – обладателем более низкого социального статуса. Динамичные коммуникативные эмблемы «вытянуть шею», «качать головой из стороны в сторону» выражают удовольствие в общении женщины с мужчиной в условиях разных социальных статусов. Динамичная коммуникативная эмблема «кивок» зафиксирована в нейтральной ситуации в общении женщины с мужчиной, когда женщина обладает более высоким социальным статусом в значении «согласие». Динамичная коммуникативная эмблема «слегка качать головой из стороны в сторону» употребляется в значении «мечтательность» в общении женщины с мужчиной разных по социальному положению. Динамичная коммуникативная эмблема «мелкое движение корпуса влево» зарегистрирована в нейтральной ситуации в общении женщины с мужчиной в условиях разных социальных статусов. Социальный статус женщины выше, чем мужчины. Данный жест употребляется в значении «неуверенность». Динамичная коммуникативная эмблема «опустить голову» зафиксирована в нейтральном общении равных в социальном отношении женщины и мужчины в значении «испытывать вину». Динамичная коммуникативная эмблема «вытянуть шею» в нейтральном общении женщины с мужчиной выражает удивление. Социальный статус коммуникантов неравен –

мужчина–адресат выше в социальном отношении. В нейтральной м→м коммуникации в общении двух мужчин с разными социальными статусами зарегистрированы иллюстраторы «поклон», «кивок», сопровождающие вербальную речь, подчеркивая её значение. Динамичные иллюстраторы «указывать пальцем», «движение рукой», «движение головой вперед», «кивок» зарегистрированы в общении двух мужчин, обладателей разных социальных статусов. Согласно исследованию, социально выше может быть как исполнитель жеста, так и адресат. Данные жесты подчеркивают значение вербальных слов. В английском однополом женском общении также зарегистрированы динамичные жесты, которые, сочетаясь с просодией, выделяют смысловое слово. Динамичная коммуникативная эмблема «кивок» в значении «согласие» используется в общении двух женщин, обладательниц разных социальных статусов. Динамичный иллюстратор «кивок» подчеркивает значение вербальных слов в женском общении, когда жестикулирующий социально выше. Динамичная коммуникативная эмблема «прикосновение ко рту» зафиксирована в женском общении, когда коммуниканты социально равны в значении «размышлять». В эмоциональном английском общении мужчины с женщиной динамичные коммуникативные эмблемы «повернуть голову направо/налево», «поднимать/опускать брови» в значении «нервозность» зафиксированы в коммуникации партнеров с одинаковыми социальными статусами. Динамичная коммуникативная эмблема «протянуть руку в сторону адресата» в общении мужчины с женщиной в условиях разных социальных статусов выражает радушие. Динамичные коммуникативные эмблемы «развести руками», «поднять брови» в общении мужчины с женщиной при наличии равных социальных статусов выражают раздражение. Динамичная коммуникативная эмблема «кивок» в эмоциональном общении мужчины с женщиной равных в социальном отношении зарегистрирована в значении «согласие». Динамичные иллюстраторы «кивок», «поднять одну бровь», «движение головой влево/вправо», «вытянуть шею вперед», «движение

рукой» в эмоциональном общении подчеркивают эмоциональность вербальной составляющей в общении мужчины с женщиной равных по социальному положению. Динамичная симптоматическая эмблема «с силой бросить полотенце» в общении мужчины с женщиной одинаковых в социальном отношении выражает эмоциональный всплеск. Динамичная коммуникативная эмблема «грозить пальцем» в эмоциональном общении мужчины с женщиной, обладателей разных социальных статусов, выражает упрек. Динамичная коммуникативная эмблема «поднять бровь» в значении «удивление» зафиксирована в общении женщины с мужчиной, когда социальный статус женщины – исполнителя жеста выше. Динамичные иллюстраторы «кивок», «движение головой», «движение рукой вниз», «движение бровями вверх», «рука у переносицы» зарегистрированы в эмоциональном общении женщины с мужчиной в условиях равных социальных статусов в значении подчеркивания театральности эмоционального состояния исполнителя жестов. Динамичные иллюстраторы «разводить руками», «кивок» в эмоциональном общении женщины с мужчиной, обладателей разных социальных статусов, подчеркивают значение вербальных слов. Динамичный иллюстратор «разводить руками» в общении женщины с мужчиной, обладателей равных социальных статусов, подчеркивает положительные эмоции исполнителя. Динамичная коммуникативная эмблема «поднять брови» в значении «удивление» зарегистрирована в эмоциональной коммуникации женщины с мужчиной при наличии более высокого социального статуса у исполнителя жеста. Динамичная коммуникативная эмблема «закрыть лицо рукой» в эмоциональном общении женщины с мужчиной, обладателей равных социальных статусов, выражает желание скрыться от неприятной ситуации. Группа динамичных кинесических жестов в эмоциональной м→м коммуникации самая многочисленная. Динамичные иллюстраторы «резкое движение рукой вниз», «движение головой вниз», «наморщить нос», «кивок» подчеркивают значение вербальных слов и отражают отрицательное

отношение жестикулирующего к происходящему в общении двух мужчин, обладателей разных социальных статусов. Динамичные симптоматические эмблемы «нахмурить брови», «наморщить нос», «сузить глаза» зарегистрированы в эмоциональном мужском общении в значении «неожиданное неприятное удивление». Жест функционирует на уровне просодического ядра в условиях, когда жестикулирующий обладает более низким социальным статусом, чем адресат. Динамичная симптоматическая эмблема «движение головой вправо» в эмоциональном общении двух мужчин, обладателей разных социальных статусов, зарегистрирована в значении «контролировать свои эмоции». Динамичная коммуникативная эмблема «раскрытые ладони» в эмоциональном мужском общении выражают радость, искренность, открытость, готовность к общению в коммуникации двух мужчин равных в социальном отношении. Динамичный регулятор «поднять руку» в эмоциональном мужском общении употребляется в значении «остановить адресата от совершения действия». Жест исполняется в условиях разных социальных статусов. Английское эмоциональное женское общение также отмечено своим своеобразием. Динамичная коммуникативная эмблема «движение вперед раскрытыми ладонями» зарегистрирована в женском общении при наличии разных социальных статусов в значении искренности, открытости. Динамичные иллюстраторы «движение головой», «движение бровями», «кивок» подчеркивают эмоциональное состояние жестикулирующего. Динамичная симптоматическая эмблема «свести брови» в эмоциональном женском общении, когда жестикулирующий социально выше, употребляется в значении «негодование». Динамичный регулятор «кивок» зарегистрирован в эмоциональном женском общении в условиях разных социальных статусов в значении «прервать действие адресата».

В китайской, стремящейся к гендерной гармонии, лингвокультуре кинесические средства представляют собой самую многочисленную группу невербальных средств, способную сочетаться с другими невербальными

средствами в естественной речи гендерной языковой личности. Они функционируют как на уровне просодического ядра, так на уровне синтагмы. Данный факт позволяет классифицировать кинесические средства на динамичные и статичные. Динамичные кинесические средства употребляются во всех типах ситуаций – в нейтральной и эмоциональной в общении гендерной языковой личности как мужского, так и женского пола. Динамичные указательные жесты «указывать пальцем на адресата» в значении «сделать акцент на том, что именно адресату обращена информация», «движение большим пальцем назад» в значении «сделать акцент на обсуждаемом предмете» зарегистрированы в нейтральной м→ж коммуникации, когда жестикулирующий мужчина социально выше адресата–женщины. Динамичные иллюстраторы «движение вниз указательным пальцем», «движение вниз рукой», «движение головой вниз», «кивок» в значении «подчеркнуть значимость вербальных слов» употребляется в нейтральной м→ж коммуникации, когда жестикулирующий мужчина социально выше адресата–женщины. Динамичные коммуникативные эмблемы «движение головой вверх» в значении «спросить», «кивок» в значении «согласиться» зафиксированы в нейтральной м→ж коммуникации, когда жестикулирующий мужчина социально выше адресата–женщины. В эмоциональной м→ж коммуникации в условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, чем у адресата–женщины, зарегистрированы следующие динамичные кинесические жесты: коммуникативная эмблема «движение головой вверх» в значении «спросить»; иллюстраторы «взмах рукой в горизонтальной/вертикальной поверхности», «кивок», «развести руки в стороны», сопровождающие вербальную речь, подчеркивая смысловые слова; коммуникативные эмблемы «резкое движение рукой вперед, указательный палец распрямлен и направлен вперед», «резкое движение рукой вверх со сжатой в кулак кистью» в значении «призыв»; коммуникативная эмблема «руки в бока», отражающая вызов. Случаев выделения смыслового слова посредством сочетания просодии и

кинесических средств в м→ж коммуникации, когда адресат–женщина обладает более высоким социальным статусом, чем мужчина-адресат, не зафиксировано. При наличии равных социальных статусов жестикулирующего мужчины и адресата–женщины в эмоциональном общении зафиксированы: иллюстратор «резкий кивок», подчеркивающий смысловые слова и отражающий эмоции жестикулирующего мужчины; иллюстратор «мелкое движение головой вверх». В таком же значении; коммуникативная эмблема «скрестить руки» в значении «бросить вызов». В условиях равных социальных статусов мужчины и женщины в нейтральной ситуации не зарегистрировано ни одного динамического кинесического жеста, сочетающегося с просодией для комплексного выделения просодического ядра. В однополом женском общении в китайской лингвокультуре в нейтральной ситуации зафиксированы сопровождающий вербальную речь и выделяющий смысловые слова динамичный иллюстратор «движение рук вправо/влево, вверх/вниз». В эмоциональной ситуации динамичная коммуникативная эмблема «кивок» подчеркивает согласие жестикулирующего, теплые межличностные отношения общающихся женщин, сочувствие и поддержку. В нейтральной и эмоциональной ж→м коммуникации не зарегистрировано ни одного случая комплексного выделения просодического ядра посредством сочетания кинесического жеста и просодии в условиях, когда женщина – исполнитель жеста социально выше мужчины-адресата. В условиях, когда женщина – исполнитель жеста социально ниже мужчины-адресата в эмоциональной ситуации зафиксирован один динамичный кинесический жест – коммуникативная эмблема «протянуть руку с рюмкой к адресату», выражающий благодарность, почтение жестикулирующей женщины к мужчине–адресату. В коммуникации женщины с мужчиной, когда социальные статусы общающихся равны, зарегистрированы следующие динамичные кинесические жесты: иллюстраторы «движение руки к себе», «кивок», «движение головой вверх», сопровождающий вербальную речь и

расставляющий акценты на смысловых словах. В эмоциональной ситуации перечень используемых динамичных кинесических жестов несколько другой: указательный жест «указывать пальцем на адресата» в значении угрозы; иллюстраторы «резкое движение рукой сверху вниз», «резкое движение головой в сторону», «удар кружкой по столу», сопровождающие вербальную речь, передают эмоциональное состояние жестикулирующей женщины; симптоматическая эмблема «прикосновение к виску» передает нервозность. Наибольшее количество динамичных кинесических средств зафиксировано в однополюсном мужском общении китайской языковой личности в нейтральной и эмоциональной ситуациях. В нейтральном общении двух мужчин–китайцев, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, чем адресата зафиксированы: динамичные указательные жесты «указывать пальцем на адресата», «ткнуть пальцем в адресата» в значении «сделать акцент на том, что именно адресату обращена информация»; динамичный иллюстратор «движение рукой вниз, в сторону» акцентирует просодическое ядро смыслового слова; коммуникативная эмблема «поклон» в значении «приветствие». В эмоциональном общении двух мужчин–китайцев в условиях, когда жестикулирующий мужчина социально выше адресата, употребляются следующие динамичные кинесические жесты: иллюстраторы «взмах рукой в горизонтальной/вертикальной поверхности», «кивок», «развести руки в стороны», «движение головой вверх», сопровождающие вербальную речь и расставляющие акценты на смысловых словах; коммуникативные эмблемы «резкое движение рукой вперед, указательный палец распрямлен и направлен вперед», «резкое движение рукой вверх со сжатой в кулак кистью» в значении «призыв»; регулятор «ударить посохом» в значении «остановить адресата от совершения нежелательного действия»; симптоматическая эмблема «замахнуться книгой», отражающая негодование жестикулирующего. В условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, чем адресата в нейтральной ситуации зарегистрированы: динамичные иллюстраторы «кивок», «движение рукой

вниз, в сторону», подчеркивающие просодическое ядро выделяемых слов; динамичный указательный жест «указывать пальцем»; коммуникативная эмблема «поклон» в значении «приветствие, почтение»; коммуникативная эмблема «кивок» в значении «согласие». В эмоциональной ситуации в общении двух мужчин, жестикулирующий из которых социально ниже, зафиксированы: динамичная коммуникативная эмблема «поклон» в значении «почтение»; коммуникативная эмблема «кивок», выражающая согласие; симптоматическая эмблема «поднять брови», отражающая удивление; коммуникативная эмблема «поднять чашу» в значении «радушие, почтение». В коммуникации, когда жестикулирующий и адресат социально равны, в нейтральной ситуации зафиксированы: иллюстраторы «кивок», «движение головой вправо», «движение головой вверх», «движение указательным пальцем вперед», акцентирующие смысловые слова; коммуникативная эмблема «протянуть руку к адресату» в значении «радушие»; коммуникативная эмблема «кивок» в значении «согласие»; коммуникативная эмблема «демонстрировать раскрытую ладонь», отражающая искренность, открытость жестикулирующего. В эмоциональной ситуации в условиях равных социальных статусов общающихся мужчин жестикулирующий сочетает просодию с такими динамичными кинесическими жестами, как динамичный регулятор «махнуть рукой» с целью побуждения адресата к действию; иллюстраторы «движение головой вверх», «кивок», акцентирующие эмоциональное состояние жестикулирующего; симптоматическая эмблема «поднять брови» в значении «удивление»; коммуникативная эмблема «наклонить голову в сторону адресата».

Таким образом, динамичные кинесические жесты, функционируя на уровне просодического ядра, выражают различные смыслы. Употребляясь как в нейтральной, так и в эмоциональной ситуациях, динамичные кинесические жесты отражают гендерные национальные особенности лингвокультуры, социальный статус коммуникантов и канал связи.

VIII. Статичные кинесические компоненты гендерного невербального поведения.

Статичные кинесические средства, функционируя на уровне синтагмы, передают широкий спектр значений в фемининной русской лингвокультуре. Так же как и динамичные, статичные кинесические жесты зарегистрированы как в нейтральной, так и в эмоциональной ситуациях в общении гендерных языковых личностей любого пола. В коммуникации русского мужчины с женщиной статичный жест «манипулировать листком бумаги» выдает нервозность мужчины в разговоре с женщиной. Иллюстратор «качать головой из стороны в сторону» в общении мужчины с женщиной с разными социальными статусами подчеркивает отрицательное значение вербальных слов. Иллюстраторы «хлопать рукой по листу бумаги» усиливает значение вербальных слов жестикулирующего. Симптоматическая эмблема «раскачиваться в кресле» в общении мужчины с женщиной подчеркивает уверенность жестикулирующего мужчины. Статичный жест «улыбка» в общении мужчины с женщиной одного статуса передает радость. Статичный жест «потирать большой, указательный и средний пальцы друг о друга» в общении мужчины с женщиной передает нетерпение жестикулирующего мужчины. «Легкая улыбка» в исполнении мужчины в общении с женщиной передает самодовольство. Регулятор «шлепок по мягкому месту» относится к статичным жестам, употребляется в общении мужчины с женщиной с разными социальными статусами в значении «побудить к действию». Носит фамильярный характер. Статичный жест «одной рукой сжимать пальцы другой руки» в общении русской женщины с мужчиной, чей социальный статус выше, передает значение того, что жестикулирующей женщине требуется поддержка. Коммуникативные эмблемы «пожимать плечами», «качать головой из стороны в сторону» в ж→м коммуникации усиливают значение отрицательных вербальных средств. Симптоматическая эмблема «трясти банкой перед лицом адресата» как статичный жест передает сильный отрицательный эмоциональный всплеск и угрозу при наличии равных

социальных статусов. Жест «держать руки скрещенными» в общении женщины с мужчиной означает, что жестикулирующий лжет. Коммуникативная эмблема «руки в бока» в разговоре женщины с мужчиной в условиях равных социальных статусов придает жестикулирующей женщине важность, значимость. Статичный иллюстратор «размахивать рукой в сторону» в исполнении женщины подчеркивает значение вербальных слов. Симптоматическая эмблема «слезы в глазах» в общении женщины с мужчиной передает душевную боль, обиду. Симптоматическая эмблема «потирать одну руку о другую» в общении женщины с мужчиной выражает нервозность. Статичные жесты в общении двух русских женщин чаще всего встречаются в эмоциональной ситуации. Статичный жест «скрещенные руки» в общении двух социально равных женщин передает враждебность. Жест «крутить яблоко на тарелке» относится к статичным жестам размышления. Симптоматическая эмблема «разводящие движения руками» в социально равном женском общении означает возмущение. Статичный жест «держать руку на голове» в русском социально равном мужском общении означает потрясение. Симптоматические эмблемы «сморщенный нос», «оскал», «угрожать топором» в русском социально равном мужском разговоре передают враждебность. Держать руки скрещенными на груди, хмурить брови в мужском общении, когда социальный статус жестикулирующего ниже, передает враждебность, недовольство. Статичный жест «держать губы поджатыми» в мужском общении, когда жестикулирующий обладает более низким социальным статусом, означает ложь.

Статичные кинесические средства в маскулиной английской лингвокультуре широко используются гендерной языковой личностью как мужского пола, так и женского пола. Статичная коммуникативная эмблема «подпирать подбородок» в нейтральном разнополом общении выражает скуку. Статичная коммуникативная эмблема «скрестить руки за спиной» в общении мужчины с женщиной равной в социальном отношении выражает

чувство превосходства над адресатом, уверенность в ситуации. Статичная коммуникативная эмблема «скрестить руки» в нейтральной ситуации в общении мужчины с женщиной в условиях разных социальных статусов выражает отрицательное отношение жестикулирующего к ситуации. Статичная коммуникативная эмблема «руки в бока» в нейтральном и эмоциональном общении мужчины с мужчиной зарегистрирована в значении «создать угрожающий вид». Статичная коммуникативная эмблема «опереться руками о стол» в нейтральном мужском общении говорит о том, что жестикулирующий нуждается в поддержке. Статичная коммуникативная эмблема «улыбка» в нейтральном мужском общении, когда коммуниканты социально равны, означает радушие. Статичная коммуникативная эмблема «акцентировать пальцы» в нейтральном мужском общении выражает решимость. Статичная коммуникативная эмблема «открывать/закрывать зажигалку» в мужском общении выражает сомнения. Статичная коммуникативная эмблема «поднять брови» в нейтральном женском общении при наличии разных социальных статусов выражает возмущение. Статичная коммуникативная эмблема «водить глазами из стороны в сторону» в английском женском общении в условиях разных социальных статусов употребляется в значении «размышлять». Статичная коммуникативная эмблема «потирать большой палец о кончики других пальцев» в нейтральном женском общении передает высокую степень концентрации внимания. Статичная коммуникативная эмблема «поправлять галстук» в эмоциональном общении мужчины с женщиной в условиях одинаковых социальных статусов выражает нервозность. Статичная коммуникативная эмблема «улыбка» в эмоциональной м→ж, м→м коммуникации передает радушие. Статичный регулятор «зафиксировать лицо адресата руками» в общении мужчины с женщиной в условиях равных социальных статусов употребляется в значении «оказать влияние на адресата». Статичная коммуникативная эмблема «закрывать глаза» в общении мужчины с женщиной означает признание вины жестикулирующего. Статичная коммуникативная

эмблема «нахмурить брови» в эмоциональном женском общении в условиях разных социальных статусов выражает гнев.

В китайской лингвокультуре так же, как в русской и английской, статичные кинесические жесты функционируют минимум на уровне синтагмы и более крупных сегментах. В нейтральной ситуации в м→ж коммуникации, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, чем адресата–женщины, а также при наличии равных социальных статусов зарегистрированы: статичная коммуникативная эмблема «торговля в рукаве» – национально-специфичный жест, обозначающий цену; статичная коммуникативная эмблема «держат одну руку на поясе», «держат руки скрещенными за спиной» в значении «демонстрация доминирующего положения». В эмоциональной ситуации в вышеуказанных условиях зарегистрированы: статичная коммуникативная эмблема «держат руки в карманах», отражающая отрицательное отношение жестикулирующего к ситуации; коммуникативные эмблемы «ходить взад вперед», «трясти разведенными в стороны руками», «размахивать руками из стороны в сторону» отражают нервное состояние жестикулирующего. В однополюсном женском общении в нейтральной ситуации в условиях, когда социальные статусы общающихся женщин равны, зафиксированы следующие статичные кинесические средства: коммуникативная эмблема «качать головой из стороны в сторону» в значении «поддерживать». В нейтральной ж→м коммуникации в условиях, когда социальные статусы жестикулирующей женщины и адресата-мужчины равны, зарегистрированы: статичные коммуникативные эмблемы «держат руки скрещенными» в значении «отрицательное отношение к ситуации», «улыбка» отрицательной ситуации как способ следования этике «лица». В эмоциональной ситуации перечень статичных кинесических средств несколько шире: коммуникативные эмблемы «держат руку на поясе», «грозит пальцем» в значении «бросить вызов»; коммуникативные эмблемы «держат руки скрещенными», «руки в карманах», отражающие отрицательное отношение жестикулирующего к

ситуации; коммуникативные эмблемы «теребить волосы», «перебирать пальцами» передают нервозность жестикулирующего. В однополой мужской коммуникации, когда жестикулирующий социально выше, зафиксированы следующие статичные кинесические жесты: коммуникативная эмблема «торговля в рукаве»; указательный жест «тыкать пальцем в адресата» в значении «акцентировать внимание адресата на важности информации». В эмоциональной ситуации жестикулирующий мужчина использует следующий перечень: статичные коммуникативные эмблемы «ходить взад вперед», «размахивать руками», «трясти разведенными в стороны руками», отражающие нервозность жестикулирующего; симптоматическая эмблема «хмурить брови» передает гнев. В условиях, когда социальный статус выше у адресата, жестикулирующий мужчина использует следующие статичные кинесические коммуникативные эмблемы: «рукопожатие «перчатка» в значении «доверие»; «скрещенные руки за спиной» – оценка ситуации, «вложить кулак в ладонь» – знак почтения, уважения; симптоматическая эмблема «высунуть язык» в значении «чувствовать себя пристыженным». При наличии равных социальных статусов общающихся мужчин в нейтральной ситуации зафиксированы такие статичные коммуникативные эмблемы как: «улыбка» как средство сохранения «лица»; «держат руки за головой» в значении «чувствовать себя хозяином положения»; «опираться руками о стол» – неуверенность, «сжимать и разжимать трость» выражает затруднительное положение, в которое попал жестикулирующий. В эмоциональной ситуации в идентичных условиях жестикулирующий мужчина использует следующие статичные кинесические жесты: симптоматическая эмблема «раскачиваться в сидячем положении, скрестив руки и ноги» в значении «беспокойство»; указательный жест «указывая пальцем на адресата, тряссти рукой» передает возбужденное эмоциональное состояние жестикулирующего.

Таким образом, статичные кинесические жесты, функционируя на уровне синтагмы и более крупных сегментах, выражают различные смыслы.

Употребляясь как в нейтральной, так и в эмоциональной ситуациях, статичные кинесические жесты отражают гендерные национальные особенности лингвокультуры, социальный статус коммуникантов и канал связи.

IX. Статичные хронемные компоненты гендерного невербального поведения.

Хронемный аспект невербального поведения характеризуется статичностью в том смысле, что хронемное поведение можно наблюдать только на уровне синтагмы и более крупных единиц. На уровне просодического ядра, согласно исследованию, не происходит изменений хронемного порядка. Таким образом, модель времени и система времени не участвуют в выделении смыслового слова, но создают особый колорит высказыванию в целом, отражая национальную специфику, которая в свою очередь зависит от преобладания фемининных либо маскулинных ценностей в лингвокультуре. В русской лингвокультуре, где преобладают ценности фемининного порядка, наблюдается перевес в сторону циклической системы и полихронной модели времени. По результатам исследования, русской языковой личности присуще смешение рабочих отношений с личными между начальником и подчиненным, прямое побуждение, категоричность, прямолинейность, грубая открытая демонстрация власти. В то же время тесные межличностные отношения и способность излить душу малознакомому человеку. С одной стороны, бесшабашность, пьянки, драки, иррациональность, расточительство с мужской стороны и женская деловитость, настойчивость, целеустремленность, с другой. Несоблюдение правил, открытое проявление эмоций, растянutosть и неопределенность во времени, невозможность контроля, непредсказуемость и безнадежность ориентация на прошлое – основные характеристики русского хронемного поведения. В целом, для русской языковой личности характерен возврат в прошлое, когда развитие каждого события повторяет другое, образуя циклический круг.

Хронемный аспект в английской маскулинной лингвокультуре так же как и в русской фемининной, характеризуется статичностью и невозможностью функционирования на уровне просодического ядра. В английской лингвокультуре отмечено преобладание признаков монокронной модели и линейной системы времени. В отличие от русской языковой личности, английская языковая личность воспринимает время линейно, и, как результат, все действия выполняются последовательно одно за другим. Благодаря монокронности хронемной системы выполняется только одно действие в один промежуток времени. В общении английская языковая личность ведет себя сдержанно, дистанцированно, не проявляет открыто эмоции, строго соблюдает правила, проявляет целеустремленность и настойчивость, предпочитает не смешивать рабочие отношения с личными. Благодаря чему возникает ощущение того, что люди изолированы друг от друга. Проявлением фемининности, на наш взгляд, выступают признаки циклической системы и полихронной модели времени – открытое проявление эмоций, большое значение прошлому, почитание традиций, прямолинейность, категоричность, тесные межличностные отношения.

Хронемная составляющая невербального поведения в китайской лингвокультуре отличается статичностью своего проявления. В китайской лингвокультуре, стремящейся в гендерной гармонии, чаще встречаются признаки циклической системы и полихронной модели времени, хотя признаки линейной системы и монокронной модели тоже присутствуют. Циклическость проявляется в смирении, повторении судьбы из поколения в поколение, неизбежности предначертанного пути, традиционно заложенном гендерном неравенстве, коллективизме и солидарности, следовании церемониалу, делении людей на «своих» и «чужих», беспрекословном подчинении отцу в ущерб своим чувствам и интересам. Специфично понимаемая гендерная гармония подразумевает наличие иерархии не только гендерной, но социальной и возрастной. Полихронность временной модели китайской лингвокультуры накладывает такие отпечатки, как тесные

межличностные отношения, смешение рабочих отношений с личными, вмешательство власти в частную жизнь человека, открытая демонстрация власти, грубость по отношению к человеку, который обладает более низким социальным статусом. Благодаря присутствию линейности и монокронности времени китайской языковой личности присуще упорство, и целеустремленность, деловитость и находчивость, пунктуальность и рационализм, сдержанное проявление эмоций, завуалированность, вежливость дистанцирования, сохранение «лица», дипломатичность.

Таким образом, хронемный компонент невербального поведения характеризуется статичностью своего проявления. Хронемные средства создают особый колорит высказыванию в целом, отражая национальную специфику, которая, в свою очередь, зависит от преобладания фемининных либо маскулинных ценностей в лингвокультуре.

Х. Динамические просодические компоненты гендерного невербального поведения.

В отношении просодических средств ситуация складывается иная. Все просодические средства – длительность, интенсивность, частота – величины динамичные. На любом отрезке просодического ядра, синтагмы, фразы, текста можно наблюдать функционирование данных средств, причем в каждой точке результат будет уникальным. Отсюда динамичность просодических средств. В русской лингвокультуре в нейтральной и эмоциональной ситуациях, в м→ж коммуникации, где мужчина – жестикулирующий, а женщина – адресат, в условиях разных и одинаковых социальных статусов зафиксированы различные показания просодических параметров как на уровне синтагмы, так и на уровне просодического ядра. В нейтральном русском общении между мужчиной и женщиной с разными социальными статусами, где мужчина социально выше, средняя длительность синтагмы составляет 1,83 секунды. В условиях общения, когда женщина выше по социальному статусу, средняя длительность синтагмы меньше – 0,62 секунды. Средняя длительность синтагмы в коммуникации

русского мужчины с женщиной в условиях одинакового социального статуса – 1,05 секунды. На уровне просодического ядра значения длительности просодического ядра различаются в зависимости от социального статуса коммуникантов. Самая большая длительность просодического ядра (0,70 сек.) зафиксирована в общении мужчины с женщиной, где мужчина выше по социальному статусу. Наименьший показатель длительности просодического ядра (0,62 сек.) встречается в общении мужчины, обладателя более низкого социального статуса, чем женщина – собеседник. В равных условиях, когда социальный статус мужчины и женщины равны, средняя длительность просодического ядра составляет 0,55 секунды. Однако, вычислив процентное содержание просодического ядра по отношению к оставшимся слогам в синтагме, приходим к выводу, что длительность как просодический параметр обладает наибольшим проявлением в русском общении между женщиной и женщиной, социальный статус которой выше, чем у мужчины. Приходим к такому умозаключению исходя из того, что в русской м→ж коммуникации, когда мужчина выше по социальному статусу, длительность просодического ядра составляет 38% от общей средней длительности синтагмы. В условиях, когда социальный статус мужчины ниже, чем у женщины, средняя длительность просодического ядра занимает 100% от общей средней длительности синтагмы. При равных социальных статусах в общении между женщиной и женщиной средняя длительность просодического ядра составляет 52% от общей средней длительности синтагмы. Среднее значение средней ЧОТ (частота основного тона) синтагмы в нейтральной русской м→ж коммуникации, где мужчина выше по социальному статусу, 124,87 Гц. В условиях, когда женщина социально выше, данное показание составляет 80,885 Гц. В общении, когда мужчина и женщина равны по социальному статусу, среднее значение средней ЧОТ по синтагме составляет 95,55 Гц. Среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра в нейтральной русской м→ж коммуникации, где мужчина выше по социальному статусу, 135,33 Гц. В общении, когда мужчина ниже по социальному статусу, среднее

значение максимальной ЧОТ просодического ядра – 90,34 Гц. В условиях равного социального статуса данный показатель составляет 117,06 Гц. Таким образом, самая значительная разница в средних показаниях среднего значения ЧОТ в синтагме и средних показаниях максимального значения ЧОТ в просодическом ядре зафиксирована в общении русского мужчины и женщины с одинаковыми социальными статусами. Иными словами, русский мужчина в условиях одинакового социального статуса с женщиной в нейтральной ситуации выделяет просодическое ядро посредством ЧОТ. Показания интенсивности также различаются в зависимости от типа общения и социального статуса коммуникантов. Среднее значение средней интенсивности в синтагме в нейтральной русской м→ж коммуникации, где мужчина выше по социальному статусу, составляет 59,34 дБ. В общении мужчины с женщиной, где женщина социально выше, данный показатель – 63,77 дБ. Когда мужчина и женщина равны по социальному статусу, среднее значение средней интенсивности по синтагме равно 64,06429 дБ. Среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра в общении мужчины и женщины, где мужчина социально выше, составляет 64,23 дБ. В условиях, когда мужчина ниже по социальному статусу, чем женщина, данное значение составляет 70,83 дБ. При равных социальных статусах среднее значение максимальной интенсивности по просодическому ядру – 66,99 дБ. Наибольшая разница в показаниях интенсивности по синтагме и просодическому ядру наблюдается в общении мужчины и женщины, когда мужчина ниже по социальному статусу. По результатам исследования, в русском эмоциональном общении между женщиной и женщиной, когда мужчина выше по социальному статусу, средняя длительность синтагмы составляет 2,07 секунды. При этом средняя длительность просодического ядра – 0,72 секунды, что в среднем составляет 35% от общей средней длительности синтагмы. В коммуникации мужчины, обладателя более низкого социального статуса, чем женщина–собеседник, зафиксирована средняя длительность синтагмы в размере 1,14 секунды, средняя

длительность просодического ядра – 0,64 секунды, или 56% от общей средней длительности синтагмы. В русском общении между мужчиной и женщиной в условиях равных социальных статусов средняя длительность синтагмы составляет 1,56 секунды, просодического ядра – 0,77 секунды, то есть 49% от общей средней длительности синтагмы. Сравнивая длительность синтагм, просодических ядер, а также процентное соотношение средней длительности просодического ядра и остальных слогов в синтагме в нейтральной и эмоциональной ситуациях, приходим к выводу, что в целом независимо от социального статуса собеседников в нейтральной ситуации процентное содержание просодического ядра выше, чем в эмоциональной ситуации, когда как средняя длительность синтагм в эмоциональной ситуации выше. В русском эмоциональном общении мужчины с женщиной, где социальный статус мужчины выше, среднее значение средней ЧОТ синтагмы составляет 156,98 Гц. При неравных социальных статусах, когда у мужчины ниже социальный статус, чем у женщины, среднее значение средней ЧОТ синтагмы составляет 160,106 Гц. В общении мужчины и женщины с равными социальными статусами среднее значение средней ЧОТ синтагмы – 124,68 Гц.

Согласно исследованию, среднее значение средней максимальной ЧОТ просодического ядра в эмоциональном общении русского мужчины с женщиной, когда социальный статус мужчины выше, составляет 209,67 Гц. В условиях общения, когда социальный статус женщины выше, чем у мужчины, среднее значение средней максимальной ЧОТ просодического ядра - 218,504 Гц. При равных статусах собеседников среднее значение средней максимальной ЧОТ просодического ядра - 151,13 Гц.

Сравнивая показания ЧОТ, приходим к выводу, что независимо от типа ситуации, социального статуса ЧОТ как просодический параметр участвует в выделении просодического ядра. Наиболее ярко выделение просодического ядра посредством ЧОТ зафиксировано в эмоциональной ситуации в общении мужчины с женщиной, социальный статус которой

выше, чем у мужчины. Интенсивность как просодический параметр также показывает свою эффективность в выделении просодического ядра. Среднее значение средней интенсивности синтагмы в эмоциональном общении русского мужчины с женщиной, статус которой ниже, чем у мужчины, равна 74,47 дБ. В общении мужчины с женщиной, статус которой выше, чем у мужчины, данные показания равны 72,37 дБ. В условиях равных социальных статусов среднее значение средней интенсивности синтагмы составляет 60,55 дБ. Среднее значение средней максимальной интенсивности просодического ядра в общении русского мужчины с женщиной, социальный статус которой ниже, равна 79,81 дБ. В общении, когда социальный статус мужчины ниже, среднее значение средней максимальной интенсивности просодического ядра составляет 74,23 дБ. В условиях равных социальных статусов среднее значение средней максимальной интенсивности просодического ядра - 65,12 дБ.

Таким образом, независимо от социального статуса, типа ситуации интенсивность показывает свою эффективность в выделении просодического ядра. Наибольшая разница в показаниях интенсивности на уровне синтагмы и просодического ядра зафиксирована в русской м→ж коммуникации в нейтральной ситуации, когда социальный статус женщины выше, чем у мужчины.

В русской м→м коммуникации просодические параметры: длительность, частота, интенсивность так же как и в других видах коммуникаций участвуют в выделении просодического ядра в 100% случаев. В нейтральной ситуации в общении двух мужчин, где социальный статус жестикулирующего коммуниканта выше, чем адресата, средняя длительность синтагмы составляет 2,22 секунды, просодического ядра 0,81 секунды. В коммуникации, где социальный статус жестикулирующего ниже, чем адресата, средняя длительность синтагмы – 3,32 секунды, просодического ядра – 0,72 секунды. В равных условиях, когда социальные статусы собеседников равны, данные показатели составляют 1,60 секунды – средняя

длительность синтагмы и 0,85 секунды средняя длительность просодического ядра. Вычислив процентное содержание просодического ядра в синтагме, приходим к выводу, что длительность как просодическое средство выделения смыслового слова наиболее четко проявляется в нейтральном общении двух русских мужчин – обладателей равных социальных статусов. Среднее значение средней ЧОТ синтагмы в общении двух русских мужчин, где социальный статус жестикулирующего мужчины выше, чем адресата, составляет 140,81 Гц. В коммуникации, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, чем адресата, данный показатель равен 113,20 Гц. В равных социальных условиях среднее значение средней ЧОТ синтагмы равно 107,55 Гц. Среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра в нейтральной русской м→м коммуникации, где социальный статус жестикулирующего выше, составляет 200,15 Гц. В мужской коммуникации, где адресат – обладатель более высокого социального статуса данный показатель равен 140,25 Гц. В равных условиях среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра составляет 150,33 Гц. Сравнивая разницу ЧОТ просодического ядра и синтагмы, приходим к выводу, что интенсивнее всего частота как средство выделения просодического ядра функционирует в мужском общении, где социальный статус жестикулирующего выше, чем адресата. Согласно исследованию, среднее значение средней интенсивности синтагмы в нейтральном общении двух русских мужчин, где обладатель более высокого социального статуса – жестикулирующий, равно 65,24 дБ. В условиях, когда социальный статус адресата выше, чем у жестикулирующего, среднее значение средней интенсивности синтагмы составляет 66,05 дБ. При равных социальных статусах данный показатель достигает 74,8 дБ. Среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра в разговоре двух русских мужчин, где жестикулирующий – обладатель более высокого социального статуса, равно 65,44 дБ. Среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра в разговоре двух русских мужчин, где адресат –

обладатель более высокого социального статуса, равняется 72,46дБ. При наличии равных социальных положений данный показатель составляет 79,63дБ. Наибольшая разница в показателях интенсивности просодического ядра и синтагмы зафиксирована в общении двух русских мужчин, где адресат – обладатель более высокого социального статуса. В эмоциональной ситуации показания длительности, частоты, интенсивности выше, чем в нейтральной ситуации. Средняя длительность синтагмы в эмоциональном общении двух русских мужчин, где социальный статус жестикулирующего выше, составляет 2,06 секунды, просодического ядра – 0,77 секунды. В условиях, когда социальный статус выше у адресата, данное показание составляет 1,65 секунды, просодического ядра – 0,65 секунды. При равных социальных статусах средняя длительность синтагмы равна 1,37секунды, просодического ядра – 0,65 секунды. Наибольшее процентное содержание просодического ядра получает как в эмоциональной, так и в нейтральной ситуации, в коммуникации двух русских мужчин с равными социальными статусами. Таким образом, делаем вывод, что тип ситуации не влияет на параметр длительности при выделении просодического ядра. Влияние оказывает социальный статус собеседников. Среднее значение средней ЧОТ синтагмы в эмоциональном общении двух русских мужчин, где социальный статус жестикулирующего выше, равно 161,51 Гц. В условиях, когда социальный статус адресата выше, данное показание составляет 267,32 Гц. При наличии равных социальных статусов среднее значение средней ЧОТ синтагмы равно 198,19 Гц. Среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра в эмоциональной русской м→м коммуникации, где социальный статус жестикулирующего выше, составляет 228,65 Гц. В условиях разных социальных статусов, когда адресат – обладатель более высокого социального статуса, данное показание составляет 358,79 Гц. В равном социальном положении среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра равно 263,31 Гц. Таким образом, вычислив разницу между ЧОТ синтагмы и просодического ядра, обнаруживаем, что

посредством ЧОТ интенсивнее выделено просодическое ядро в эмоциональном общении двух русских мужчин, где жестикулирующий обладает более низким социальным статусом. Среднее значение средней интенсивности синтагмы в эмоциональном общении двух русских мужчин, где жестикулирующий – обладатель более высокого социального статуса, составляет 67,67 дБ. В эмоциональной русской м→м коммуникации, где адресат – обладатель более высокого социального статуса, среднее значение средней интенсивности синтагмы равно 57,79 дБ. В равном социальном положении данное показание составляет 68,93дБ. Среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра в эмоциональном общении двух русских мужчин, где жестикулирующий – обладатель более высокого социального статуса, составляет 72,68 дБ. В условиях, когда социальный статус выше у адресата, данное значение составляет 63,65дБ. В общении двух мужчин равных по социальным статусам среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра равно 73,27дБ. Наибольшая разница в показаниях интенсивности синтагмы и просодического ядра зарегистрирована в русском эмоциональном общении двух мужчин, где адресат – обладатель более высокого социального статуса. Таким образом, сравнивая показания просодических параметров, отмечаем закономерность, что тип ситуации оказывает влияние на просодию в том смысле, что значения всех параметров изменяются в зависимости от эмоциональности ситуации. Однако более значимым считаем факт, что независимо от типа ситуации длительность больше участвует в выделении просодического ядра в условиях равных социальных статусов собеседников, частота как способ выделения просодического ядра более выражена в общении, когда жестикулирующий обладает более высоким социальным статусом, интенсивность большее выражение получает в условиях, когда адресат является обладателем более высокого статуса.

В нейтральном русском общении женщины с мужчиной, где жестикулирующий – женщина обладает более высоким социальным статусом,

средняя длительность синтагмы равна 0,96 секунд, просодического ядра 0,54 секунды. В условиях, когда жестикулирующий обладает более низким социальным статусом, средняя длительность синтагмы составляет 2,60 сек., просодического ядра 0,93 сек. При равных социальных статусах жестикулирующего-женщины и адресата-мужчины средняя длительность синтагмы равна 1,23 секунды, просодического ядра 0,62 секунды. По сравнению с другими слогами в синтагме наибольшее процентное содержание просодического ядра получает в общении женщины и мужчины, где женщина обладает более высоким социальным статусом. Таким образом, считаем, что длительность наиболее эффективна в выделении просодического ядра в условиях, когда женщина-жестикулирующий обладает более высоким социальным статусом, чем мужчина-адресат. Среднее значение средней ЧОТ синтагмы в нейтральном общении русской женщины с мужчиной, где женщина-жестикулирующий обладает более высоким социальным статусом зафиксирована в размере 177,77 Гц. В нейтральном общении русской женщины с мужчиной, где мужчина-адресат обладает более высоким социальным статусом, данное показание составляет 208,06 Гц. В равных социальных условиях, когда социальные статусы женщины и мужчины одинаковы, среднее значение средней ЧОТ синтагмы равно 143,16 Гц. Среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра в условиях разных социальных статусов, где жестикулирующий – обладатель более высокого социального статуса, составляет 193,02 Гц, где адресат – обладатель более высокого статуса, равно 264,23 Гц. В нейтральном общении женщины с мужчиной с равными социальными статусами данное значение составляет 300,47 Гц. Наибольшая разница в частоте между синтагмой и просодическим ядром зафиксирована в нейтральном общении женщины с мужчиной с равными социальными статусами. Таким образом, частота как средство выделения просодического ядра наиболее эффективна в русском общении женщины с мужчиной в условиях равных социальных статусов. Среднее значение средней интенсивности синтагмы в общении русской

женщины с мужчиной в условиях, когда социальный статус женщины выше, зарегистрирован в размере 61,15 дБ. Среднее значение средней интенсивности синтагмы в общении русской женщины с мужчиной, где мужчина – обладатель более высокого социального статуса, составляет 68,57 дБ. В условиях равных социальных статусов среднее значение средней интенсивности синтагмы равно 55,27 дБ. Среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра в общении русской женщины с мужчиной в условиях, когда социальный статус женщины выше, составляет 63,60 дБ. Среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра в общении русской женщины с мужчиной, где мужчина – обладатель более высокого социального статуса, равно 75,00 дБ. При наличии равных социальных статусов женщины и мужчины данное показание составляет 60,33 дБ. Наибольшая разница интенсивности в синтагме и просодическом ядре зафиксирована в общении русской женщины с мужчиной, социальный статус которого выше, чем у женщины–жестикулирующего.

В эмоциональной ситуации в общении русской женщины с мужчиной, социальный статус которого ниже, чем у женщины–жестикулирующего, средняя длительность синтагмы составляет 1,62 сек., просодического ядра - 0,68 сек. В эмоциональном общении русской женщины с мужчиной, социальный статус которого выше, чем у женщины, средняя длительность синтагмы равна 1,91 сек., просодического ядра - 0,85 сек. В общении русской женщины с мужчиной, когда социальные статусы собеседников равны, средняя длительность синтагмы составляет 2,15 сек., просодического ядра - 0,74сек. Наибольшее процентное содержание просодического ядра зафиксировано в эмоциональном общении русской женщины с мужчиной, социальный статус которого выше, чем у женщины.

Таким образом, наиболее четко длительность как способ выделения просодического ядра функционирует в условиях общения женщины с мужчиной, социальный статус которого выше, чем у женщины–жестикулирующего. Среднее значение средней ЧОТ синтагмы в

эмоциональном русском общении женщины с мужчиной, где социальный статус женщины выше, составляет 161,24 Гц. Среднее значение средней ЧОТ синтагмы в эмоциональном русском общении женщины с мужчиной, где социальный статус женщины ниже, чем у мужчины, равно 249,59 Гц. В условиях равных социальных статусов женщины и мужчины данное показание составляет 218,47 Гц. Среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра в эмоциональном русском общении женщины с мужчиной, где социальный статус женщины выше, составляет 187,56 Гц. Среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра в эмоциональной русской ж→м коммуникации, где социальный статус женщины ниже, чем мужчины, составляет 325,61 Гц. В условиях равных социальных статусов среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра равно 254,72 Гц. Наибольшая разница в частоте синтагмы и просодического ядра в зависимости от социального статуса зарегистрирована в общении русской женщины с мужчиной в условиях равных социальных статусов. Среднее значение средней интенсивности синтагмы в эмоциональном общении русской женщины с мужчиной, где социальный статус женщины выше, составляет 66,01 дБ. Среднее значение средней интенсивности синтагмы в эмоциональном общении русской женщины с мужчиной – обладателем более высокого социального статуса равно 72,03 дБ. В общении женщины с мужчиной равных по социальному статусу данное показание составляет 69,78 дБ. Среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра в эмоциональном общении русской женщины с мужчиной, где социальный статус женщины выше, составляет 68,08 дБ. Среднее значение средней интенсивности синтагмы в эмоциональном общении русской женщины с мужчиной – обладателем более высокого социального статуса равно 76,99 дБ. В общении женщины с мужчиной равных по социальному статусу данное показание составляет 74,42 дБ. Наибольшая разница в показаниях интенсивности синтагмы и просодического ядра

зарегистрирована в русском эмоциональном общении женщины и мужчины, где адресат – обладатель более высокого социального статуса.

В нейтральной ситуации в русском женском общении, где женщина-жестикулирующий обладает более высоким социальным статусом, средняя длительность синтагмы равна 3,15 секунды, просодического ядра 0,64 секунды. В нейтральной русской ж→ж коммуникации в условиях, когда женщина-адресат – обладатель более высокого социального статуса, средняя длительность синтагмы составляет 1,52 секунды, просодического ядра - 0,73 секунды. В равных условиях, когда социальный статус женщин-собеседниц равен, средняя длительность синтагмы составляет 2,45 сек., просодического ядра - 0,41 сек. По сравнению с другими слогами, наибольшее процентное содержание просодического ядра получает в нейтральной женской коммуникации, когда женщина-адресат обладает более высоким статусом. Таким образом, длительность как средство выделения просодического ядра наиболее эффективно в женской коммуникации, где жестикулирующий обладает более низким социальным статусом. Среднее значение средней ЧОТ синтагмы в нейтральной русской ж→ж коммуникации в условиях, когда женщина-жестикулирующий – обладатель более высокого социального статуса, равно 149,06 Гц. В условиях, когда женщина-жестикулирующий обладает более низким социальным статусом, данный показатель составляет 165,14 Гц. При равных социальных статусах среднее значение средней ЧОТ синтагмы равно 233,78 Гц. Среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра в нейтральном русском общении двух женщин, жестикулирующая из которых обладатель более высокого социального статуса, равно 169,09 Гц. Среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра в нейтральной ситуации в женской коммуникации в условиях, когда адресат – обладатель более высокого социального статуса, составляет 233,97 Гц. При наличии равных социальных статусов в нейтральном общении двух женщин данное показание составляет 444,99 Гц. Наибольшая разница в показаниях частоты синтагмы и просодического ядра

зафиксирована в нейтральном русском общении двух женщин, социальные статусы которых равны. Среднее значение средней интенсивности синтагмы в нейтральной русской ж→ж коммуникации в условиях, когда женщина-жестикулирующий обладает более высоким социальным статусом, равно 55,11 дБ. При наличии разницы в социальных статусах, когда женщина-адресат обладает более высоким статусом, данное показание составляет 66,47 дБ. В условиях равных социальных статусов в нейтральном русском женском общении среднее значение средней интенсивности равно 51,47 дБ. Среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра в нейтральной ситуации в женской коммуникации в условиях, когда жестикулирующий – обладатель более высокого социального статуса, составляет 58,49 дБ. При наличии разных социальных статусов, когда обладатель более высокого социального статуса – адресат, данное значение составляет 73,09 дБ. При равных социальных статусах среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра в нейтральной ситуации в женской коммуникации составляет 59,88 дБ. Наибольшая разница в показаниях интенсивности синтагмы и просодического ядра зарегистрирована в нейтральном русском общении двух женщин, социальный статус которых равен. В эмоциональной ситуации не всегда показания длительности, частоты и интенсивности выше, чем в нейтральной, хотя такая тенденция наблюдается. В эмоциональном русском общении двух женщин, жестикулирующая из которых обладает более высоким социальным статусом, средняя длительность синтагмы равна 1,57 секунды, просодического ядра - 0,71 сек. При наличии женщины-адресата с более высоким социальным статусом по сравнению с жестикулирующим данное показание равно 3,82 сек., просодического ядра - 0,77 сек. В условиях равных социальных статусов средняя длительность синтагмы составляет 1,49 секунд, просодического ядра – 0,62 секунды. Наибольшее процентное содержание просодического ядра по сравнению с другими слогами в синтагме зафиксировано в эмоциональном общении двух русских женщин в условиях, когда женщина-жестикулирующий обладает

более высоким социальным статусом. Следовательно, именно в этой коммуникации длительность как средство выделения просодического ядра наиболее эффективно. Среднее значение средней ЧОТ синтагмы в эмоциональной русской ж→ж коммуникации в условиях, когда женщина-жестикулирующий – обладатель более высокого социального статуса, равно 204,96 Гц. В условиях, когда женщина-жестикулирующий обладает более низким социальным статусом, данное показание составляет 156,42 Гц. При наличии равных социальных статусов среднее значение средней ЧОТ синтагмы зафиксировано в размере 200,08 Гц. Среднее значение максимальной ЧОТ синтагмы в эмоциональной русской ж→ж коммуникации в условиях, когда женщина-жестикулирующий – обладатель более высокого социального статуса, равно 266,67 Гц. В разговоре русской женщины с женщиной, когда социальный статус жестикулирующей ниже, среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра составляет 274,16 Гц. В условиях равных социальных статусов среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра составляет 230,42 Гц. Наибольшая разница в показаниях частоты синтагмы и просодического ядра зафиксирована в эмоциональном общении русских женщин, адресат из которых – обладатель более высокого социального статуса. Следовательно, частота как просодическое средство выделения смыслового слова наиболее эффективно функционирует в общении русских женщин, адресат из которых обладает более высоким социальным статусом. Среднее значение средней интенсивности синтагмы в эмоциональной русской ж→ж коммуникации в условиях, когда женщина-жестикулирующий обладает более высоким социальным статусом, составляет 69,56 дБ. В условиях общения двух русских женщин, когда жестикулирующая обладает более низким социальным статусом, данное показание равно 68,73 дБ. При наличии равных социальных статусов среднее значение средней интенсивности синтагмы составляет 56,42 дБ. Среднее значение максимальной интенсивности в эмоциональной русской ж→ж коммуникации в условиях, когда женщина-

жестикулирующий обладает более высоким социальным статусом, составляет 74,45 дБ. В условиях общения двух русских женщин, когда жестикулирующая обладает более низким социальным статусом, среднее значение максимальной интенсивности составляет 72,73 дБ. При наличии одинаковых социальных статусов данное показание равно 61,36 дБ. Наибольшая разница в значениях интенсивности зафиксирована в эмоциональном общении двух русских женщин, когда социальный статус жестикулирующей выше, чем адресата. Следовательно, в данных условиях интенсивность в ж→ж коммуникации получает самые благоприятные условия для выделения просодического ядра.

В маскулинной английской лингвокультуре просодические средства так же, как и в русской лингвокультуре, проявляют себя как динамичные средства. В английском нейтральном общении мужчины с женщиной, когда мужчина обладает более высоким социальным статусом, средняя длительность синтагмы составляет 1,55 секунды, просодического ядра 0,67 секунды, что занимает 43,2% синтагмы. В условиях, когда жестикулирующий мужчина социально ниже, средняя длительность синтагмы составляет 1,72 секунды, просодического ядра – 0,64 секунды, или 37,2% синтагмы. При наличии равных социальных статусов средняя длительность синтагмы зафиксирована в размере 1,27 секунды, просодического ядра – 0,60 секунды, или 37,2% синтагмы. В общении английской женщины с мужчиной, когда женщина обладает более высоким статусом, средняя длительность синтагмы равна 2,15 секунды, просодического ядра – 0,61 секунды, что занимает 28,3% синтагмы. В общении женщины с мужчиной, когда женщина социально ниже, средняя длительность синтагмы составляет 1,32 секунды, просодического ядра – 0,64 секунды, или 48,4% синтагмы. В условиях равных статусов средняя длительность синтагмы составляет 0,92 секунды, просодического ядра – 0,51 секунды, что занимает 55,4% синтагмы. В английской мужской нейтральной коммуникации, когда мужчина-жестикулирующий социально выше, средняя

длительность синтагмы составляет 1,58 секунды, просодического ядра 0,65 секунды, или 41,1% синтагмы. В условиях общения, когда адресат-мужчина социально выше жестикулирующего, средняя длительность синтагмы составляет 1,74 секунды, просодического ядра 0,67 секунды, что занимает 38,5% синтагмы. При наличии равных социальных статусов мужчин жестикулирующего и адресата средняя длительность синтагмы равна 1,17 секунды, просодического ядра – 0,59 секунды, или 50,4% синтагмы. В английском женском нейтральном общении, когда женщина-жестикулирующий социально выше женщины-адресата, средняя длительность синтагмы составляет 1,47 секунды, просодического ядра – 0,60 секунды, что занимает 40,8% синтагмы. В условиях, когда адресат-женщина социально выше, средняя длительность синтагмы равна 1,58 секунды, просодического ядра – 0,60 секунды, или 37,9% синтагмы. При наличии равных социальных статусов в нейтральном английском женском общении средняя длительность синтагмы составляет 1,45 секунды, просодического ядра – 0,78 секунды, или 53,7% синтагмы. В эмоциональном общении английского мужчины с женщиной в условиях, когда жестикулирующий-мужчина социально выше, чем адресат-женщина, средняя длительность синтагмы и просодического ядра короче, чем в нейтральной ситуации и составляет 1,45 секунды синтагма и 0,61 секунды просодическое ядро, что занимает 42% синтагмы. В условиях, когда мужчина-жестикулирующий социально ниже, средняя длительность синтагмы равна 1,86 секунды, просодического ядра – 0,67 секунды, или 36% синтагмы. При наличии равных социальных статусов мужчины и женщины средняя длительность синтагмы составляет 1,40 секунды, просодического ядра – 0,58 секунды, что занимает 41,4% синтагмы. Таким образом, в эмоциональной ситуации в общении английского мужчины с женщиной средняя длительность синтагмы и просодического ядра короче независимо от социального статуса коммуникантов. В эмоциональном общении английской женщины с мужчиной, когда жестикулирующий-женщина социально выше, средняя

длительность синтагмы равна 1,67 секунды, просодического ядра – 0,61 секунды, или 36,5% синтагмы. В условиях, когда женщина-адресат социально выше женщины-жестикулирующего в эмоциональном английском общении, средняя длительность синтагмы равна 1,07 секунды, просодического ядра – 0,62 секунды, или 57,9% синтагмы. При наличии равных социальных статусов общающихся женщин, средняя длительность синтагмы составляет 1,32 секунды, просодического ядра – 0,62 секунды, что занимает 46,9% синтагмы. В целом, в женском эмоциональном общении наблюдается такая же тенденция, как в мужском общении - средняя длительность синтагмы и просодического ядра в эмоциональном общении короче, чем в нейтральном общении. В эмоциональном английском мужском общении, когда жестикулирующий мужчина обладает более высоким социальным статусом, средняя длительность синтагмы равна 1,93 секунды, просодического ядра – 0,69 секунды, или 35,7% синтагмы. В условиях, когда мужчина-адресат социально выше, чем мужчина-жестикулирующий, средняя длительность синтагмы равна 1,92 секунды, просодического ядра – 0,68 секунды, что занимает 35,4% синтагмы. При наличии равных социальных статусов коммуникантов-мужчин средняя длительность синтагмы составляет 4,45 секунды, просодического ядра – 0,56 секунды, или 12,5% синтагмы. В эмоциональном мужском общении в английской лингвокультуре, так же как и в нейтральной ситуации, средняя длительность синтагмы и просодического ядра короче. В эмоциональной английской женской коммуникации при наличии разных социальных статусов, когда женщина-жестикулирующий социально выше, средняя длительность синтагмы равна 1,60 секунды, просодического ядра – 0,60 секунды, или 37,5% синтагмы. В женском общении, когда обладатель более высокого социального статуса женщина-адресат, средняя длительность синтагмы составляет 1,53 секунды, просодического ядра – 0,64 секунды, или 41,8% синтагмы. При наличии равных социальных статусов средняя длительность синтагмы равна 1,76 секунды, просодического ядра – 0,57 секунды, или 32,3% синтагмы.

Тенденция сокращения синтагмы и просодического ядра в эмоциональной ситуации зафиксирована и в женском общении. Согласно исследованию, наиболее четко просодическое ядро выделено в эмоциональном общении женщины с мужчиной в английской лингвокультуре в условиях, когда мужчина-адресат социально выше, чем женщина-исполнитель жеста. Менее всего смысловое слово выделено посредством длительности в эмоциональном общении мужчин в условиях равных социальных статусов. Среднее значение средней ЧОТ по синтагме в нейтральной м→ж коммуникации, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, чем у адресата-женщины составляет 156,08 Гц. В общении мужчины с женщиной, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, чем адресата-женщины, данное показание равно 133,78 Гц. При наличии равных статусов мужчины и женщины, когда исполнителем жеста является мужчина, среднее значение средней ЧОТ синтагмы зафиксировано в размере 155,62 Гц. Среднее значение максимальной ЧОТ по синтагме в нейтральной м→ж коммуникации, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, чем у адресата женщины, составляет 181,47 Гц. В общении, когда женщина-адресат социально выше исполнителя жеста – мужчины, данное значение составляет 149,02 Гц. При наличии равных социальных статусов мужчины и женщины среднее значение максимальной ЧОТ равно 211,50 Гц. Согласно исследованию, наибольшая разница в значениях ЧОТ просодического ядра и синтагмы зарегистрирована в нейтральном общении мужчины и женщины – англичан при наличии равных социальных статусов. Иными словами, в данном типе коммуникации просодический параметр ЧОТ выступает наиболее эффективным средством выделения смыслового слова. В нейтральной ж→м коммуникации, в условиях, когда социальный статус женщины – исполнителя жеста выше, чем у мужчины, среднее значение средней ЧОТ по синтагме составляет 178,95 Гц. В английском общении женщины с мужчиной, когда жестикулирующий-женщина социально ниже адресата-мужчины, данное значение равно 252,25 Гц. При наличии равных

социальных статусов среднее значение ЧОТ синтагмы составляет 198,46 Гц. Среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра в нейтральной ж→м коммуникации, когда исполнитель жеста – женщина выше социально, равно 202,17 Гц. В общении женщины с мужчиной, когда женщина обладает более низким социальным статусом, данное показание составляет 286,51 Гц. В условиях равных социальных статусов среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра составляет 224,45 Гц. По результатам исследования, наибольшая разница в показаниях ЧОТ синтагмы и просодического ядра в общении женщины с мужчиной зафиксирована, когда исполнитель жеста – женщина социально ниже адресата-мужчины. В английском нейтральном мужском общении, когда мужчина-жестикулирующий обладает более высоким социальным статусом, чем адресат-мужчина, среднее значение средней ЧОТ синтагмы равно 121,64 Гц. В английском нейтральном мужском общении, когда мужчина-адресат социально выше, чем мужчина-жестикулирующий, данное значение составляет 142,27 Гц. В условиях равных социальных статусов среднее значение средней ЧОТ синтагмы составляет 174,52 Гц. Среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра в нейтральном общении двух мужчин-англичан, когда жестикулирующий обладает более высоким социальным статусом, составляет 152,35 Гц. В условиях, когда мужчина-адресат - обладатель более высокого социального статуса, данное показание составляет 152,68 Гц. При равных социальных статусах общающихся мужчин среднее значение ЧОТ синтагмы равно 182,86 Гц. Наибольшая разница в показаниях ЧОТ синтагмы и просодического ядра зафиксирована в нейтральном мужском общении в условиях, когда жестикулирующий социально выше, чем адресат. В английском нейтральном женском общении, когда жестикулирующий социально выше, среднее значение средней ЧОТ синтагмы составляет 226,04 Гц. В условиях, когда женщина-адресат обладает более высоким социальным статусом, чем женщина-жестикулирующий, данное показание равно 186,46 Гц. При наличии равных социальных статусов

среднее значение средней ЧОТ синтагмы зафиксировано в размере 268,65 Гц. Среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра в нейтральном женском общении, когда женщина-жестикулирующий обладает более высоким социальным статусом, зарегистрировано в размере 246,01 Гц. В условиях, когда женщина-адресат социально выше, данное показание равно 212,34 Гц. При равных социальных статусах среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра составляет 291,64 Гц. Наибольшая разница в показаниях ЧОТ синтагмы и просодического ядра зафиксирована в нейтральном женском общении в условиях, когда женщина-адресат социально выше. В эмоциональной м→ж коммуникации, когда мужчина – исполнитель жеста социально выше женщины-адресата, среднее значение средней ЧОТ синтагмы равно 133,77 Гц. В общении, когда исполнитель жеста – мужчина ниже по социальному статусу, чем женщина-адресат, данное показание равно 116,02 Гц. При наличии равных социальных статусов среднее значение средней ЧОТ синтагмы составляет 160,87 Гц. Среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра в эмоциональной м→ж коммуникации, когда мужчина – исполнитель жеста социально выше женщины-адресата, составляет 158,14 Гц. В условиях, когда социальный статус женщины-адресата выше в общении мужчины с женщиной, данное показание равно 144,00 Гц. При наличии равных социальных статусов среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра составляет 179,18 Гц. Наибольшая разница в показаниях ЧОТ синтагмы и просодического ядра зафиксирована в общении мужчины с женщиной, когда женщина-адресат социально выше. В английском эмоциональном общении женщины с мужчиной, когда женщина-жестикулирующий обладает более высоким социальным статусом, среднее значение средней ЧОТ синтагмы равно 219,75 Гц. Когда женщина-жестикулирующий социально ниже мужчины-адресата в эмоциональной ситуации, среднее значение средней ЧОТ синтагмы составляет 194,44 Гц. При наличии равных социальных статусов в общении женщины с мужчиной данное показание равно 189,14 Гц. Среднее значение

максимальной ЧОТ просодического ядра в общении женщины с мужчиной, когда женщина – исполнитель жеста социально выше мужчины-адресата, составляет 199,18 Гц. В условиях равных социальных статусов женщины и мужчины среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра равно 343,14 Гц. Наибольшая разница в показаниях ЧОТ синтагмы и просодического ядра зафиксирована в эмоциональном общении женщины с мужчиной при наличии равных социальных статусов. В английской эмоциональной м→м коммуникации, когда жестикулирующий мужчина обладает более высоким социальным статусом, среднее значение средней ЧОТ синтагмы составляет 161,60 Гц. В условиях, когда адресат выше социально, данное показание равно 123,38 Гц. В равных условиях среднее значение средней ЧОТ синтагмы равно 264,78 Гц. Среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра зафиксировано в размере 192,86 Гц в эмоциональном мужском общении, когда жестикулирующий обладает более высоким социальным статусом. В условиях, когда социальный статус мужчины-адресата выше, данное показание составляет 151,99 Гц. При наличии равных социальных статусов среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра зафиксировано в размере 345,48 Гц. Наибольшая разница в показаниях ЧОТ синтагмы и просодического ядра зарегистрирована в эмоциональной м→м коммуникации в условиях равных социальных статусов. В английской эмоциональной женской ж→ж коммуникации, когда женщина-жестикулирующий социально выше, чем женщина-адресат, среднее значение средней ЧОТ синтагмы составляет 247,03 Гц. В условиях, когда адресат социально ниже, чем исполнитель жеста, данное показание равно 312,03 Гц. При равных социальных статусах коммуникантов-женщин среднее значение средней ЧОТ синтагмы равно 224,30 Гц. Среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра в эмоциональной ж→ж коммуникации, когда исполнитель жеста обладает более высоким социальным статусом, составляет 330,87 Гц. В эмоциональном общении, когда женщина-адресат обладает более низким

социальным статусом, данное показание составляет 352,39 Гц. В условиях равных социальных статусов среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра равно 257,08 Гц. Наибольшая разница в показаниях ЧОТ синтагмы и просодического ядра зарегистрирована в эмоциональной ж→ж коммуникации в условиях, когда женщина – исполнитель жеста обладает более высоким социальным статусом. Среднее значение средней интенсивности синтагмы в английской нейтральной м→ж коммуникации, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, чем социальный статус женщины-адресата, составляет 63,47 дБ. В условиях, когда социальный статус адресата-женщины выше, чем жестикулирующего мужчины, данное показание равно 55,61 дБ. При наличии равных статусов среднее значение средней интенсивности синтагмы составляет 64,46 дБ. Среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра в английской нейтральной м→ж коммуникации, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, чем социальный статус женщины-адресата, составляет 68,73 дБ. Когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, данное значение равно 59,41 дБ. При наличии равных социальных статусов среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра равно 69,22 дБ. Наибольшая разница в показаниях интенсивности синтагмы и просодического ядра зафиксирована в английском нейтральном м→ж общении, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, чем адресата-женщины. Среднее значение средней интенсивности синтагмы в английской нейтральной ж→м коммуникации, когда социальный статус жестикулирующей женщины выше, чем социальный статус мужчины-адресата, равно 53,90 дБ. В условиях, когда жестикулирующая женщина социально ниже, данное показание равно 69,96 дБ. В условиях равных социальных статусов в общении женщины и мужчины среднее значение средней интенсивности синтагмы составляет 60,87 дБ. Среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра в нейтральной ж→м коммуникации, когда социальный статус

жестикулирующей женщины выше, чем адресата-мужчины, равна 59,05 дБ. В условиях, когда социальный статус женщины – исполнителя жеста ниже, чем адресата-мужчины, среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра равно 74,37 дБ. При наличии равных социальных статусов женщины и мужчины среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра равно 64,59 дБ. Наибольшая разница в показаниях интенсивности синтагмы и просодического ядра зафиксирована в английском нейтральном ж→м общении, когда женщина – исполнитель жеста обладает более низким социальным статусом. В английском нейтральном мужском общении среднее значение средней интенсивности синтагмы составляет 71,52 дБ. В условиях, когда жестикулирующий мужчина обладает более низким социальным статусом, чем мужчина-адресат, данное показание равно 56,37 дБ. При наличии равных социальных статусов среднее значение средней интенсивности синтагмы составляет 77,12 дБ. Среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра в нейтральном мужском общении равно 76,71 дБ. Когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, чем мужчины-адресата данное показание составляет 59,62 дБ. При наличии равных социальных статусов среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра зафиксировано в размере 83,52 дБ. Наибольшая разница в показаниях интенсивности синтагмы и просодического ядра зафиксирована в английском нейтральном м→м общении, когда социальный статус общающихся мужчин равен. В английской нейтральной ж→ж коммуникации в условиях, когда социальный статус женщины – исполнителя жеста выше, чем женщины-адресата, среднее значение средней интенсивности синтагмы равно 65,21 дБ. В нейтральном женском общении, когда социальный статус выше у женщины-адресата, данное показание составляет 63,05 дБ. При наличии равных социальных статусов среднее значение средней интенсивности синтагмы зафиксировано в размере 70,79 дБ. Среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра в нейтральном женском общении, когда женщина –

исполнитель жеста обладает более высоким социальным статусом, составляет 67,86 дБ. В условиях, когда женщина-адресат социально выше женщины – исполнителя жеста, данное показание зафиксировано в размере 65,67 дБ. При наличии равных социальных статусов среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра равно 74,15 дБ. Наибольшая разница в показаниях интенсивности синтагмы и просодического ядра зафиксирована в английском нейтральном ж→ж общении, когда социальный статус общающихся женщин равен. В английском эмоциональном м→ж общении, когда социальный статус мужчины – исполнителя жеста выше, чем социальный статус адресата-женщины, среднее значение средней интенсивности синтагмы составляет 62,48 дБ. В условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, чем адресата-женщины, данное показание равно 53,94 дБ. При наличии равных социальных статусов общающихся мужчины и женщины, среднее значение средней интенсивности синтагмы равно 65,01 дБ. Среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра в эмоциональном м→ж общении, когда жестикулирующий мужчина социально выше, равно 66,51 дБ. В условиях, когда жестикулирующий мужчина социально ниже, данное показание составляет 58,36 дБ. При наличии равных социальных статусов среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра составляет 68,49 дБ. Наибольшая разница в показаниях интенсивности синтагмы и просодического ядра зафиксирована в английском эмоциональном м→ж общении, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, чем адресата-женщины. В эмоциональной ж→м коммуникации, когда женщина-жестикулирующий обладает более высоким социальным статусом, среднее значение средней интенсивности синтагмы составляет 55,98 дБ. В условиях, когда социальный статус женщины – исполнителя жеста ниже, чем адресата, дано показание равно 65,79 дБ. При наличии равных социальных статусов, среднее значение средней интенсивности синтагмы равно 62,56 дБ. Среднее значение максимальной

интенсивности просодического ядра в эмоциональном общении женщины с мужчиной, когда социальный статус женщины-жестикулирующего выше, чем мужчины-адресата, равно 59,05 дБ. В общении женщины с мужчиной, когда женщина обладает более низким социальным статусом, чем мужчина, среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра зафиксировано в размере 69,94 дБ. При наличии равных социальных статусов данное показание составляет 66,24 дБ. Наибольшая разница в показаниях интенсивности синтагмы и просодического ядра зафиксирована в английском эмоциональном ж→м общении, когда социальный статус женщины – исполнителя жеста ниже, чем мужчины–адресата. В английском эмоциональном мужском общении, когда социальный статус мужчины – исполнителя жеста выше, чем мужчины-адресата, среднее значение средней интенсивности синтагмы составляет 67,03 дБ. В условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, чем адресата, данное показание составляет 63,46 дБ. При наличии равных социальных статусов общающихся мужчин среднее значение средней интенсивности синтагмы зафиксировано в размере 75,91 дБ. Среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра в эмоциональном мужском общении, когда мужчина – исполнитель жеста обладает более высоким социальным статусом, составляет 71,58 дБ. Когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, то данное показание равно 66,39 дБ. В условиях равных социальных статусов общающихся мужчин среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра составляет 80,46 дБ. Наибольшая разница в показаниях интенсивности синтагмы и просодического ядра в эмоциональном мужском общении зарегистрирована в условиях, когда жестикулирующий мужчина социально выше, а также при наличии равных социальных статусов. В английском эмоциональном женском общении, когда социальный статус женщины – исполнителя жеста выше, чем адресата, среднее значение средней интенсивности синтагмы составляет 69,10 дБ. В условиях, когда социальный статус женщины – исполнителя жеста ниже,

данное показание зафиксировано в размере 70,52 дБ. При равных социальных статусах среднее значение средней интенсивности синтагмы составляет 69,32 дБ. Среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра в эмоциональном женском общении, когда женщина – исполнитель жеста социально выше, составляет 72,79 дБ. В условиях, когда социальный статус жестикулирующей женщины ниже, данное показание равно 74,11 дБ. При наличии равных социальных статусов общающихся женщин среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра 72,58 дБ. Наибольшая разница в показаниях интенсивности синтагмы и просодического ядра в эмоциональном женском общении зарегистрирована в условиях, когда женщина – исполнитель жеста социально выше женщины-адресата. Согласно исследованию, просодические параметры: длительность, частота основного тона и интенсивность показывают свою эффективность выделения смыслового слова в зависимости от гендера языковой личности и лингвокультуры, а также от социального статуса коммуникантов. Таким образом, длительность наиболее эффективно функционирует в английской маскулинной лингвокультуре в эмоциональном общении женщины с мужчиной, когда женщина - исполнитель жеста социально ниже мужчины-адресата. Мужчина употребляет длительность как средство выделения просодического ядра смыслового слова. Частота основного тона наиболее эффективно функционирует в английской маскулинной лингвокультуре в эмоциональном женском общении, когда женщина–исполнитель жеста социально выше женщины-адресата наряду с другими средствами использует ЧОТ для выделения просодического ядра смыслового слова. Интенсивность наиболее эффективно функционирует в английской маскулинной лингвокультуре в нейтральной мужской коммуникации, когда общающиеся мужчины социально равны друг другу.

Так же как в русской, английской лингвокультурах, в китайской лингвокультуре просодические средства проявляют себя как динамичные, функционирующие на уровне просодического ядра. В китайском

нейтральном общении мужчины с женщиной, когда жестикулирующий мужчина обладает более высоким социальным статусом, средняя длительность синтагмы составляет 1,80 секунды, просодического ядра 0,59 секунды, что составляет 32,7% синтагмы. В условиях, когда жестикулирующий мужчина обладает более низким социальным статусом, чем адресат-женщина, средняя длительность синтагмы равна 0,50 секунды, просодического ядра – 0,50 секунды, или 100% синтагмы. При наличии равных социальных статусов общающегося мужчины с женщиной средняя длительность синтагмы составляет 1,19 секунды, просодического ядра – 0,82 секунды, что составляет 68,9% синтагмы. В китайской нейтральной ж→м коммуникации не зафиксировано коммуникативных актов, когда бы женщина – исполнитель жеста была социально выше мужчины-адресата. В условиях, когда женщина – исполнитель жеста социально ниже адресата-мужчины, средняя длительность синтагмы составляет 1,11 секунды, просодического ядра – 0,54 секунды, или 48,6% синтагмы. При наличии равных социальных статусов средняя длительность синтагмы равна 0,99 секунды, просодического ядра – 0,51 секунды, что составляет 51,5% синтагмы. В китайской нейтральной м→м коммуникации, когда жестикулирующий мужчина социально выше мужчины-адресата, средняя длительность синтагмы равна 1,22 секунды, просодического ядра – 0,52 секунды, или 42,6% синтагмы. В нейтральном общении двух китайских мужчин, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, чем мужчины-адресата, средняя длительность синтагмы составляет 1,12 секунды, просодического ядра – 0,60 секунды, что составляет 53,57% синтагмы. В условиях равных социальных статусов общающихся мужчин средняя длительность синтагмы равна 1,28 секунды, просодического ядра – 0,67 секунды, или 52,3% синтагмы. В китайской нейтральной ж→ж коммуникации зафиксировано только общение в равных условиях, когда социальные статусы общающихся женщин равны. Средняя длительность синтагмы в вышеуказанных условиях равна 1,86 секунды, просодического

ядра – 0,75 секунды, или 40,3% синтагмы. В отличие от русской, английской лингвокультур, в китайской лингвокультуре в эмоциональной ситуации стабильная тенденция в сторону укорочения синтагмы и просодического ядра не наблюдается. Согласно исследованию, по сравнению с нейтральной ситуацией в эмоциональном общении средняя длительность как синтагмы, так и просодического ядра может как удлиняться, так и укорачиваться, изменяя процентное содержание просодического ядра в синтагме. В эмоциональном общении мужчины с женщиной, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, средняя длительность синтагмы составляет 1,50 секунды, просодического ядра – 0,70 секунды, что составляет 46,6% синтагмы. В условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, чем у адресата-женщины, средняя длительность синтагмы равна 0,92 секунды, просодического ядра – 0,52 секунды, или 56,5% синтагмы. При наличии равных социальных статусов общающегося мужчины с женщиной средняя длительность синтагмы составляет 1,17 секунды, просодического ядра – 0,56 секунды, или 47,8% синтагмы. В эмоциональной ж→м коммуникации, когда женщина – исполнитель жеста социально выше мужчины–адресата, равно как женщина – исполнитель жеста социально ниже адресата-мужчины, не зафиксировано ни одного случая коммуникативного акта. При наличии равных социальных статусов женщины - исполнителя жеста и мужчины–адресата, средняя длительность синтагмы равна 1,38 секунды, просодического ядра – 0,56 секунды, что составляет 40,5% синтагмы. В китайском эмоциональном мужском общении, когда жестикулирующий мужчина обладает более высоким социальным статусом, средняя длительность синтагмы составляет 1,45 секунды, просодического ядра – 0,72 секунды, или 49,6% синтагмы. В условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, чем мужчины-адресата, средняя длительность синтагмы равна 1,11 секунды, просодического ядра – 0,54 секунды, или 48,6% синтагмы. При наличии равных социальных статусов общающихся мужчин, средняя длительность

синтагмы составляет 1,19 секунды, просодического ядра – 0,63 секунды, или 52,9% синтагмы. В эмоциональном женском общении в китайской лингвокультуре не зафиксировано ни одного коммуникативного акта в условиях, когда женщина – исполнитель жеста социально выше, чем женщина-адресат, а также женщина – исполнитель социально ниже женщины-адресата. Только в равных условиях зафиксировано эмоциональное общение двух китайок. В указанных условиях средняя длительность синтагмы составляет 1,41 секунды, просодического ядра – 0,58 секунды, что составляет 41,3% синтагмы. Согласно исследованию, длительность как просодический параметр выделения смыслового слова наиболее эффективен в нейтральной ситуации в м→ж коммуникации в условиях, когда жестикулирующий мужчина обладает более низким социальным статусом, чем женщина-адресат. Меньше всего просодическое ядро выделено посредством длительности в нейтральном общении мужчины с женщиной, когда жестикулирующий мужчина социально выше адресата-женщины. Среднее значение средней ЧОТ синтагмы в нейтральной м→ж коммуникации в китайской лингвокультуре, когда мужчина – исполнитель жеста обладает более высоким социальным статусом, чем женщина-адресат, равно 224,35 Гц. В условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, чем адресата-женщины данное значение зафиксировано в размере 83,41 Гц. При наличии равных социальных статусов среднее значение средней ЧОТ синтагмы равно 224,44 Гц. Среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра в нейтральной м→ж коммуникации в китайской лингвокультуре, когда мужчина – исполнитель жеста обладает более высоким социальным статусом, чем женщина-адресат, составляет 370,91 Гц. В условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, чем адресата-женщины, данное значение зафиксировано в размере 95,13 Гц. Когда социальные статусы мужчины и женщины равны, среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра равно 338,72 Гц. Наибольшая разница в показаниях ЧОТ синтагмы и просодического ядра

зарегистрирована в нейтральной м→ж коммуникации, когда жестикулирующий мужчина обладает более высоким социальным статусом. В нейтральном общении женщины с мужчиной, когда женщина – исполнитель жеста социально выше, чем мужчина, не зафиксировано ни одного случая коммуникативного акта. В условиях, когда социальный статус женщины – исполнителя жеста ниже, чем адресата-мужчины, среднее значение средней ЧОТ синтагмы равно 240,28 Гц. При наличии равных социальных статусов данное значение составляет 234,40 Гц. Среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра в нейтральной ж→м коммуникации, когда женщина – исполнитель жеста социально ниже мужчины-адресата, равно 329,12 Гц. В условиях равных социальных статусов женщины – исполнителя жеста и мужчины-адресата, данное показание составляет 339,15 Гц. Наибольшая разница в показаниях ЧОТ синтагмы и просодического ядра в нейтральной ж→м коммуникации зарегистрирована, когда социальный статус женщины – исполнителя жеста равен социальному статусу мужчины – адресата жеста. В китайском нейтральном мужском общении, когда жестикулирующий мужчина социально выше мужчины-адресата, среднее значение средней ЧОТ синтагмы равно 252,44 Гц. В условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже собеседника, данное показание зафиксировано в размере 245,52 Гц. В общении двух китайских мужчин, когда социальные статусы коммуникантов равны, среднее значение средней ЧОТ синтагмы равно 220,34 Гц. Среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра в нейтральной м→м коммуникации, когда жестикулирующий мужчина социально выше мужчины-адресата, составляет 364,56 Гц. В условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, чем адресата, данное показание равно 385,84 Гц. При равных социальных статусах среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра составляет 369,98 Гц. Наибольшая разница в показаниях ЧОТ синтагмы и просодического ядра в нейтральной м→м коммуникации зарегистрирована, когда социальные статусы

общающихся мужчин равны. Нейтральное общение двух женщин-китаянок, в рамках данного исследования, зафиксировано только в условиях равных социальных статусов коммуникантов. В указанных условиях среднее значение средней ЧОТ синтагмы равно 256,94 Гц, среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра составляет 365,44 Гц. В китайском эмоциональном общении мужчины с женщиной, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, среднее значение ЧОТ синтагмы составляет 291,89 Гц. В общении мужчины с женщиной, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, данное показание равно 264,33 Гц. В условиях равных социальных статусов, среднее значение средней ЧОТ синтагмы зафиксировано в размере 204,35 Гц. Среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, равно 391,82 Гц. В условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, чем адресата-женщины, данное показание зафиксировано в размере 331,68 Гц. В равных социальных условиях среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра составляет 292,08 Гц. Наибольшая разница в показаниях ЧОТ синтагмы и просодического ядра в эмоциональной м→ж коммуникации, так же как и в нейтральной, зарегистрирована в условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, чем адресата-женщины. В эмоциональном общении женщины с мужчиной, в рамках данного исследования, не зарегистрировано случаев коммуникации женщины с мужчиной в условиях, когда женщина выше социально, а также когда женщина – исполнитель жеста ниже мужчины социально. Данное исследование представляет результаты женской эмоциональной коммуникации с мужчиной только в условиях равных социальных статусов. В указанных условиях среднее значение средней ЧОТ синтагмы составляет 287,99 Гц, среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра равно 390,28 Гц. В эмоциональном мужском общении в китайской лингвокультуре, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, чем статус

адресата, среднее значение средней ЧОТ синтагмы равно 273,70 Гц. В условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, чем у мужчины-адресата, данное показание равно 246,78 Гц. В равных социальных условиях, когда социальные статусы общающихся мужчин равны, среднее значение средней ЧОТ синтагмы составляет 234,90 Гц. Среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, чем статус адресата, зафиксировано в размере 371,32 Гц. В условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, данное показание составляет 365,32 Гц. В равных социальных условиях среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра равно 337,87 Гц. Наибольшая разница в показаниях ЧОТ синтагмы и просодического ядра в эмоциональной м→м коммуникации зафиксирована в условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, чем социальный статус адресата. В эмоциональном женском общении так же как и в нейтральной ситуации зафиксирована коммуникация только в условиях равных социальных статусов. В указанных условиях среднее значение средней ЧОТ синтагмы равно 277,24 Гц, среднее значение максимальной ЧОТ просодического ядра зарегистрировано в размере 353,91 Гц. Таким образом, согласно исследованию, ЧОТ как просодический параметр выделения смыслового слова наиболее эффективен в нейтральном общении двух мужчин-китайцев в условиях, когда социальные статусы общающихся мужчин равны. Среднее значение средней интенсивности синтагмы в нейтральной м→ж коммуникации, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, чем адресата-женщины, равно 74,91 дБ. В условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, чем женщины-адресата, данное показание составляет 64,90 дБ. В равных социальных условиях, когда социальные статусы жестикулирующего мужчины и адресата-женщины равны, среднее значение средней интенсивности синтагмы зафиксировано в размере 70,18 дБ. Среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра в нейтральной

м→ж коммуникации, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, чем адресата-женщины, составляет 81,05 дБ. В условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, чем адресата-женщины, данное показание составляет 69,77 дБ. В условиях равных социальных статусов среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра равно 75,28 дБ. Наибольшая разница в показаниях интенсивности синтагмы и просодического ядра в нейтральной м→ж коммуникации зарегистрирована в условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, чем адресата-женщины. В нейтральной ж→м коммуникации в условиях, когда социальный статус жестикулирующей женщины выше, чем адресата, среднее значение средней интенсивности синтагмы равно 69,10 дБ. В равных социальных условиях общающихся женщины и мужчины данное показание зафиксировано в размере 69,81 дБ. Среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра в нейтральной ж→м коммуникации в условиях, когда социальный статус жестикулирующей женщины выше, чем адресата, равно 75,34 дБ. В условиях равных социальных статусов среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра составляет 75,62 дБ. Наибольшая разница в показаниях интенсивности синтагмы и просодического ядра в нейтральной ж→м коммуникации зарегистрирована в условиях, когда социальный статус жестикулирующей женщины ниже, чем социальный статус адресата-мужчины. В нейтральной м→м коммуникации, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, чем статус мужчины-адресата, среднее значение средней интенсивности синтагмы составляет 71,36 дБ. В условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, данное показание зафиксировано в размере 69,69 дБ. В равных социальных условиях среднее значение средней интенсивности синтагмы составляет 72,98 дБ. Среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра в нейтральной м→м коммуникации, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, чем статус мужчины-адресата, равно

76,22 дБ. Когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, данное показание составляет 74,29 дБ. При наличии равных социальных статусов среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра зарегистрировано в размере 78,29 дБ. Наибольшая разница в показаниях интенсивности синтагмы и просодического ядра в нейтральной м→м коммуникации зарегистрирована в условиях, когда социальные статусы общающихся мужчин равны. В женском нейтральном общении, когда общающиеся женщины социально равны, среднее значение средней интенсивности синтагмы составляет 73,37 дБ, среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра 78,58 дБ. В эмоциональной ситуации м→ж коммуникации, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, чем адресата-женщины, среднее значение средней интенсивности синтагмы равно 74,92 дБ. В условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, чем женщины-адресата, данное показание составляет 79,24 дБ. В равных социальных условиях среднее значение средней интенсивности синтагмы равно 76,61 дБ. Среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра в эмоциональной ситуации м→ж коммуникации, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше, чем адресата-женщины, составляет 80,67 дБ. В условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, чем женщины-адресата, данное показание составляет 84,71 дБ. В условиях равных социальных статусов общающихся мужчины и женщины среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра равно 79,8 дБ. Наибольшая разница в показаниях интенсивности синтагмы и просодического ядра в эмоциональной м→ж коммуникации зарегистрирована в условиях, когда жестикулирующий мужчина социально выше адресата-женщины. В эмоциональной ж→м коммуникации в единственной ситуации общения, когда женщина исполнитель и мужчина-адресат жеста обладают равными социальными статусами, среднее значение средней интенсивности синтагмы равно 74,87 дБ, среднее значение

максимальной интенсивности просодического ядра составляет 79,91 дБ. В эмоциональном мужском общении в условиях, когда жестикулирующий мужчина обладает более высоким социальным статусом, среднее значение средней интенсивности синтагмы зарегистрировано в размере 73,29 дБ. Когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже, чем адресата, данное показание равно 71,35 дБ. В равных социальных условиях среднее значение средней интенсивности синтагмы составляет 69,95 дБ. Среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра в общении двух мужчин-китайцев, когда жестикулирующий мужчина обладает более высоким социальным статусом, равно 78,92 дБ. В условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины ниже адресата, данное показание составляет 76,94 дБ. При наличии равных социальных статусов среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра равно 75,50 дБ. Наибольшая разница в показаниях интенсивности синтагмы и просодического ядра в эмоциональной м→м коммуникации зарегистрирована в условиях, когда социальный статус жестикулирующего мужчины выше. В эмоциональном женском общении в единственно зарегистрированных равных социальных условиях двух женщин-китаянок среднее значение интенсивности синтагмы равно 68,59 дБ, среднее значение максимальной интенсивности просодического ядра составляет 74,47 дБ. Таким образом, по результатам исследования, интенсивность как просодическое средство выделения смыслового слова наиболее эффективно в нейтральном общении женщины с мужчиной в условиях, когда социальный статус женщины – исполнителя жеста ниже, чем социальный статус мужчины-адресата.

Таким образом, компоненты гендерного невербального поведения можно классифицировать как динамичные и статичные в зависимости от их функционирования. Динамичные кинесические, визуальные, тактильные, проксеменные, просодические средства характеризуются краткостью исполнения, функционируют на уровне просодического ядра и участвуют в

комплексном выделении смыслового слова. Через употребления динамичных средств проявляется социальный статус коммуникантов, тип ситуации и канал связи. Статичные кинесические, визуальные, тактильные, проксемные, хронемные средства отличаются длительностью исполнения, употребляются на сегментах более крупных, чем просодическое ядро. Они выполняют другую функцию в коммуникации, окаймляя вербальное высказывание, вносят дополнительные смыслы в коммуникацию, отражая гендерные национальные особенности лингвокультуры, социальный статус коммуникантов и канал связи.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

Предложенная аспектная модель описания гендерного невербального коммуникативного поведения включает в себя шесть основных аспектов невербального поведения: кинесический, визуальный, тактильный, проксемиальный, паралингвистический, хронемный. Данная модель позволяет исследовать функционирование указанных невербальных компонентов в естественной речи на уровне просодического ядра и уровне более крупных сегментов – синтагмы, фразы, текста. Кроме того, данная модель обеспечивает комплексное описание гендерного невербального поведения, устанавливая универсальность и специфичность на уровне лингвокультур и гендерной языковой личности, определяя влияние гендерных ценностей на коммуникативное поведение, устанавливая связь между разными составляющими невербального поведения.

Согласно представленным результатам, гендерный тип лингвокультуры непосредственно оказывает влияние на особенности национальной сочетаемости просодии с невербальными средствами, функционирующими в естественной речи. Кроме того, практическим путем было выявлено, что гендерный тип лингвокультуры накладывает отпечаток на приоритетный способ комплексного выделения смыслового слова. Чаще всего специфика невербального поведения состоит в процентном соотношении и наименовании предпочтительных средств в зависимости от преобладания ценностей маскулинного или фемининного порядка.

В отношении гендерной универсальности исследование показало, что функционирование невербальных средств в естественной речи носит идентичный характер во всех исследуемых лингвокультурах независимо от преобладания фемининных или маскулинных ценностей в лингвокультуре. В русской, в английской, в китайской лингвокультурах наиболее частотным способом выделения просодического ядра является сочетание просодии и какого-либо одного невербального средства. Чаще всего такими средствами

являются кинесические жесты. Далее по значимости выступают визуальные средства. Использование проксемных и тактильных средств как способов совместного с просодией выделения смыслового слова встречается довольно редко во всех изучаемых лингвокультурах. Хронемные средства не употребляются в выделении просодического ядра в изучаемых лингвокультурах.

Согласно исследованию, невербальное поведение гендерной языковой личности пронизано национально-гендерными особенностями лингвокультуры, представителем которой данная личность является. В целом мужчины всех исследуемых культур показали большую активность в выделении просодического ядра посредством просодических параметров и невербальных средств как в нейтральной, так и в эмоциональной ситуации. Необходимо отметить, что специфика невербального поведения гендерной языковой личности зависит от ряда факторов, в частности от типа ситуации – нейтральная или эмоциональная, канала связи - м→м, м→ж, ж→м, ж→ж коммуникация, социального статуса коммуникантов.

В зависимости от функционирования на уровне просодического ядра или синтагмы компоненты гендерного невербального поведения можно классифицировать как динамичные и статичные. Динамичные кинесические, визуальные, тактильные, проксемные, просодические средства характеризуются краткостью исполнения, функционируют на уровне просодического ядра и участвуют в комплексном выделении смыслового слова. Через употребление динамичных средств проявляется социальный статус коммуникантов, тип ситуации и канал связи. Статичные кинесические, визуальные, тактильные, проксемные, хронемные средства отличаются длительностью исполнения, употребляются на сегментах более крупных, чем просодическое ядро. Они выполняют другую функцию в коммуникации, окаймляя вербальное высказывание, вносят дополнительные смыслы в коммуникацию, отражая гендерные национальные особенности лингвокультуры, социальный статус коммуникантов и канал связи.

Заключение

Данное исследование представляет собой попытку изучения взаимодействия кинесических, паралингвистических, проксемных, тактильных, хронемных, визуальных компонентов, функционирующих в речи гендерной языковой личности – представителя определенной гендерной лингвокультуры. Изучение механизмов взаимодействия невербальных средств в речи включает несколько этапов: составление картотеки невербальных средств, акустический анализ звукового сопровождения жестов, изучение особенностей функционирования невербальных средств в лингвокультурах и в речи языковой личности с учетом гендерного фактора, исследование взаимодействия просодического ядра и синтагмы с невербальными средствами, сопоставительный анализ специфических и универсальных черт гендерного невербального поведения на уровнях лингвокультуры и гендерной языковой личности. Кроме того, в ходе исследования возникла необходимость различать динамичные и статичные невербальные средства, функционирующие на уровне просодического ядра и синтагмы. В исследовании представлена классификация невербальных средств, базирующаяся на вышеуказанном принципе.

Соблюдение гендерного подхода в рамках антропологической парадигмы исследования невербальной коммуникации позволило разработать аспектную модель описания национального невербального поведения гендерной языковой личности, поставить во главу угла обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций (Карасик, 2002) с учетом биологического пола, гендерных норм и правил коммуникативного поведения и того, что среднестатистический мужчина больше проявляет маскулинных качеств, а женщина – фемининных.

В ходе исследования было установлено, что национальные ценности лингвокультур коррелируют с национальными чертами гендерной языковой

личности. Гендерная языковая личность накапливает и отражает национально-культурные нормы и ценности в процессе коммуникативного взаимодействия, которое осуществляется вербальным и невербальным способом. Таким образом, вербальная и невербальная системы в совокупности предстают в качестве средства хранения, формирования и отражения гендерных национальных ценностей, отражающихся в коммуникативном поведении гендерной языковой личности.

Сопоставительный анализ выявил как национальную специфику, так и универсальность в гендерном невербальном поведении. Национальная специфика носит как инвентарный, так и вероятностный характер. Иными словами, существуют динамичные и статичные невербальные средства, используемые определенной гендерной национальной языковой личностью. Вероятностный характер проявляется в частотных закономерностях взаимного функционирования динамичных и статичных невербальных компонентов на уровне просодического ядра, синтагмы и сегментах крупнее. Частота и характер различий в гендерном невербальном поведении проявляется неодинаково и с разной степенью интенсивности. На степень и особенности проявления различий, обусловленных гендером, влияет целая система факторов. Нами было установлено влияние гендерного типа лингвокультуры, гендерных национальных ценностей, социального статуса коммуникантов, типа ситуации (нейтральная, эмоциональная), канала связи (м→м, м→ж, ж→м, ж→ж). Например, было отмечено, что русская гендерная языковая личность женского пола проявляет больше активности в общении с женщиной, тогда как английская и китайская языковые личности женского пола большую активность проявляют в отношении мужчины.

В отношении универсальности, исследование показало, что в целом невербальное поведение гендерной языковой личности носит универсальный характер независимо от гендерного типа лингвокультуры. Во всех исследуемых лингвокультурах выделение просодического ядра осуществляется посредством просодических параметров в 100% случаев. Во

всех исследуемых лингвокультурах возможно выделение просодического ядра сочетанием просодии и какого-либо динамичного невербального средства. Наиболее частотным способом выделения просодического ядра является сочетание просодии и какого-либо одного динамичного невербального средства. Чаще всего такими средствами выступают динамичные кинесические жесты. Далее по значимости выступают динамичные визуальные средства. Использование динамичных проксемных и тактильных средств как способов совместного с просодией выделения смыслового слова встречается довольно редко во всех изучаемых лингвокультурах. Хронемные невербальные средства не употребляются в выделении просодического ядра в изучаемых лингвокультурах. Они выступают в качестве статичных компонентов невербального поведения. Кроме того, гендерная языковая личность мужского пола во всех исследуемых лингвокультурах показала большую активность в выделении просодического ядра посредством просодических параметров и динамичных невербальных средств, как в нейтральной, так и в эмоциональной ситуации, по сравнению с гендерной языковой личностью женского пола. Более того, согласно исследованию, русская, английская, китайская гендерная языковая личность мужского пола проявляет большую активность в коммуникации с собеседником мужского пола как в нейтральной, так и в эмоциональной ситуации. Соответственно, гендерная языковая личность женского пола проявляет меньшую активность в коммуникации независимо от гендерного типа лингвокультуры.

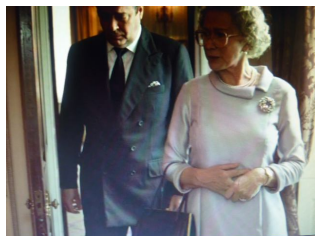
Таким образом, выявление гендерных особенностей, отраженных в невербальном поведении гендерных языковых личностей - представителей русской, английской, китайской лингвокультур, позволяет определить, какие признаки приписывают представители разных лингвокультур женщинам и мужчинам, а также те социальные нормы и оценки, которые регламентируют их гендерное поведение.

Проведенный анализ не претендует на абсолютную полноту и неоспоримость результатов. Он может быть продолжен и расширен. Представляется важным отметить перспективность исследования в данной области и возможность расширения числа исследований комплексного анализа гендерных характеристик взаимодействия вербальной и невербальной систем с привлечением данных других языков. В этом отношении существенными остаются вопросы о сочетаемости динамичных и статичных невербальных компонентов в естественной речи, о выявлении инварианта и варианта подобной сочетаемости, факторов, оказывающих влияние на взаимодействие невербальных средств.

Приложение 1

Английская драма «Королева» 2006г. Режиссер Стивен Фрирз.

Кинотрактовка закулисных взаимоотношений английской королевы Елизаветы II и премьер-министра Тони Блэра, развивающихся на фоне многочисленных проблем, возникших в связи с трагической гибелью принцессы Дианы.

сцепленные руки

часть тела: руки

активный орган: кисть

симптоматическая эмблема

морфология жеста: Жестикулирующий сцепляет руки в среднем положении (на уровне талии), прижимает руки к телу, как бы держа самого себя за руку.

семантика жеста: неуверенность, сомнения.

канал связи: Ж ⇔ М

прагматика жеста: фемининный. Жестикулирующий – королева Великобритании. После известия, что Тони Блэр выиграл в голосовании на пост Премьер Министра, идет на встречу с новоиспеченным Премьер Министром её терзают сомнения, неуверенность по поводу нового человека при дворе, она ищет поддержки и помощи, разговаривая с Робинотом Дженврином, помощником королевы о Тони Блэре.

синтаксис жеста: брови нахмурены, лоб наморщен, жестикулирующий сжимает и разжимает одну кисть другой.

звуковое сопровождение: 04.16-04.46

- He's hard one to read, / isn't he?//

- Yes, / on the one hand his background is quite establishment // He may be was tutored by the same man as the Prince of Wales.//

- Well, we'll try not to hold that against him.//

- On the other, / his manifesto promises the most radical modernization and shake up of the constitution in 300 years.//

- Oh, you mean he is going to try and modernise us?//

- I wouldn't let it past him / he's married to a woman with known anti-monarchist sympathies.//

- Его трудно разгадать, не так ли?

- Да, с одной стороны судя по биографии, он из истеблишмента. У него был тот же преподаватель, что и у Принца Уэльского.

- Это не настроит меня против него.

- С другой стороны, его программа направлена на модернизацию и перетряхиванию конституции за последние 300 лет.

- О, он захочет нас модернизировать?

- Ну, он на это способен, он женат на женщине известной своими антимонархическими взглядами...

акустический анализ просодии

№ сю	дл. сюже	кол син	дл. синта	ср. ЧОТ	средняя интенс	ядерн ое	дл. ядерног	мах. ЧОТ	мах. интенс	кан ал	эмоцио нальная	соц. стату
же та	в сек.	таг м.	гмы	синт. в Гц.	ивность синт. в Гц.	слово	о слова	ядерног о слова	ивность ядерног о слова	свя зи	окраска	с
041	29.46	12										
6-												
044												

1	2.40	163.09	56.34	to read	0.41	168.74	62.14	ж → м	эмоц.	выше →ни же
2	0.74	185.09	50.06	isn't he	0.74	327.14	55.81	ж → м	эмоц.	выше →ни же
3	1.04	151.90	51.09	yes	1.04	166.81	56.89	ж → м	нейтр	ниже →вы ше
4	2.78	112.06	56.60	establishment of Wales	0.80	139.40	62.49	ж → м	нейтр	ниже →вы ше
5	5.82	111.46	55.08	of Wales	0.77	158.95	64.16	ж → м	нейтр	ниже →вы ше
6	2.19	142.08	57.76	hold that against	0.71	165.98	65.86	ж → м	эмоц.	выше →ни же
7	0.84	133.93	60.91	on the other	0.84	196.73	67.88	ж → м	нейтр	ниже →вы ше
8	5.87	112.66	56.55	hundred years	0,88	138.66	63.74	ж → м	нейтр	ниже →вы ше
9	0.79	316.76	48.78	oh	0.79	478.39	57.39	ж → м	эмоц.	выше →ни же
10	1.59	214.76	59.00	modernize us	0.86	203.60	64.16	ж → м	эмоц.	выше →ни же
11	1.39	100.64	52.40	it past him	0.54	124.08	60.30	ж → м	нейтр	ниже →вы ше
12	3.64	95.57	56.99	monarchist sympathies	0.99	125.78	58.92	ж → м	нейтр	ниже →вы ше

сю же Т 041 6- 044 6	синта гма	вид взгляда	визуальный аспект		осн. смыс л	канал связи	эмоц окр	соц. статус
			признак взгляда	функция				
1		голова повернута в сторону адресата, пропуск взгляда	динамичный, взгляд в сторону или опущен, краткий≈3,14с.	когнитивная	запрос информации	ж → м	эмоц.	выше→ ниже
2		голова повернута в сторону адресата, пропуск взгляда	динамичный, взгляд в сторону или опущен, краткий≈3,14с.	когнитивная	запрос информации	ж → м	эмоц.	выше→ ниже
3		пропуск взгляда	статичный, взгляд опущен, краткий≈1.04с.	когнитивная	передача информации	м → ж	нейтр	ниже→ выше
4		пропуск взгляда	динамичный,	когнитив	передача	м → ж	нейтр	ниже→

			смотрит прямо перед собой или в сторону, краткий≈2.78с.	ная	информации			выше
5	односторонний взгляд		динамичный, смотрит то на адресата, то прямо перед собой, краткий≈5.82с.	когнитивная	передача информации	м → ж	нейтр	ниже→ выше
6	голова повернута в сторону адресата, пропуск взгляда		статичный, взгляд опущен, краткий≈2.19с	когнитивная	передача информации	ж → м	эмоц.	выше→ ниже
7	пропуск взгляда		статичный, смотрит прямо перед собой, краткий≈0.84с	когнитивная	передача информации	м → ж	нейтр	ниже→ выше
8	контакт глаз		статичный; краткий ≈4,11с., в момент прос. ядра жестикулирующих и адресат смотрят друг другу в глаза осознанно	когнитивная	передача информации	м → ж	нейтр	ниже→ выше
9	контакт глаз		статичный; краткий ≈4,11сек.; жестикулирующих и адресат смотрят друг другу в глаза осознанно	эмотивная	передача чувств	ж → м	эмоц.	выше→ ниже
10	контакт глаз		статичный; краткий≈4,11сек.; жестикулирующий и адресат смотрят друг другу в глаза осознанно	когнитивная	запрос информации	ж → м	эмоц.	выше→ ниже
11	контакт глаз		статичный; краткий ≈4,11сек.; в момент прос. ядра жестикулирующих и адресат прерывают контакт глаз	когнитивная	передача информации	м → ж	нейтр	ниже→ выше
12	односторонний взгляд		бросает взгляд в середине синтагмы	когнитивная	передача информации	м → ж	нейтр	ниже→ выше

		проксеимный аспект				тактильный аспект			
сюжет	синтагма	дистанция	ориентация	канал связи	эмоциональная окраска	соц. статус	тип взаимодействия	тактильные жесты	
0416-		физическая	психологич						

1	личная ≈0,75м	лична я	корпусом и лицом в одну сторону	ж → м	сдерж. эмоц.	выше→ ниже	дистантный
2	личная ≈0,75м	лична я	корпусом и лицом в одну сторону	ж → м	сдерж. эмоц.	выше→ ниже	дистантный
3	личная ≈0,75м	лична я	корпусом и лицом в одну сторону	м → ж	нейтр	ниже→ выше	дистантный
4	личная ≈0,75м	лична я	корпусом и лицом в одну сторону	м → ж	нейтр	ниже→ выше	дистантный
5	личная ≈0,50м	лична я	корпусом и лицом в одну сторону	м → ж	нейтр	ниже→ выше	дистантный
6	личная ≈0,50м	лична я	корпусом и лицом в одну сторону	ж → м	сдерж. эмоц.	выше→ ниже	дистантный
7	личная ≈0,75м	лична я	корпусом и лицом в одну сторону	м → ж	нейтр	ниже→ выше	дистантный
8	личная ≈0,75м	лична я	корпусом и лицом в одну сторону в момент просод. ядра разворачи ваются корпусом и лицом друг к другу под углом≈11 0	м → ж	нейтр	ниже→ выше	дистантный
9	личная ≈0,75м	лична я	угловая	ж → м	сдерж. эмоц.	выше→ ниже	дистантный
10	личная ≈0,75м	лична я	угловая	ж → м	сдерж. эмоц.	выше→ ниже	дистантный
11	личная ≈0,75м	лична я	угловая в момент просод ядра разворачи ваются корпусом и лицом в одну сторону	м → ж	нейтр	ниже→ выше	дистантный
12	личная ≈0,75м	лична я	корпусом и лицом в одну сторону	м → ж	нейтр	ниже→ выше	дистантный

сюжет	система времени		хронемный аспект	
	признаки линейной системы	признаки циклической системы	признаки монокронной модели	модель времени признаки полихронной модели
0416-0446	сдержанное выражение эмоций, мимикой		в сюжете развивается только одно событие – взаимоотношения английской королевы Елизаветы II и премьер-министра Тони Блэра, развивающихся на фоне многочисленных проблем, возникших в связи с трагической гибелью принцессы Дианы.	исключительно рабочие отношения

невербальное поведение во время произнесения просодического ядра и синтагмы.

сюжет	синтагма	просодическое ядро	невербальное поведение во время произнесения просод. ядра	невербальное поведение в синтагме	канал связи	эмоциональная окраска	соц. статус
0416-0446	1	to read	-	сцепленные руки, брови сведены, лоб наморщен	ж → м	эмоц.	выше→ ниже
	2	isn't he	-	сцепленные руки, брови сведены, лоб наморщен	ж → м	эмоц.	выше→ ниже
	3	yes	-	сцепленные руки, брови сведены, лоб наморщен	м → ж	нейтр	ниже→ выше
	4	establishment	-	сцепленные руки, брови сведены, лоб наморщен	м → ж	нейтр	ниже→ выше
	5	of Wales	-	сцепленные руки, брови сведены, лоб наморщен	м → ж	нейтр	ниже→ выше
	6	hold that against	-	сцепленные руки, брови сведены, лоб наморщен	ж → м	эмоц.	выше→ ниже
	7	on the other	-	сцепленные руки, брови сведены, лоб наморщен	м → ж	нейтр	ниже→ выше
	8	hundred years	контакт глаз, изменение ориентации	сцепленные руки, брови сведены, лоб наморщен	м → ж	нейтр	ниже→ выше
	9	oh	-	сцепленные	ж →		выше→

			руки, брови сведены, лоб наморщен	м	эмоц.	ниже
10	modernize us	жестикулирующий и адресат прерывают контакт глаз	сцепленные руки, брови сведены, лоб наморщен	ж → м	эмоц.	выше→ ниже
11	it past him	переводит взгляд с адресата и смотрит в пол, изменение ориентации	сцепленные руки, брови сведены, лоб наморщен	м → ж	нейтр	ниже→ выше
12	monarchist sympathies	-	сцепленные руки, брови сведены, лоб наморщен	м → ж	нейтр	ниже→ выше

Приложение 2

Китайская драма «Баня» 1999. Режиссер Ян Чжан

Это фильм об исчезающем традиционном китайском укладе, где люди живут сообща, помогают друг другу, уважают старших, преклоняются перед родителями. Баня — это маленькая копия китайского общества с его традиционными китайскими ценностями: уважение к старшим, ценность семьи, ценность общественной жизни.

улыбка

часть тела: лицо

активный орган: губы

этикетная эмблема

морфология жеста: Жестикулирующий улыбается.

семантика жеста: следование этике «сохранение лица».

канал связи: Ж ⇔ М

прагматика жеста: фемининный. Китайский этикет предписывает улыбаться в самых различных ситуациях, в том числе при сообщении трагичного известия. Женщина - соседка сообщает о больших неизбежных неприятных событиях, которые произойдут в скором будущем.

синтаксис жеста: Жест сопровождается серией жестов: непосредственно во время сообщения новости жестикулирующий совершает ряд кивков (голова поднимается вверх и опускается в нейтральное положение), поднимает брови, широко раскрывает глаза, взгляд направлен на собеседника, наблюдается небольшой наклон корпуса в сторону адресата, который затем переходит в нейтральное положение. Во время исполнения жеста взгляд направлен на адресата, глаза полуприкрыты, руки скрещены на уровне талии, корпус в нейтральном положении.

звуковое сопровождение:

这回可是**动真格**的啦 // **区**里头都开了大会了 // **说了**, // **十**月底之前呐 // **全都**的拆完了 // **您**呐, // **做**个思想准备 // **过**两天呐, // **您**也得开个**会**去 // 行, 那**您忙**着吧, 我走了 //

На этот раз все серьезно. Мы тут были на собрании района, и там сказали, что до конца октября... все снесут. Вы бы пока морально подготовились. Через пару дней сами сходите на собрание. Ну, в общем, занимайтесь, а я пойду.

акустический анализ просодии

№ сюжета	дл. сюжета в сек.	кол. синтагм	дл. синтагмы	ср. ЧОТ синт. в Гц.	средняя интенсивность синт. в Гц.	ядерное слово	дл. ядерного слова в сек.	max. ЧОТ ядерного слова	max. интенсивность ядерного слова	канал связи	эмоциональная окраска	соц. статус
0135-0156	20.69	10				是动	0.76	312.51	72.20	ж	эмоц	равн

					真				→ м		бий. – равн ый.
2	1.65	222.65	74.58	区里	0.68	374.80	85.19	ж → м	эмоц		равн ый. – равн ый.
3	0.77	220.25	71.64	说了	0.77	276.20	75.16	ж → м	эмоц		равн ый. – равн ый.
4	1.80	227.37	70.69	十月	0.51	416.24	76.36	ж → м	эмоц		равн ый. – равн ый.
5	1.13	176.29	73.29	全都	0.42	279.69	82.01	ж → м	эмоц		равн ый. – равн ый.
6	0.39	235.82	72.16	您呐	0.39	255.99	76.23	ж → м	эмоц		равн ый. – равн ый.
7	1.04	208.93	66.15	做个	0.44	313.13	72.38	ж → м	эмоц		равн ый. – равн ый.
8	0.94	233.42	67.84	过两	0.36	446.86	73.95	ж → м	эмоц		равн ый. – равн ый.
9	1.53	266.45	73.72	个会 去	0.56	478.11	83.44	ж → м	эмоц		равн ый. – равн ый.
10	1.64	272.57	78.44	您忙 着	0.54	392.82	83.98	ж → м	эмоц		равн ый. – равн ый.

сю же т 01 35 - 01 56	синта гма	вид взгляда	визуальный аспект		осн. смыс л	канал связи	эмоц окр	соц. статус
			признак взгляда	функция				
	1	взгляд в лицо	динамичный, жестикулирую щий смотрит в лицо адресату в момент просод ядра, краткий≈0.76се к.	когнитив ная	передача информа ции	ж→м	эмоц	равный. – равный.
	2	пропуск взгляда	динамичный, в момент просод ядра жестикулирую щий	когнитив ная	передача информа ции	ж→м	эмоц	равный. – равный

3	контакт глаз	ненамеренно пропускает взгляд адресата, краткий≈0.68сек. статичный, в момент просодия ядра жестикулирующих и адресат смотрят друг другу в глаза, краткий≈0.77сек.	когнитивная	передача информации	ж→м	эмоц	равный. – равный
4	совместный взгляд	динамичный, жестикулирующих и адресат смотрят друг другу в лицо, краткий≈2.93сек.	когнитивная	передача информации	ж→м	эмоц	равный. – равный
5	совместный взгляд	динамичный, жестикулирующих и адресат смотрят друг другу в лицо, краткий≈2.93сек.	когнитивная	передача информации	ж→м	эмоц	равный. – равный
6	взгляд в лицо	статичный, жестикулирующих смотрит в лицо адресату в момент просодия ядра, краткий≈0.39сек.	когнитивная	передача информации	ж→м	эмоц	равный. – равный
7	взгляд в лицо	статичный, жестикулирующих смотрит в лицо адресату, краткий≈3.51сек.	когнитивная	передача информации	ж→м	эмоц	равный. – равный
8	взгляд в лицо	статичный, жестикулирующих смотрит в лицо адресату, краткий≈3.51сек.	когнитивная	передача информации	ж→м	эмоц	равный. – равный
9	взгляд в лицо	статичный, жестикулирующих смотрит в лицо адресату, краткий≈3.51сек.	когнитивная	передача информации	ж→м	эмоц	равный. – равный
10	совместный взгляд	динамичный, жестикулирующих и адресат смотрят друг другу в лицо, краткий≈1.64сек.	когнитивная	передача информации	ж→м	эмоц	равный. – равный

сюжет	синтагма	проксеимный аспект				эмоциональная окраска	соц. статус	тактильный аспект	
		дистанция		ориентация	канал связи			тип взаимодействия	тактильные жесты
		физическая	психологич						
0135-0156	1	личная ≈0.75м	социальная	угловая	ж→м	эмоц	равный. – равный.	дистантный	
	2	личная ≈0.75м	социальная	угловая	ж→м	эмоц	равный. – равный.	дистантный	
	3	личная ≈0.75м	социальная	корпусам и и лицами друг к другу	ж→м	эмоц	равный. – равный	дистантный	
	4	личная ≈0.75м	социальная	корпусам и и лицами друг к другу	ж→м	эмоц	равный. – равный	дистантный	
	5	личная ≈0.75м	социальная	угловая	ж→м	эмоц	равный. – равный	дистантный	
	6	личная ≈0.75м	социальная	угловая	ж→м	эмоц	равный. – равный	дистантный	
	7	личная ≈0.75м	социальная	угловая	ж→м	эмоц	равный. – равный	дистантный	
	8	личная ≈0.75м	социальная	угловая	ж→м	эмоц	равный. – равный	дистантный	
	9	личная ≈0.75м	социальная	угловая	ж→м	эмоц	равный. – равный	дистантный	
	10	личная ≈0.75м, увеличение расстояния	социальная	угловая	ж→м	эмоц	равный. – равный	дистантный	

сюжет	хронемный аспект			модель времени
	система времени	признаки монохронной модели	признаки полихронной модели	
	признаки линейной системы	признаки циклической системы		
0135-0156		циклическость проявляется в смирении, неизбежности	вежливость, следование этике «сохранение лица»	в сюжете происходит развитие двух событий: судьба человека и судьба страны на заре грандиозных изменений традиционного уклада жизни, мировоззрения китайца под влиянием Запада. тесные межличностные отношения, коллективизм

невербальное поведение во время произнесения просодического ядра и синтагмы.

сюжет	синтагма	просодическое ядро	невербальное поведение во время произнесения просод. ядра	невербальное поведение в синтагме	канал связи	эмоциональная окраска	соц. статус
0135-0156							
	1	是动真	головой кивает на бумаги	руки скрещены, улыбка	ж→м	эмоц	равный. – равный.
	2	区里	отводит взгляд в сторону	руки скрещены, улыбка	ж→м	эмоц	равный. – равный
	3	说了	широко раскрывает глаза	руки скрещены, улыбка	ж→м	эмоц	равный. – равный
	4	十月	-	руки скрещены, улыбка	ж→м	эмоц	равный. – равный
	5	全都	движение головой	руки скрещены, улыбка	ж→м	эмоц	равный. – равный
	6	您呐	-	руки скрещены, улыбка	ж→м	эмоц	равный. – равный
	7	做个	движение головой вверх	руки скрещены, улыбка	ж→м	эмоц	равный. – равный
	8	过两	-	руки скрещены, улыбка	ж→м	эмоц	равный. – равный
	9	个会去	-	руки скрещены, улыбка	ж→м	эмоц	равный. – равный
	10	您忙着	-	-	ж→м	эмоц	равный. – равный

Приложение 3

Русская драма «Дом ветра» Режиссер Вячеслав Златопольский, 2011

Фильм «Дом ветра» - рассказ о простой русской женщине Таисье Левшиной, которая работает дворничихой в инфекционной больнице. Вот уже десять лет, как на южной границе пропал ее сын, и только теперь женщина получает известие о том, что он погиб.

взгляд исподлобья

часть тела: голова

активный орган: глаза

симптоматическая эмблема

морфология жеста: жестикулирующий хмурит брови и смотрит на адресата исподлобья.

семантика жеста: гнев.

канал связи: М ⇔ М

прагматика жеста: маскулинный. Жестикулирующий пришел в управу разговаривать на счет детской больницы, которую собираются закрывать. Начальник говорит, что ничего нельзя сделать, что больницу все равно закроют, на что жестикулирующий ведет себя враждебно, повышая голос и смотря исподлобья.

синтаксис жеста: взгляд искоса, говорят на повышенных тонах.

звуковое сопровождение: - Ты **знаешь**, кто этот долбаный, уверенный в себе господин?!// **Знаешь!**?!//

- И знать **не хочу!** //А ты **знаешь?**?!//

- **Не знаю,**// никто **не знает,** //или объяснить толком **не хочет.**// Сейчас такая порода **личностей** многозначительных появилась.// Они **явились** неизвестно откуда,// **воротят** что хотят,// все перед ними **трепещут,** //а мне говорят не лезь, это не **твой уровень.**//

- Гриш, я на прием записался к **министру**//

- **Когда** примет?//

- Месяца через **два.**//

-ФФФ, и **смех** и грех, //Степаныч, все бумаги уже подписаны, через неделю, другую как раз бумагу и **получишь**//

- Бумагу на **что?**//

- Временное расформирование учреждения на период капре**монта**// по настоятельной рекомендации технад**зора**// Я пытался помочь, Степаныч, **честно,** но// ...

акустический анализ просодии

№ сю	дл. сю	кол. в сю	дл. синта	ср. ЧОТ	средняя интенс	ядерн ое слово	дл. ядерног о слова	тах. ЧОТ	тах. интенс	кан ал	эмоцио нальная окраска	соц. стату
30	15.72	21										
30												
-												
31												

1	3.67	365.54	78.18	ты знае шь	0.79	471.32	81.96	м → м	эмоц.	выше -
2	0.98	407.89	78.03	знае шь	0.98	498.46	83.63	м → м	эмоц.	выше -
3	1.72	316.39	78.05	не хочу	0.77	525.53	80.98	м → м	эмоц.	ниже -
4	1.24	101.14	76.18	а ты знае шь	1.24	111.97	80.44	м → м	эмоц. сдерж.	ниже -
5	1.24	164.51	75.85	не знаю	1.24	225.81	81.20	м → м	эмоц.	выше -
6	1.54	143.18	75.48	не знает	0.53	155.28	81.53	м → м	эмоц. сдерж.	выше -
7	2.44	145.14	75.76	не хочет	0.43	138.34	80.40	м → м	эмоц. сдерж.	выше -
8	3.09	134.01	77.32	личн остей	0.62	171.24	83.18	м → м	эмоц. сдерж.	выше -
9	1.80	265.54	77.93	явил ись	0.55	381.88	81.27	м → м	эмоц.	выше -
10	1.77	235.03	74.97	ворот ят	0.55	329.70	80.45	м → м	эмоц.	выше -
11	1.32	262.05	77.13	что трепе щут	0.50	238.22	82.53	м → м	эмоц.	выше -
12	2.58	169.96	77.12	твой урове нь	0.51	207.69	82.13	м → м	эмоц. сдерж.	выше -
13	2.28	103.68	76.34	мини стру	0.80	106.17	80.92	м → м	эмоц. сдерж.	ниже -
14	3.51	99.20	72.70	когд а прим ет	0.47	161.61	80.01	м → м	эмоц. сдерж.	выше -
15	1.37	107.97	75.50	через два	0.63	93.84	80.87	м → м	эмоц. сдерж.	ниже -
16	1.22	144.66	75.73	и смех и	0.57	214.97	82.06	м → м	эмоц. сдерж.	выше -
17	5.55	175.35	77.08	полу чишь	0.61	212.58	82.85	м → м	эмоц. сдерж.	выше -
18	1.14	123.29	75.25	на что	0.72	121.96	81.34	м → м	эмоц. сдерж.	ниже -
19	4.53	217.16	77.61	капре монт а	1.06	211.99	81.09	м → м	эмоц.	выше -
20	2.68	230.94	77.46	надзо ра	0.80	218.30	81.90	м → м	эмоц.	выше -

21	3.28	136.39	75.18	честн о	0.55	219.13	81.73	М М → М	эмоц. сдерж.	ниже выше - ниже
----	------	--------	-------	------------	------	--------	-------	------------------	-----------------	---------------------------

сю же т 30 30 - 31 31	синта гма	вид взгляда	визуальный аспект		осн. смыс л	канал связи	эмоц окр	соц. статус
			признак взгляда	функция				
	1	прямой взгляд	статичный; краткий ≈4,65; пристальный	эмотивна я	передача чувств	М → М	эмоц.	выше- ниже
	2	прямой взгляд	статичный; краткий ≈4,65; пристальный	эмотивна я	передача чувств	М → М	эмоц.	выше- ниже
	3	контакт глаз	статичный; краткий ≈1,72сек.; жестикულიрующ ий и адресат смотрят друг другу в глаза осознанно, в момент произнесения жестикულიрующ им просодического ядра, адресат отводит взгляд в сторону.	эмотивна я	передача чувств	М → М	эмоц.	ниже- выше
	4	прямой взгляд	статичный; краткий ≈1,24; пристальный	контроли рующая	сдержива ет эмоции	М → М	эмоц. сдерж.	ниже- выше
	5	контакт глаз	статичный; краткий ≈1,72сек.; жестикულიрующ ий бросает взгляд на адресата в момент произнесения просодического ядра	контроли рующая	сдержива ет эмоции	М → М	эмоц.	выше- ниже
	6	прямой взгляд	статичный; краткий ≈3,98сек.; пристальный	контроли рующая	сдержива ет эмоции	М → М	эмоц. сдерж.	выше- ниже
	7	прямой взгляд	статичный; краткий ≈3,98сек.; пристальный	контроли рующая	сдержива ет эмоции	М → М	эмоц. сдерж.	выше- ниже
	8	контакт глаз	статичный; краткий	контроли рующая	сдержива ет эмоции	М → М	эмоц. сдерж.	выше- ниже

		≈0,36сек.; жестикулирую щий и адресат смотрят друг другу в глаза осознанно на последнем слове в синтагме					
9	прямой взгляд	статичный; продолжительн ый ≈7,47сек.;	эмотивна я	передача чувств	м → м	эмоц.	выше- ниже
10	прямой взгляд	пристальный статичный; продолжительн ый ≈7,47сек.;	эмотивна я	передача чувств	м → м	эмоц.	выше- ниже
11	прямой взгляд	пристальный статичный; продолжительн ый ≈7,47сек.;	эмотивна я	передача чувств	м → м	эмоц.	выше- ниже
12	прямой взгляд	пристальный статичный; продолжительн ый ≈7,47сек.;	эмотивна я	передача чувств	м → м	эмоц. сдерж.	выше- ниже
13	контакт глаз	пристальный статичный; продолжительн ый ≈19,6сек.;	жестикулирую щий и адресат смотрят друг другу в глаза осознанно	контроли рующая	контроль над адресато м	эмоц. сдерж.	ниже- выше
14	контакт глаз	пристальный статичный; продолжительн ый ≈19,6сек.;	жестикулирую щий и адресат смотрят друг другу в глаза осознанно	контроли рующая	контроль над адресато м	эмоц. сдерж.	выше- ниже
15	контакт глаз	пристальный статичный; продолжительн ый ≈19,6сек.;	жестикулирую щий и адресат смотрят друг другу в глаза осознанно	контроли рующая	контроль над адресато м	эмоц. сдерж.	ниже- выше
16	контакт глаз	пристальный статичный; продолжительн ый ≈19,6сек.;	жестикулирую щий и адресат смотрят друг другу в глаза осознанно	контроли рующая	контроль над адресато м	эмоц. сдерж.	выше- ниже
17	контакт глаз	пристальный статичный; продолжительн ый ≈19,6сек.;	жестикулирую щий и адресат смотрят друг	контроли рующая	контроль над адресато м	эмоц. сдерж.	выше- ниже

18	контакт глаз	другу в глаза осознанно статичный; продолжительный $\approx 19,6$ сек.; жестикулирующих и адресат смотрят друг другу в глаза осознанно	контролирующая	контроль над адресатом	м \rightarrow м	эмоц. сдерж.	ниже-выше
19	контакт глаз	другу в глаза осознанно статичный; продолжительный $\approx 19,6$ сек.; жестикулирующих и адресат смотрят друг другу в глаза осознанно	контролирующая	контроль над адресатом	м \rightarrow м	эмоц.	выше-ниже
20	прямой взгляд	статичный; продолжительный $\approx 5,96$ сек.; пристальный	контролирующая	контроль над адресатом	м \rightarrow м	эмоц.	выше-ниже
21	прямой взгляд	статичный; продолжительный $\approx 5,96$ сек.; пристальный	контролирующая	контроль над адресатом	м \rightarrow м	эмоц. сдерж.	выше-ниже

сюжет	синтагма	проксе́мный аспект			эмоциональная окраска	соц. статус	тактильный аспект	
		дистанция	ориентация	канал связи			тип взаимодействия	тактильные жесты
		физическая	психологич					
30								
30								
-								
31								
31								
1	личная $\approx 0,30$ м	личная	угловая	м \rightarrow м	эмоц.	выше-ниже	дистантный	
2	личная $\approx 0,30$ м	личная	угловая	м \rightarrow м	эмоц.	выше-ниже	дистантный	
3	личная $\approx 0,30$ м	личная	угловая	м \rightarrow м	эмоц.	ниже-выше	дистантный	
4	личная $\approx 0,30$ м	личная	угловая	м \rightarrow м	эмоц. сдерж.	ниже-выше	дистантный	
5	личная $\approx 0,30$ м	личная	угловая	м \rightarrow м	эмоц.	выше-ниже	дистантный	
6	личная $\approx 0,30$ м	личная	угловая	м \rightarrow м	эмоц.	выше-ниже	дистантный	
7	личная $\approx 0,30$ м	личная	угловая	м \rightarrow м	эмоц. сдерж.	выше-ниже	дистантный	
8	личная $\approx 0,30$ м	личная	угловая	м \rightarrow м	эмоц. сдерж.	выше-ниже	дистантный	
9	личная $\approx 0,30$ м	личная	угловая	м \rightarrow м	эмоц.	выше-ниже	дистантный	

10	личная ≈0,30м	лична я	угловая	м → м	эмоц.	выше- ниже	дистантный
11	личная ≈0,30м	лична я	угловая	м → м	эмоц.	выше- ниже	дистантный
12	личная ≈0,30м	лична я	угловая	м → м	эмоц. сдерж.	выше- ниже	дистантный
13	личная ≈0,30м	лична я	корпусом и лицом к друг другу	м → м	эмоц. сдерж.	ниже- выше	дистантный
14	личная ≈0,30м	лична я	корпусом и лицом к друг другу	м → м	эмоц. сдерж.	выше- ниже	дистантный
15	личная ≈0,30м	лична я	корпусом и лицом к друг другу	м → м	эмоц. сдерж.	ниже- выше	дистантный
16	личная ≈0,30м	лична я	угловая	м → м	эмоц. сдерж.	выше- ниже	дистантный
17	личная ≈0,30м	лична я	угловая	м → м	эмоц. сдерж.	выше- ниже	дистантный
18	личная ≈0,30м	лична я	угловая	м → м	эмоц. сдерж.	ниже- выше	дистантный
19	личная ≈0,30м	лична я	угловая	м → м	эмоц.	выше- ниже	дистантный
20	личная ≈0,30м	лична я	угловая	м → м	эмоц.	выше- ниже	дистантный
21	личная ≈0,45м	лична я	угловая	м → м	эмоц. сдерж.	выше- ниже	дистантный

сюжет	хронемный аспект			
	система времени		модель времени	
	признаки линейной системы	признаки циклической системы	признаки монохронной модели	признаки полихронной модели
		развитие каждого события повторяет другое, образуя циклический круг. Трагическая судьба Николая Левшина повторяется в судьбе больницы, при чем в обоих случаях акцент ставится на невозможность контроля, непредсказуемость, безнадежность с употреблением в речи пассива, безличных		в сюжете происходит развитие нескольких событий одновременно – судьба Николая Левшина, судьба его матери Таисии Левшиной, судьба Темы Амеева, судьба больницы для вичинфицированных детей

конструкций: "...
пришли и забрали",
" Сейчас такая
порода личностей
многозначительных
появилась. Они
явились неизвестно
откуда, воротят что
хотят, все перед
ними трепещут".
Цикличность
проявляется и в
судьбе Таисии
Левшиной,
женщине, которая
потеряла родного
сына и выхаживала
чужого смертельно
больного ребенка.

открытое
проявление эмоций
растянутость во
времени "месяца
через два через
неделю, другую",
неопределенность

смешение рабочих отношений с
личными между начальником и
подчиненным, категоричность,
прямолинейность

невербальное поведение во время произнесения просодического ядра и синтагмы.

сюжет	синтагма	просодическое ядро	невербальное поведение во время произнесения просод. ядра	невербальное поведение в синтагме	канал связи	эмоциона льная окраска	соц. статус
3030- 3131	1	ты знаешь	движение головой вперед	повышенный тон голоса, наклон корпуса к адресату, глаза широко раскрыты, серия мелких кивков	м → м	эмоц.	выше- ниже
	2	знаешь	движение головой вперед	повышенный тон голоса, наклон корпуса к адресату, глаза широко раскрыты, серия мелких кивков	м → м	эмоц.	выше- ниже
	3	не хочу	-	взгляд исподлобья, повышенный тон голоса, гримаса	м → м	эмоц.	ниже- выше

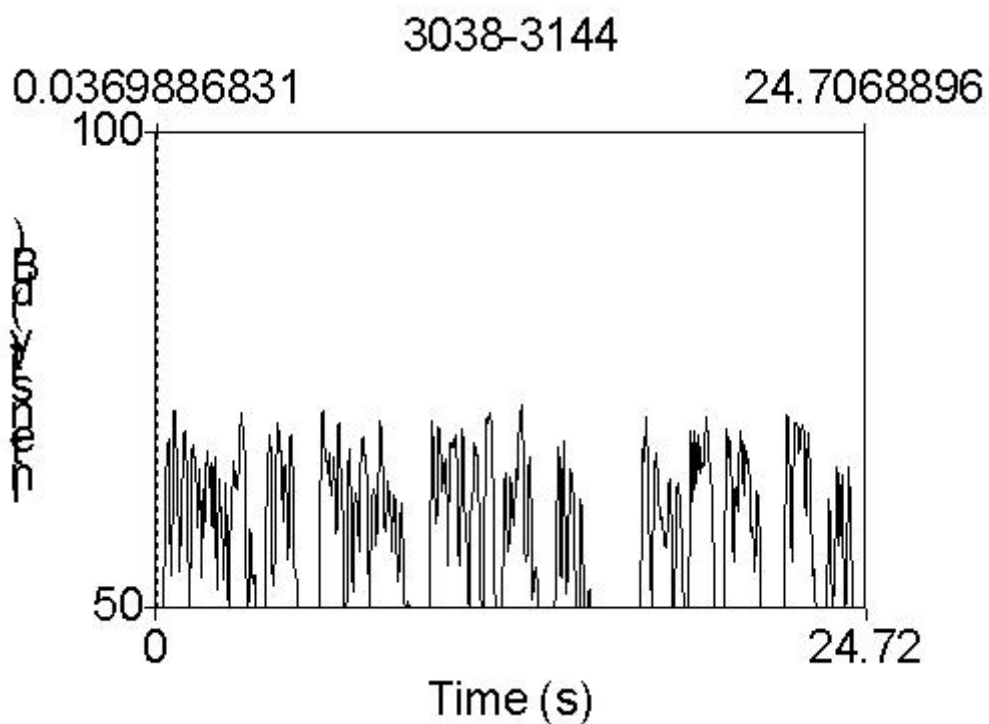
4	а ты знаешь	движение головой вверх	взгляд исподлобья	м → м	эмоц. сдерж.	ниже- выше
5	не знаю	бросает взгляд на адресата	повышенный тон голоса	м → м	эмоц.	выше- ниже
6	не знает	-	периодически вытягивает шею вперед	м → м	эмоц.	выше- ниже
7	не хочет	-	периодически вытягивает шею вперед	м → м	эмоц. сдерж.	выше- ниже
8	личностей	мелкое движение головой в сторону	периодически вытягивает шею вперед	м → м	эмоц. сдерж.	выше- ниже
9	явились	мелкое движение головой в сторону	периодически вытягивает шею вперед	м → м	эмоц.	выше- ниже
10	воротят что	-	серия мелких кивков	м → м	эмоц.	выше- ниже
11	трещут	-	серия мелких кивков	м → м	эмоц.	выше- ниже
12	твой уровень	-	серия мелких кивков	м → м	эмоц. сдерж.	выше- ниже
13	министру	-	брови приподняты	м → м	эмоц. сдерж.	ниже- выше
14	когда примет	движение головой вперед		м → м	эмоц. сдерж.	выше- ниже
15	через два	глаза сужены, нос наморщен		м → м	эмоц. сдерж.	ниже- выше
16	и смех и	-	выдох	м → м	эмоц. сдерж.	выше- ниже
17	получишь	кивок	серия мелких кивков	м → м	эмоц. сдерж.	выше- ниже

18	на что	-		м → м	эмоц. сдерж.	ниже- выше
19	капре монта	движение головой вниз	серия мелких кивков, собранные в шепоть пальцы совершают движения вниз- вверх	м → м	эмоц.	выше- ниже
20	над зора	слегка отстраняется назад	серия мелких кивков	м → м	эмоц.	выше- ниже
21	честно	движение головой вниз	выдох	м → м	эмоц. сдерж.	выше- ниже

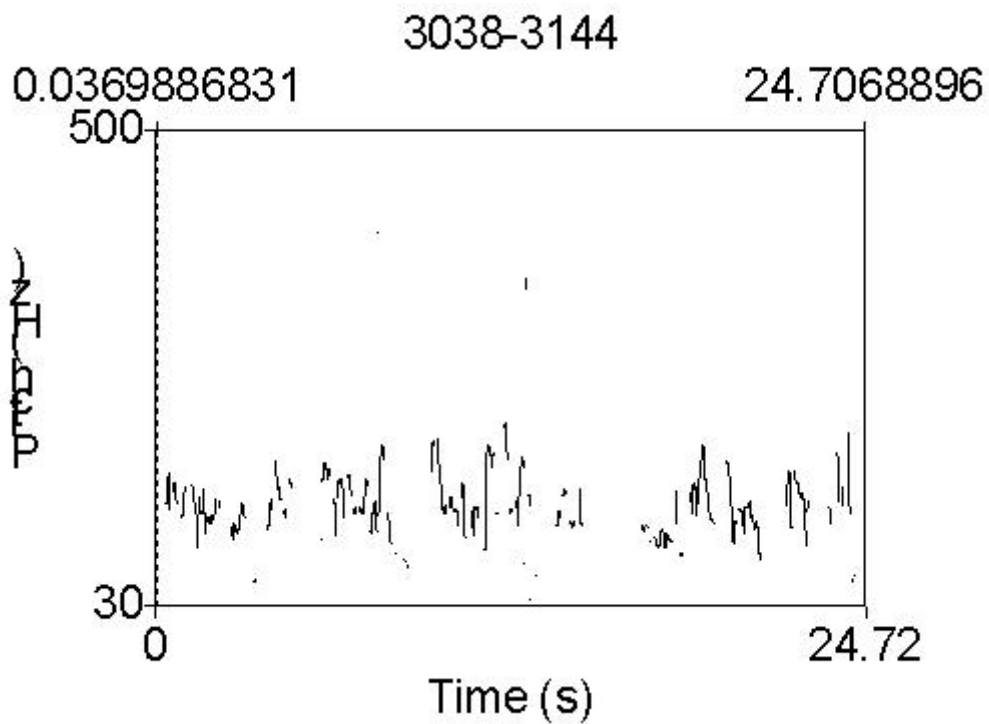
Приложение 4

Графики акустического анализа звукового сопровождения.

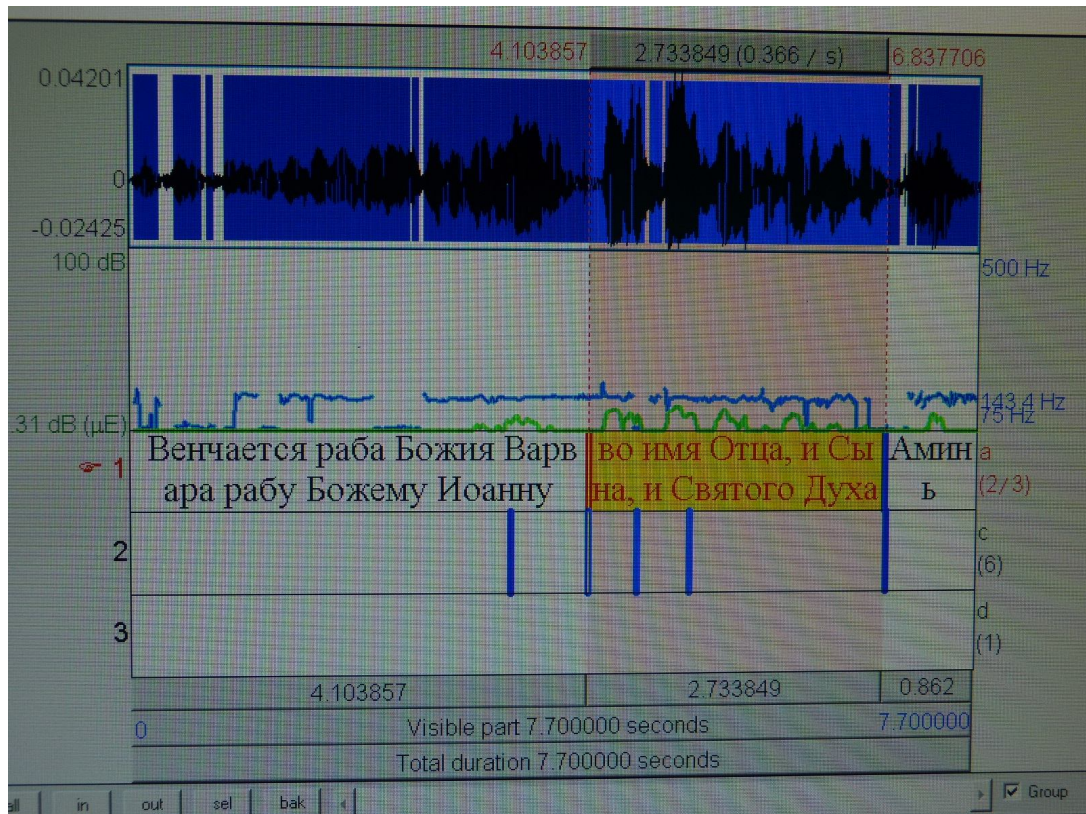
Интенсивность.

Частота основного тона

Текстовое сопровождение.
TextGrid.

Приложение 5

Результаты исследования гендерных особенностей невербального поведения

Уровень лингвокультуры.

русские фильмы

7 фильмов, общая продолжительность 14,3 часа

все го яде р	измен ения в повед ении в ядре	один спосо б выдел ения	два и более спосо ба выдел ения	нейтр.	эмоц.	кинесическое		визуальное		проксеимное		тактильное	
						нейтр.	эмоц.	нейтр.	эмоц.	нейтр.	эмоц.	нейтр.	эмоц.
69	348 –	304 –	44 –	68 –	280 -	306 – 88%		53 – 15%		18 – 5%		19 – 5%	
3	50%	87%	13%	20%	80%								
						голова –	голова –	контакт	контакт	увел.	измени	0	пощечин
						31 – 9%;	100 –	глаза –	глаз – 23	дистанци	е		а – 5 -
						кивок –	29%;	12 –	– 7%;	и – 2 –	ориентац		1%;
						22 – 6%;	кивок –	3%;проп	взгляд в	0,6%	ии – 14 –		толкать –
						др.движ.г	53 – 15%;	уск	лицо – 17		4%;		2 - 0,6%;
						оловой –	др.движ.г	взгляда –	– 5%;		сокращен		хватать
						9 – 3%;	оловой –	2 – 0,5%;	избегани		ие дист. –		за руки –
						рука – 15	47 – 14%;	взгляд в	е взгляда		2 – 0,6%;		2 - 0,6%;
						– 4%;	брови –	лицо – 1	– 5 – 1%;		увел		пинать –
						брови – 6	16 – 5%;	– 0,3%	одностор		дист. – 1		2 - 0,6%;
						– 2%;	плечи – 6		онний		– 0,3%		удар по
						плечи – 1	– 2%;	шея	взгляд –				голове –
						– 0,3%;	– 5 – 1%;		2 – 0,6%				1 - 0,3%;
							рука – 83						хватать
							– 24%						за
													грудки –

1 - 0,3%;
 хватать
 за
 волосы –
 1 - 0,3%;
 хватать
 за
 шиворот
 – 1 -
 0,3%;
 удар по
 спине – 1
 - 0,3%;
 прижима
 ется к
 адресату
 – 3 –
 0,9%;
 прижима
 ть руку
 адресата
 к своей
 груди – 1
 - 0,3%.

английские фильмы

7 фильмов, общая продолжительность 10,32 часа

все	измен	один	два и	нейтр.	эмоц.	кинесическое	визуальное	проксемное	тактильное
го	ения в	спосо	более						
яде	повед	б	спосо						
р	ении в	выдел	ба						
	ядре	ения	выдел						
			ения						

10 54	444 – 42%	401 – 90%	43 – 10%	143 – 32%	301 – 68%	364 – 82%	92 – 21%	20 – 5%	13 – 3%				
						нейтр. голова – 57 – 13%; кивок – 31 – 7%; др. движ. головой – 26 – 6%; брови – 13 – 3%; шея – 4 – 1%; нос – 1 – 0,2; поклон – 2 – 0,5%; руки – 22 – 5%	эмоц. голова 130 – 29%; кивок – 52 – 12%; др. движ. головой – 78 – 18%; брови – 36 – 8%; руки – 61 – 14%;	нейтр. контакт глаз – 15 – 3%; в лицо – 11 – 2%; избегани е взгляда – 3 – 0,7%; пропуск взгляда – 3 - 0,7%; одностор онний взгляд – 4 – 0,9%; совместн ый взгляд – 1 – 0,2%	эмоц. контакт глаз – 17 – 4%; взгляд в лицо – 20 – 5%; пропуск взгляда – 5 – 1%; избегани е взгляда – 8 – 2%; одностор онний взгляд – 1 – 0,2%; совместн ый взгляд – 1 - 0,2%.	нейтр. сокращен ие дистанци и – 3 – 0,7%; изменени е ориентац ии – 4 – 0,9%	эмоц. увел. дистанци и – 5 – 1%; сокр.дист анции – 3 – 0,7%; изменени е ориентац ии – 8 – 2%;	нейтр. рукопож атие – 6 – 1,4%; прикосн ование к руке – 1 – 0,2%; объятия – 1 - 0,2%; прикосн ование к руке - 1 - 0,2%; пощечин а - 1 - 0,2%; толкать - 1 - 0,2%; встрягну ть за плечи - 1 - 0,2%;	эмоц. объятия – 2 – 0,5%; тянуть за уши – 2 - 0,5%; рукопож атие – 1 - 0,2%; прикосн ование к лицу - 1 - 0,2%; пощечин а - 1 - 0,2%; толкать - 1 - 0,2%; встрягну ть за плечи - 1 - 0,2%;

китайские фильмы

7 фильмов, общая продолжительность 11,84 часа

все го	измен ения в	нейтр .	эмоц .	один способо	два и более	кинесическое	визуальное	проксемное	тактильное
-----------	-----------------	------------	-----------	-----------------	----------------	--------------	------------	------------	------------

яде р	повед ении в ядре	б выдел ения	способа выделе ния	236 – 80%	50 – 17%	11 - 4%	15 – 5%				
75 5	295 – 39%	132 – 45%	163 – 55%	268 – 91%; нейтр. – 128 – 96%; эмоц. – 140 – 86%	2- 23 – 8%; 3 – 2 – 1%; нейтр. – 7 – 4%; эмоц. – 23 – 14 %						
				нейтр. голова – 48 - 16%; кивок – 22 – 7,4%; прочие дв. головой – 26 – 9%; рука – 52 – 18%; брови – 2 – 0,6%	эмоц. голова – 50 – 17%; кивок – 21 – 7%; прочие дв. головой – 29 – 10%; руки – 65 – 22%; брови – 5 – 2%; язык – 1 - 0,3%	нейтр. взгляд в лицо – 10 3%; контакт глаз – 4 – 1,3%; избегани е взгляда – 3 – 1%; одностор онний взгляд – 1 – 0,3%;	эмоц. взгляд в лицо – 26– 9% контакт глаз – 1 – 0,3%; избегани е взгляда – 2 – 0,6%; одностор онний взгляд – 2 – 0,6%	нейтр. сокр.дист анции – 2 – 0,6%; увел. дистанци и – 2 – 0,6%; меняет ориентац ию в простран стве – 6 – 2%	эмоц. сокр. дис – 1 - 0,3%; ориентац ия – 6 - 2%	нейтр. хлопает по плечу – 1 - 0,3%; тычет пальцем в адресата – 1 - 0,3%; рукопож атие – 1 - 0,3%; прикосн овение к руке - 1 - 0,3%; прикосн овение к щеке - 1	эмоц. дергает руку – 1 -0,3%; щелчок по носу – 1 -0,3%; тычет пальцем в лоб - 1 -0,3%; подзатыл ьник – 2 -0,6%; толкает адресата -1 -0,3%; прикосн овение к руке – 2 - 0,6%;хва

-0,3%; тает за
шиворот
-1 -0,3%;
хватает
за
галстук -
1 -0,3%;
прикосн
овение к
плечу - 1
-0,3%;

Приложение 6

Результаты исследования гендерных особенностей невербального поведения

Уровень гендерной языковой личности.

Приложение 6а русская языковая личность

вс ег о яд ер 69 3	изменения в поведении в ядре				один способ выделения				два и более способа выделения				нейтр.				эмоц.			
	м → ж	м → м	ж → ж	ж → ж	м → ж	м → м	ж → ж	ж → ж	м → ж	м → м	ж → ж	ж → ж	м → ж	м → м	ж → ж	ж → ж	м → ж	м → м	ж → ж	ж → ж
	348 – 50%				304 – 87%				44 – 13%				68 – 20%				280 - 80%			
	77	13	72	85	6	11	64	67	10 –	17	5 -	14 -	17 –	23 –	21 –	22 –	58 –	108 –	49 –	59 –
	–	4 –	–	–	5	5 –	–	–	3%	–	1%	4%	5%	7%	6%	6,3%	17%	31%	14%	17%
	22	39	21	24	–	33	18	19				5%								
	%	%	%	%	1	%	%	%												
					9															
					%															

взаимодействие кинесических компонентов с просодией

306 – 88%

нейтр.				эмоц.											
м→ж		м→м		ж→м		ж→ж		м→ж		м→м		ж→м		ж→ж	
голова – 4 –	1%	брови – 3 –	0,9%	кивок -10 –	3%	брови – 2 -	0,6%	руки – 18 –	5%	брови – 5 –	1,4%	голова – 8 –	2%	голова – 9 -	2,6%
		голова – 3 –	0,9%	голова – 1 –	0,3%	голова – 3 -	0,9%								

кивок – 4 – 1%	рука – 5 – 1,4%	рука – 7 – 2%	рука – 3 - 0,9%	развести руками – 1 - 0,3%	кукиш – 1 - 0,3%	рука – 9 – 2,6%	рука – 15 – 4%
руки – 4 – 1%	кивок – 6 – 1,7%	плечи – 2 – 0,6%	кивок – 13 – 3,7%	руки в боки – 1 - 0,3%	голова – 19 – 5%	поклон – 2 – 0,6%	кивок – 9 – 2,6%
брови – 2 – 0,6%	поклон – 1 – 0,3%	брови – 3 - 0,9%	плечи – 1 - 0,3%	голова – 10 – 3%	руки – 26 – 7%	растянуть рот – 1 - 0,3%	шея – 1 - 0,3%
	моргать – 1 - 0,3%			брови – 8 – 2%	шея – 2 – 0,5%	кивок – 4 – 1%	брови – 1 - 0,3%
	улыбка – 1 - 0,3%			кивок – 7 – 2%	кивок – 27 – 7%	брови – 1 - 0,3%	удар кулаком по столу – 1 - 0,3%
				чесать	плечи – 4 – 1%	плечи – 1 - 0,3%	удар кулаком по шапке – 1 - 0,3%
				затылок – 1 - 0,3%	бросить нож – 1 - 0,3%	шея – 1 - 0,3%	удар кулаком по голове – 1 - 0,3%
					удар в грудь – 1 - 0,3%	убрать волосы от лица – 1 - 0,3%	бросить сумку – 1 - 0,3%
					наморщить нос – 1 - 0,3%	сжать губы – 1 - 0,3%	
						расширить ноздри – 1 - 0,3%	

взаимодействие визуальных компонентов с просодией

53 – 15%

нейтр.				ЭМОЦ.			
М→Ж	М→М	Ж→М	Ж→Ж	М→Ж	М→М	Ж→М	Ж→Ж
контакт глаз – 4 – 1%	пропуск взгляда – 1 - 0,3%		взгляд в лицо – 2 – 0,6%	контакт глаз – 9 – 2,6%	контакт глаз – 6 – 2%	взгляд в лицо – 5 – 1,4%	взгляд в лицо – 5 – 1,4%
пропуск взгляда – 1 – 0,3%	контакт глаз – 4 - 1%		контакт глаз – 4 - 1%	взгляд в лицо – 4 – 1%	односторонний взгляд – 2 - 0,6%	контакт глаз – 5 - 1,4%	контакт глаз – 4 - 1%
взгляд в лицо –	взгляд в лицо –				взгляд в лицо –	избегание взгляда – 3 -	односторонний взгляд – 1 -

1 - 0,3%

1 - 0,3%

3 – 0,9%
избегание
взгляда – 1 -
0,3%

0,9%

0,3%
избегание
взгляда – 1 -
0,3%

взаимодействие проксемных компонентов с просодией

18 – 5%

нейтр.

эмоц.

м→ж
изменение
ориентации – 1
– 0,2%

м→м

ж→м
увеличение
дистанции – 1
– 0,2%

ж→ж

м→ж
изменение
ориентации – 5
– 1,4%
уменьшение
дистанции – 2
– 0,6%

м→м
изменение
ориентации – 4
– 1,1%
увеличение
дистанции – 1 -
0,2%

ж→м
изменение
ориентации – 4
– 1,1%

ж→ж
изменение
ориентации – 4
– 1,1%

взаимодействие тактильных компонентов с просодией

19 – 5%

нейтр.

эмоц.

м→ж

м→м

ж→м

ж→ж

м→ж

м→м
пинать – 2–
0,6%
удар в лоб – 2–
0,6%
схватить за
грудки – 1 -
0,2%
схватить за
руку – 1 - 0,2%
пощечина – 4
схватить за
шиворот – 1 -
0,2%

ж→м
пощечина – 1 -
0,2%

ж→ж
толкать – 1 -
0,2%
прикосновение
к руке – 1 -
0,2%
хватать за
волосы - 2–
0,6%

шлепок по
спине – 1 -
0,2%

Приложение 6б английская языковая личность

вс ег о яд ер 10 54	изменения в поведении в ядре				один способ выделения				два и более способа выделения				нейтр.				эмоц.			
	444 – 42%				401 – 90%				43 – 10%				143 – 32%				301 – 68%			
	м → ж	м → м	ж → м	ж → ж	м → ж	м → м	ж → ж	ж → ж	м→ ж	м →	ж→ м	ж→ ж	м→ ж	м→м	ж→м	ж→ж	м→ж	м→м	ж→м	ж→ж
	14 8 – 33 %	18 5 – 42 %	10 0 – 23 %	29 – 6,5 %	1 3 4	17 1 – 39 %	88 – 20 %	23 – 5%	14 – 3%	14 – 3%	9 – 2%	8 – 1,8%	55 – 12%	46 – 10%	38 – 8,5%	15 – 3,4%	94 – 21%	139 – 31%	61 – 14%	16 – 3,6%
				3 0 %																

взаимодействие кинесических компонентов с просодией

364 – 82%

нейтр.				эмоц.			
м→ж	м→м	ж→м	ж→ж	м→ж	м→м	ж→м	ж→ж
брови – 2 – 0,5%	поклон – 1 - 0,2%	скрестить руки – 1 - 0,2%	брови – 2 - 0,5%	голова – 27 – 6%	кивок – 20 – 4,5%	голова – 18 – 4%	брови – 4 - 0,9%
голова – 9 – 2%	кивок – 13 – 3%	брови – 6 – 1,4%	кивок – 6 - 1,4%	голова – 2 - 0,5%	рука – 26 – 5,8%	кивок – 9 - 2%	руки – 1 - 0,2%
наморщить нос – 1 –	руки – 5 – 1,1%	голова – 8 – 1,8%	прикосновение ко рту – 1 - 0,2%	брови – 9 - 2%	рука – 11 - 2,5%	брови – 9 - 2%	кивок – 4 - 0,9%
	руки в боки – 1 - 0,2%	развести руками – 1 - 0,2%		кивок – 22 –			

0,2%	пальцем – 5 -	кивок – 3 - 0,7%	5%	голова – 36 –	рука – 9 - 2%	голова – 3 -
кивок – 11 –	1,1%	руки – 1 - 0,2%	шея – 1 - 0,2%	8%	разводить	0,7%
2,5%	голова – 10 –	корпус – 4 – 0,9%	бросить	шея – 1 - 0,2%	руками – 2 -	кривит рот –
шея – 2 -	2,2%	шея – 2 - 0,5%	полотенце – 1	руки в	0,5%	1 - 0,2%
0,5%	брови – 3 – 0,7%	кулаки вниз – 1 -	- 0,2%	карманах – 1 -		
поклон – 1 -		0,2%	гримаса – 1 -	0,2%	наморщен нос	
0,2%			разводить	– 1 - 0,2%		
рука – 2 -			руками – 1 -	указывать		
0,5%			0,2%	пальцем – 2 -		
разводить				0,5%		
руками – 1 -				пружинить		
0,2%				выпрямиться		
указывать				– 4 - 0,9%		
пальцем – 2						
- 0,5%						

взаимодействие визуальных компонентов с просодией

92 – 21%

нейтр.				ЭМОЦ.			
м→ж	м→м	ж→м	ж→ж	м→ж	м→м	ж→м	ж→ж
контакт глаз –	взгляд в лицо –	контакт глаз –	избегание	пропуск	взгляд в лицо –	контакт глаз –	контакт глаз –
9 – %	1 - %	3 - %	взгляда – 1 - %	взгляда – 1 - %	11 – %	5– %	2 - %
односторонний	контакт глаз –	избегание	односторонний	избегание	совместный	односторонний	взгляд в лицо –
взгляд – 2 - %	4 - %	взгляда – 2 - %	взгляд – 1 - %	взгляда – 5– %	взгляд – 1 - %	взгляд – 1 - %	3 - %
взгляд в лицо –		взгляд в лицо –	контакт глаз –	взгляд в лицо –	контакт глаз –	избегание	пропуск
7 – %		1 - %	1 - %	7 - %	5– %	взгляда – 5– %	взгляда – 1 - %
				контакт глаз –	избегание	взгляд в лицо –	избегание
				5 – %	взгляда – 3- %	1 - %	взгляда – 1 - %
						пропуск	
						взгляда – 1 - %	

взаимодействие проксемных компонентов с просодией

20– 5%

нейтр.				ЭМОЦ.			
М→Ж	М→М	Ж→М	Ж→Ж	М→Ж	М→М	Ж→М	Ж→Ж
изменение ориентации – 3 - %				увеличение дистанции – 2- %	изменение ориентации – 4- %	изменение ориентации – 3 - %	
сокращение дистанции - 2- %				изменение ориентации – 1- %	увеличение дистанции - 3	увеличение дистанции - 1- %	
				сокращение дистанции - 1- %			

взаимодействие тактильных компонентов с просодией

13 – 3%

нейтр.				ЭМОЦ.			
М→Ж	М→М	Ж→М	Ж→Ж	М→Ж	М→М	Ж→М	Ж→Ж
объятия – 1- прикосновение к руке – 1- % рукопожатие - 1- %		рукопожатие – 2 - %	рукопожатие - 4- %	прикосновение к лицу – 1- % объятия – 1- % встряхнуть адресата за плечи - 1- %	рукопожатие - 1- %	объятия – 2 - % толкать – 1- % пощечина – 1- % тянуть за уши – 2 - %	прикосновение к руке - 1- %

Приложение 6в
китайская языковая личность

вс ег о яд ер 75 5	изменения в поведении в ядре								один способ выделения				два и более способа выделения				нейтр.		эмоц.	
	295 – 39%								268 – 91%				25 – 9%				132 – 45%		163 – 55%	
	м →	м →	ж →	ж →	м →	м →	ж →	ж →	м→ ж	м →	ж→ м	ж→ ж	м→ ж	м→м	ж→м	ж→ж	м→ж	м→м	ж→м	ж→ж
	69	19	44	13	6	17	36	11	6 –	21	8 –	-	34 –	93 –	13 –	5 –	35 –	108 –	31 –	6 –
	–	8 –	–	–	1	7 –	–	–	2%	–	2,7%		12%	32%	4%	1,7%	12%	37%	10,5%	2%
	23	67	15	4%	–	60	12	3,7		7%										
	%	%	%		2	%	%	%												
					1															
					%															

взаимодействие кинесических компонентов с просодией

236 – 80%

нейтр.				эмоц.			
м→ж	м→м	ж→м	ж→ж	м→ж	м→м	ж→м	ж→ж
движение рук – 19 – 6,4%	движение рук – 31 – 10,5%	движения головой – 7 – 2,4%	движения рук – 1 – 0,3%	движения рук – 17 – 5,8%	движения рук – 55 – 18,6%	движения рук – 7 – 5,8%	движения головой – 1 – 0,3%
кивок – 2 – 0,6%	движения головой – 17 – 5,8%	движения рук – 4 – 1,3%	движения головой – 2 – 0,6%	брови – 1 – 0,3%	кивок – 15 – 5%	движения головой – 8 – 2,7%	движения рук – 1 – 0,3%
движения головой – 4	брови – 2 – 0,6%	кивок – 1 – 0,3%		движения головы – 2 – 0,6%	движение головы – 23 – 7,8%	кивок – 2 – 0,6%	кивок – 1 – 0,3%

- 1,3% шея – 1- 0,3%
 поклон - 2 - 0,6%

кивок – 6 –
 2%

взаимодействие визуальных компонентов с просодией

50 – 17%

нейтр.				ЭМОЦ.			
М→Ж	М→М	Ж→М	Ж→Ж	М→Ж	М→М	Ж→М	Ж→Ж
взгляд в лицо – 1 – 0,3%	взгляд в лицо – 3 – 1%	контакт глаз – 1 – 0,3%	взгляд в лицо – 1 – 0,3%	односторонний взгляд – 1– 0,3%	взгляд в лицо – 2 – 0,6%	взгляд в лицо – 5 – 1,7%	избегание взгляда – 1– 0,3%
контакт глаз - 1 – 0,3%	пропуск взгляда – 1– 0,3%	взгляд в лицо – 3– 1%	пропуск взгляда - 1– 0,3%	взгляд в лицо - 1– 0,3%	контакт глаз – 2 – 0,6%	избегание взгляда – 2 – 0,6%	взгляд в лицо – 1 – 0,3%
	совместный взгляд – 2 – 0,6%				избегание взгляда – 1– 0,3%		прямой взгляд – 1– 0,3%
	односторонний взгляд – 1– 0,3%				односторонний взгляд - 2		контакт глаз - 1– 0,3%
	контакт глаз - 2– 0,6%						

взаимодействие проксемных компонентов с просодией

11 - 4%

нейтр.				ЭМОЦ.			
М→Ж	М→М	Ж→М	Ж→Ж	М→Ж	М→М	Ж→М	Ж→Ж
увеличение дист. – 1 - 0,3%	изменение ориентации – 5 -1,7%	-	-	изменение ориентации – 1 - 0,3%	сокр. дистанции – 1 - 0,3%	изменение ориентации – 2 - 0,6%	-
изменение ориентации – 1 - 0,3%	сокращение дистанции – 2 - 0,6%				изменение ориентации – 3 – 1%		
	увеличение дист. – 1 - 0,3%						

взаимодействие тактильных компонентов с просодией

15 – 5%

	нейтр.			ЭМОЦ.			
М→Ж	М→М	Ж→М	Ж→Ж	М→Ж	М→М	Ж→М	Ж→Ж
-	рукопожатие – 1 – 0,3%	прикосновение к щеке – 1 – 0,3%	хлопает по плечу – 1 – 0,3%	прикосновение к руке – 1 – 0,3%	прикосновение к плечу – 1 – 0,3%	толкает адресата -1– 0,3%	-
	прикосновение к руке - 1– 0,3%				хватает за галстук – 1 – 0,3%	подзатыльник – 1 – 0,3%	
					хватает за шиворот -1 – 0,3%	тычет пальцем в лоб – 1 – 0,3%	
					прикосновение к руке – 1– 0,3%		
					подзатыльник – 1 – 0,3%		
					щелчок по носу – 1 – 0,3%		
					дергает руку – 1 – 0,3%		

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абубикова, Н.И. Что такое "гендер"? Текст. / Н.И. Абубикова // Общественные науки и современность, 1996 - №6. – С.123-125.
2. Айвазова, С.К. К истории феминизма Текст. / С.К. Айвазова // Общественные науки и современность. 1992 - №6. – С. 153-168.
3. Алексахин, А.Н. Алфавит китайского языка Путунхуа: Буква-фонема-звук речи-слог-слово Текст. / А.Н. Алексахин. - издательство: АСТ, Восток-Запад, ВКТ, 2008. – 184 с.
4. Антонова, О.О. Проблема философско-методологических оснований гендерных исследований Текст. : дис. . канд. филос. наук: 09.00.08. / О.О. Антонова – М.: РГБ, 2004. – 160 с.
5. Афонасенко, Е. Особенности этнического самосознания современных китайцев / Е. Афонасенко [Электронный ресурс]. - Систем. требования: IBM PC; Windows XP; Acrobat Reader 8.0. – Режим доступа: <http://www.turcentr.tomsk.ru/site/111/Provedeniepere> - (Дата обращения: 23.01.2012).
6. Бадмаева, Е.С. Концептуальные пространства маскулинности и фемининности Текст. : автореф. дис. . фил. наук: 10.02.19. / Е.С. Бадмаева. – Иркутск, 2010. - 193 с.
7. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику Текст. : учеб. пособие / А.Н. Баранов. — М.: Эдиториал УРЧСС, 2001. - 360 с.
8. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика Текст. / Р. Барт. - М., 1994. – 616 с.
9. Батлер, Дж. Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о "постмодернизме" Текст. // Введение в гендерные исследования. Ч.II: Хрестоматия. / Под ред. С.В. Жеребкина. - Харьков-СПб., 2001. – С. 235-258.
10. Батлер, Дж. Психика власти: теории субъекции Текст. / Пер. Завена Баблюяна. Харьков - СПб., 2002. – 168с.

11. Баулина, В. Роль национального стиля в переговорном процессе (на примере стран азиатско-тихоокеанского региона) Текст. / В. Баулина // М.: Власть - № 11. – 2008. - С. 106-108.
12. Беляева, А.Ю. Особенности речевого поведения мужчин и женщин: на материале русской разговорной речи Текст: дис. канд. фил. наук: 10.02.01. / А.Ю. Беляева. – Саратов, 2002 – 177с.
13. Бем, С. Трансформация дебатов о половом неравенстве Текст. // Феминизм и гендерные исследования. Хрестоматия. - Тверь, 1999.
14. Бергельсон, М.Б. Межкультурная коммуникация как исследовательская программа: лингвистические методы изучения кросс-культурных взаимодействий Текст. / М.Б. Бергельсон // Вестник Московского университета. Сер. 19. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – М.: Изд-во МГУ. – № 4. - 2001. – С. 166-178.
15. Бергер, П., Лукман, Т Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания Текст. / Пер. с англ. - М.: Медиум, 1995. – 323с.
16. Бовуар, С. Второй пол Текст. / Т. 1 и 2, Пер. с франц.- М: Прогресс, СПб: Алетейя, 1997. – 832с.
17. Богин, Г.И. Современная лингводидактика Текст: учебное пособие / Г.И. Богин. - Калинин, КГУ, 1980. – 61 с.
18. Богин, Г. И. Концепция языковой личности Текст.: автореф. дис. . д-ра филол. наук / Г. И. Богин. — М., 1982. — 36 с.
19. Богин, Г.И. Типология понимания текста Текст. /Г.И. Богин. - Калинин: Изд-во КГУ,1986. - 86 с.
20. Брайдотти, Р. Путем номадизма Текст. // Введение в гендерные исследования Ч. II: Хрестоматия. / Под ред. С.В. Жеребкина. - Харьков-СПб., 2001. – С. 136-164.
21. Бурукина, О. А. Проблема культурно детерминированной коннотации в переводе Текст: / дис. . кан. фил. наук: 10.02.20 / О.А. Бурукина – М., 1998. - 281с.

22. Бутовская, М.Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека) Текст. / М.Л. Бутовская – М.: Научный мир, 2004. – 440с.
23. Ван Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация Текст. / Т.А. Ван Дейк - Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с.
24. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов Текст. / А. Вежбицкая - М.: Языки славянской культуры, 2001—288 с.
25. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание Текст. / А. Вежбицкая - М., 1996 - 416 с.
26. Верещагин, Е.М. Костомаров, В.Г. Язык и культура Текст. / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1990 – 248с.
27. Виткин, Дж. Правда о женщинах Текст. / Дж. Виткин. - Издательство: Питер, 1996 – 154с.
28. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки Текст. / Е.М. Вольф - М., 1985 – 228с.
29. Владимирова, Т.Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации Текст. /Т.Е. Владимирова – М.: КомКнига, 2007. – 154с.
30. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании Текст. / С.Г. Воркачев // Филологические науки 2001. - № 1. - С. 64-72.
31. Воронина О.А., Клименкова Т.А. Гендер и культура // Феминизм и гендерные исследования. Хрестоматия. - Тверь, 1999.
32. Ганина В.В. Невербальные компоненты коммуникации, отражающие эмоциональные реакции человека: гендерный аспект Текст: дис. . фил. наук: 10.02.04. / В.В. Ганина. – М.: РГБ, 2005. – 199с.
33. Гетте, Е.Ю. Речевое поведение в гендерном аспекте: проблемы теории и методики описания Текст: дис. . канд. фил. наук: 10.02.19. / Е.Ю. Гетте. – Воронеж, 2004. – 248с.

34. Горелов, И.Н., Седов, К.Ф. Основы психолингвистики Текст. / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2001. – 304с.
35. Горошко, Е.И. Особенности мужского и женского вербального поведения (Психолингвист. анализ) Текст: дис. . канд. фил. наук: 10.02.19 / Е.И. Горошко. – М., 1996. – 179с.
36. Горошко, Е. И. Гендер и жанр (попытка рефлексии) Текст. / Е. И. Горошко, А. Н. Саенко // Жанры речи 4: сб. науч. статей. Саратов: Изд-во ГосУНЦ Колледж, 2005. - С. 123 - 136.
37. Городникова, М.Д. Гендерный аспект как фактор речевого регулирования Текст. / М.Д. Городникова // Гендер: язык, культура, коммуникация. Москва: МГЛУ, 1999.-С. 33-34.
38. Гофман, И. Гендерный дисплей Текст // Введение в гендерные исследования Ч. II: Хрестоматия. / Под ред. С.В. Жеребкина. - Харьков-СПб., 2001. – С. 306-336.
39. Гримшоу, Д. Идея "женской этики" Текст / Д. Гримшоу // Феминизм: Восток. Запад. Россия: сб. ст. М., 1993. – С. 8-29.
40. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. – М.: Академия, 2006. – 336с.
41. Гриценко, Е.С. Язык как средство конструирования гендера Текст: дис. . док. фил. наук: 10.02.19. / Е.С. Гриценко. – Нижний Новгород, 2005. – 405с.
42. Глущенко, Т.С. Национально-специфические компоненты кинесического общения китайской лингвокультурной общности в свете теории лакун на фоне англо-американских и русских жестов Текст: дис. . канд. фил. наук: 10.02.19 / Т.С. Глущенко. – Благовещенск, 2006. – 192с.
43. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации: курс лекций / Д.Б. Гудков.– М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
44. Дворкин, А. Геноцид или китайское бинтование ног Текст. // Антология гендерной теории. / А. Дворкин. — Минск: Пропилеи, 2000, - 383с.

45. Девятков, А. Красный дракон. Китай и Россия в XXI веке Текст. / А. Девятков - М.: Алгоритм, 2002. - 288 с.
46. Делёз, Ж. Логика смысла Текст. / Пер. с фр. Я. И. Свирский. — М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая кн., 1998.
47. Деррида, Ж. Конец книги и начало письма Текст. / Ж. Деррида // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. Томск, 1998. - С. 219-224.
48. Донец, П.Н. Основы общей теории межкультурной коммуникации: научный статус, понятийный аппарат, языковой и неязыковой аспекты, вопросы этики и дидактики: монография Текст. / П.Н. Донец. – Харьков: Штрих, 2001. – 386 с.
49. Дробижева, Л.М. О тенденциях в этническом самосознании русских на рубеже последнего десятилетия XX века Текст. / Л.М. Дробижева // Современные этнические процессы в СССР и СФРЮ. -М.: Политиздат. - 1992. -287 с.
50. Жак Деррида в Москве Текст. Пер. с фр. и англ./ Предисл. М. К. Рыклина. — М.: РИК «Культура», 1993.— 208 с.
51. Жеребкина, И. Реконструкция "академии": Теория и практика гендерных исследований в постсоветских обществах Текст. / И. Жеребкина // Гендерные исследования в России: Проблемы взаимодействия и перспективы развития: Материалы конференции. М., 1996.
52. Жеребкина, И. Феминистская теория 90-х годов: проблематизация женской субъективности Текст. / И. Жеребкина // Введение в гендерные исследования. Ч. I, СПб., 2001 – С. 49 – 80.
53. Жеребкин С. Забыть/помнить Фуко. Концепция психики власти Дж. Батлер // Дж. Батлер. Психика власти. СПб., 2002 – 12С.
54. Задоевко, Т.П., Шуин, Х. Основы китайского языка Текст. / М. Задоевко. – М., 1980.

55. Здравомыслова, Е.А., Темкина, А.А. Социальное конструирование гендера Текст. / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина // Социологический журнал, 1988 - № 3-4 – С. 171-182.
56. Земская, Е.А., Китайгородская, М.В., Розанова, Н.Н. Особенности мужской и женской речи Текст. / Е.А. Земская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. - С. 90-135.
57. Златоустова, Л.В. Просодические характеристики спонтанной и квазиспонтанной речи Текст. / Л.В. Златоустова // Когнитивная лингвистика конца XX века: Материалы Межд. науч. конф. Часть 1. Минск, 1997.
58. Иригарэ, Л. Пол, который не единичен Текст. / Л. Иригарэ // Введение в гендерные исследования. Ч.II: Хрестоматия. / Под ред. С.В. Жеребкина. - Харьков-СПб., 2001 – 127 – 136.
59. Калабихина И. Методология гендерного анализа Текст. / И. Калабихина // Феминизм и гендерные исследования. Хрестоматия. - Тверь, 1999.
60. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс Текст. / В.И. Карасик — Волгоград: Перемена, 2002. - 476 с.
61. Карташкова, Ф. И. Косвенная номинация в аспекте мыслительно-языковой деятельности Текст. / Ф.И. Карташкова. - Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003.
62. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность Текст. / Ю.Н. Караулов // М, 2007 - 264с.
63. Касьянова, К. О русском национальном характере Текст. / К. Касьянова - М.: Академический Проект, 2003г. - 560 с.
64. Киммел М. Гендерное общество Текст. / М. Киммел пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2006. – 464с.
65. Кирилина, А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации Текст. : дис. . док. фил. наук: 10.02.19. / А.В. Кирилина – М.: РГБ, 2000. – 369с.

66. Кирилина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты Текст. / А.В. Кирилина - М.: Изд-во "Институт социологии РАН", 1999. – 155с.
67. Кесьлевский, К. Драматургия действительности Текст. / К. Кесьлевский // Киноведческие записки. Москва - №98, 2011. – С.6-9.
68. Клецин, А. Дилеммы гендерной социологии Текст. / А. Клецин // Гендерные исследования: феминистская эпистемология в социальных науках. Харьков, 1998. – С. 178 – 193.
69. Клецина, И.С. Гендерная социализация Текст. / И.С. Клецина - СПб., 1998 – 92с.
70. Клименкова, Т.А. Философские проблемы неофеминизма 70-х гг Текст. / Т.А. Клименкова // Вопросы философии. №5, 1988. – С. 148 – 152.
71. Клюканов, И.Э. Динамика межкультурного общения: системно-семиотическое исследование: монография / И.Э. Клюканов. – Тверь, 1998. – 99с.
72. Колосова, О.А. Когнитивные основания языковых категорий. (На материале современного английского языка): дис. . док. фил. наук / О.А. Колосова – М.: РГБ 1996. – 325с.
73. Колшанский, Г.В. Паралингвистика Текст. / Г.В. Колшанский. - М., 1974. - 96 с.
74. Кон, И. С. Пол и тендер. Заметки о терминах / И.С. Кон [Электронный ресурс] - Систем. требования: IBM PC; Windows XP; Acrobat Reader 8.0.//Персональный сайт врача-сексолога. - Режим доступа: <http://sexology.narod.ru/publ037.html> (Дата обращения: 22.10.2013).
75. Кон, И.С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире / И.С. Кон [Электронный ресурс]. - Систем. требования: IBM PC; Windows XP; Acrobat Reader 8.0. – Режим доступа: <http://sexology.narod.ru/index.html>. - (Дата обращения: 22.07.2011).
76. Конечкая, В. П. Социология коммуникации Текст. / В.П. Конечкая: Учебник Изд-во МУБиУ, 1997 г. – 304с.

77. Коноваленко, И.В. Роль гендерного фактора в коммуникативном поведении женщин и мужчин Текст: дис. . канд. фил. наук: 10.02.01. / И.В. Коноваленко – М.: РГБ, 2003. – 136с.

78. Коногорова, А.В. Национальный социокультурный аспект концепта «Женщина» в разносистемных языках Текст: автореф. дис. . канд. фил. наук: 10.02.19. - Улан-Удэ, 2012. - 25 с.

79. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология Текст. / В.В. Красных : курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284с.

80. Крючкова, Т.Б. Некоторые экспериментальные исследования особенностей использования русского языка мужчиной и женщиной Текст. / Т.Б. Крючкова // Проблемы психоллингвистики, М. , 1975, - С. 186-200.

81. Крейдлин, Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации Текст. / Г.Е. Крейдлин – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 224с.

82. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной Текст.: дис. . док. фил. наук: 10.02.19 / Г.Е. Крейдлин. – М., 2000. – 386с.

83. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык Текст. / Г.Е. Крейдлин – М., 2002. С.592.

84. Крейдлин, Г.Е. Жесты глаз и визуальное коммуникативное поведение Текст. / Г.Е. Крейдлин // Труды по культурной антропологии - М., 2002, С. 236-251.

85. Кристева, Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики Текст. / Ю. Кристева - М., 2004 – 656с.

86. Крючкова, Т.Б. Некоторые экспериментальные исследования особенностей использования русского языка мужчиной и женщиной Текст. / Т.Б. Крючкова // Проблемы психоллингвистики. М., 1975. - С. 186-200.

87. Кузьменкова, Ю. ABCs of Effective Communication. Азы вежливого общения Текст. / Ю. Кузьменкова - Титул, 2001. – 112с.

88. Куликова, Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме Текст: Монография / Л.В. Куликова. Красноярск: Изд-во КГПУ им. В.П. Астафьева, 2006. - 392 с.
89. Куликова, Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретическое и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур Текст. / Л.В. Куликова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Монография – Красноярск, 2004. – 196с.
90. Куликова, Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении: монография / Л.В. Куликова. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 288 с.
91. Лакан, Ж. [Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда](#) Текст./ Ж. Лакан — М: Русское феноменологическое общество Логос, 1997. – 184с.
92. Лакофф, Р. Язык и место женщины Текст // Введение в гендерные исследования Ч. II. Хрестоматия. / Под ред. С.В. Жеребкина. - Харьков-СПб., 2001. – 784 – 799с.
93. Ларина, Т.В. Доминантные черты английского вербального коммуникативного поведения Текст. / Т.В. Ларина // Филологические науки. – 2007. – № 3. – С. 71-81.
94. Ларина, Т.В. Культурные ценности и их отражение в коммуникации Текст. / Т.В. Ларина // Международное сотрудничество в образовании. - Материалы III международной конференции 15-18 мая 2002. - Санкт-Петербург: СПбГТУ, 2002. - С.224-230.
95. Ларина, Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций Текст. / Т.В. Ларина. – М.: Языки славянских культур, 2009. –С.507.
96. Лебедева, Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию Текст: учебное пособие / Н.М. Лебедева. – М.: Ключ - С, 1999. – 224с.

97. Леонтович, О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения Текст: Монография / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2005. – 352с.
98. Леонтович, О.А. Россия и США. Введение в межкультурную коммуникацию Текст. / О.А. Леонтович - Волгоград: Перемена, 2003 - 399 с.
99. Леонтович, О.А Системно-динамическая модель межкультурной коммуникации между русскими и американцами Текст: / дис. . док. фил. наук: 10.02.20 / О.А. Леонтович – Волгоград, 2002. – 502с.
100. Лиотар, Ж.Ф. Состояние постмодернизма Текст. / Ж.Ф. Лиотар - СПб., 1998. – 160с.
101. Лорбер, Дж. Пол как социальная категория Текст. / Дж. Лорбер // THESIS. Женщина, мужчина, семья. М. - №6. - 1994.- 128с.
102. Лотман, Ю.М. Избр. ст.: В 3 т. Статьи по семиотике и типологии культуры Текст. / Ю.М. Лотман - Таллинн, 1992. – 479с.
103. Льюис, Ричард Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию Текст: Пер. с англ. / Ричард Д. Льюис [Электронный ресурс]. - Систем. требования: IBM PC; Windows XP; Acrobat Reader 8.0. – Режим доступа: <http://www.far-east-chinese.narod.ru> - (Дата обращения: 23.01.2012).
104. Манзуллина, З.А. Языковая категоризация гендерных стереотипов: сопоставительный аспект: на материале русского и французского языков Текст: дис. . канд. фил. наук: 10.02.20. / З.А. Манзуллина. — Уфа, 2005. – 176с.
105. Маслова, В.А. Введение в лингвокультурологию Текст: Учебное пособие / В.А. Маслова - М.: Изд-во «Наследие», 1997. - 208 с.
106. Маслов, А.А. Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения / А.А. Маслов [Электронный ресурс]. - Систем. требования: IBM PC; Windows XP; Acrobat Reader 8.0. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/265552/read> - (Дата обращения: 23.01.2012).

107. Малышев, В. Н. Пространство мысли и истоки национального характера Текст. / В. Н. Малышев – СПб.: Алетейя, 2009. – 216с.

108. Малявин, В.В. Тридцать шесть стратагем. Китайские секреты успеха Текст. / В.В. Малявин – М.: Белые альвы, 2000. – 192с.

109. Махлина, С. Семиотика культуры повседневности / С. Махлина [Электронный ресурс]. - Систем. требования: IBM PC; Windows XP; Acrobat Reader 8.0. – Режим доступа: http://www.syntone.ru/library/books/content/4432.html?current_book_page=4 - (Дата обращения: 23.01.2012).

110. Мезенцева, Е. Гендерная проблематика в экономической теории Текст. / Е. Мезенцева // Введение в гендерные исследования. Ч.1, СПб., 2001. – С. 238 – 276.

111. Микаберидзе, И.А. Национальная специфика тактильной коммуникации в русской и еврейской лингвокультурах / И.А. Микаберидзе [Электронный ресурс]. - Систем. требования: IBM PC; Windows XP; Acrobat Reader 8.0. – Режим доступа: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/VII/uch_2008_VII_00018.pdf - (Дата обращения: 23.01.2012).

112. Морозова, Е.Б. О понятии невербального этикета (к постановке проблемы) Текст. / Е.Б. Морозова // Московский лингвистический журнал. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. – Том 8. - №2. – С.73.

113. Нестерова, О.А. Современные коммуникативные практики в пространстве российско-китайского межкультурного взаимодействия Текст: дис. . док. филос. наук: 24.00.01 / О.А. Нестерова. – Москва, 2010. – 434с.

114. Нерознак, В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины Текст. / В. П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод: Сборник научных трудов. Сб. науч. тр. М.: Московский государственный лингвистический университет, 1996. — С. 112 — 116.

115. Очерк американского коммуникативного поведения Текст. / Под ред. Стернина И.А., Стерниной М.А. - Воронеж, 2001. – 206с.
116. Общая психоллингвистика Текст: Хрестоматия/сост. К.Ф. Седов. М., 2004. – 320с.
117. Павловская, А.В. Россия и Америка. Проблемы общения культур Текст. / А.В. Павловская - М., 1998. – 304с.
118. Полянская, М.А. Просодия английской фразы в речи носителей китайского языка Текст: дис. . канд. филол. наук: 10.02.20. / М.А. Полянская. – Владивосток, 2011. – 203с.
119. Панова, Р.С. Фонетическая интерференция в русской речи китайцев Текст. / Р.С. Панова // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22 (160). Филология. Искусствоведение. Вып. 33. С. 83-86.
120. Потапова, Р.К., Потапов, В.В. Язык, речь, личность Текст. / Р.К. Потапова, В.В. Потапов – М.: Языки славянской культуры, 2006. - 496с.
121. Прохоров, Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение текст. / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – М.: Наука: Флинта, 2007. – 328 с.
122. Рот, Ю., Коптельцева, Г. Встречи на грани культур: игры и упражнения для межкультурного обучения Текст: учебное пособие / Ю. Рот, Г. Коптельцева. – Калуга: ООО «Полиграф-Информ», 2001. – 188 с.
123. Рубин, Г. Обмен женщинами Текст. / Г. Рубин // Антология гендерной теории. - Минск, 2000.
124. Рябов, О. В. Национальная идентичность :Гендерный аспект. На материале русской историософии Текст: / дис. док. филос. наук: 09.00.11 / О.В. Рябов – Иваново, 2000 – 300с.
125. Рябов, О.В. межкультурная интолерантность: гендерный аспект / О.В. Рябов. [Электронный ресурс] - Систем. требования: IBM PC; Windows XP; Acrobat Reader 8.0. – Режим доступа: URL: <http://sens.ivanovo.ac.ru/olegria/> - (Дата обращения: 23.01.2012).

126. Рябов О.В. Свои и Чужие в межкультурном дискурсе: Гендерные аспекты / О.В. Рябов. [Электронный ресурс] - Систем. требования: IBM PC; Windows XP; Acrobat Reader 8.0. – Режим доступа: URL: <http://cens.ivanovo.ac.ru/olegria/>. - (Дата обращения: 23.01.2012).

127. Сергеева, А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность Текст./ А.В. Сергеева. – 5-е изд. - М.: Флинта: Наука, 2007. – 187с.

128. Сидихменов, В.Я. Китай: страницы прошлого Текст. / В.Я. Сидихменов. – Смоленск: Русич, 2000. – 325с.

129. Сиксу, Э. Хохот медузы Текст. / Э. Сиксу // Введение в гендерные исследования Ч. II. Хрестоматия. / Под ред. С.В. Жеребкина. - Харьков-СПб., 2001. – С. 799 – 822.

130. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты Текст: / дис. . док. фил. наук: 10.02.19 / Г.Г. Слышкин – Волгоград, 2004 – 323с.

131. Спендер, Д. Мужчина создал язык Текст. / Д. Спендер // Введение в гендерные исследования Ч. II. Хрестоматия. / Под ред. С.В. Жеребкина. - Харьков-СПб., 2001. – С. 759-775.

132. Стернин, И.А. Модели описания коммуникативного поведения Текст. / И.А. Стернин - Воронеж, 2000. – 27с.

133. Стернин И.А. Ларина, Т.В., Стернина, М.А. Очерк английского коммуникативного поведения Текст. / И.А. Стернин. – Воронеж: 2003, 185с.

134. Стернин, И.А. Русское и немецкое коммуникативное поведение и проблема межкультурной коммуникации Текст. / И.А. Стернин // Межкультурная коммуникация: парадигмы исследования и преподавания: мат. междунар. науч.-практич. конф. – Красноярск, 2003. – С. 63 – 102.

135. Стернин, И.А. Русская невербальная коммуникация (на фоне немецкой) Текст. / И.А. Стернин // Русское и немецкое коммуникативное поведение. Вып.1 – Воронеж: Истоки, 2002. – 180с.

136. Стернин, И.А. К разработке модели контрастивного описания национального коммуникативного поведения Текст. / И.А. Стернин // Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Н.А. Красавского. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 5 – 29.

137. Сухова, Н.В. Взаимодействие просодии и невербальных средств в монологической речи Текст: дис. . канд. филол. наук: 10.02.04. / Н.В. Сухова. – М., 2004. – 166с.

138. Табурова, С.К. Эмоциональный уровень мужской и женской языковой личности и средства его выражения: на материале пленарных дебатов Бундестага Текст: дис. канд. фил. наук: 10.02.19. / С.К. Табурова – М., 1999. – 214с.

139. Тань, Аошуан Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность Текст / Тань, Аошуан - М.: Языки славянской культуры, 2004. – 232 с.

140. Тарасова, О. Н. Гендерная специфика поведения человека в аспекте взаимодействия вербальных и невербальных компонентов коммуникации :На материале англоязычных художественных текстов Текст: дис. . канд. фил. наук: 10.02.04, 10.02.19. / О.Н. Тарасова. - Иваново, 2006. – 208с.

141. Тарасов, Е. Ф. Проблемы теории речевого общения Текст: автореф. дис. . д-ра. филол. наук: 10.02.19. / Е.Ф. Тарасов. - РАН: Ин-т языкознания. — М., 1992. — 55 с.

142. Тарасов, Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания Текст. / Е.Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 7 – 22.

143. Тарасов, Е.Ф. Место речевого общения в коммуникативном акте Текст. / Е.Ф. Тарасов // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 67 – 95.

144. Тарасов, Е.Ф. Проблемы анализа речевого общения / Е.Ф. Тарасов // Общение. Текст. Высказывание. – М., 1989. – 175.
145. Тарасов, Е.Ф. Социальное взаимодействие в речевом общении Текст. / Е.Ф. Тарасов: мат. IV Всесоюзн. симпоз. по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1972. – С. 8–15.
146. Тарасов, Е.Ф. Социальный символизм в речевом поведении Текст. / Е.Ф. Тарасов // Общая и прикладная психолингвистика. – М., 1973. – С.36 – 53.
147. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингво-культурологический аспекты Текст. / В.Н. Телия — М.: Языки русской культуры, 1996. — 286 с.
148. Тен, Ю.П. Культурология и межкультурная коммуникация Текст. / Ю.П. Тен. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 328с.
149. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики Текст. / С.Г. Тер-Минасова. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 286с.
150. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация Текст. / С.Г. Тер-Минасова — М.: СЛОВО/ STOVO, 2000, —262 с.
151. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие Текст. / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000 – 624с.
152. Тертицкий, К.М. Китайские синкретические религии в XX в.: дис. . док. истор. наук: 07.00.03. / К.М. Тертицкий – М.: РГБ, 2001. – 359с.
153. Ткаченко, Г.А. Культура Китая от А до Я Текст. / Г.А. Ткаченко. – АСТ, Восток-Запад, 2008. – 352с.
154. Токарева, Е.Н. Специфика выражения оценки в гендерном дискурсе Текст: дис. . канд. филол. наук: 10.02.04. / Е.Н. Токарева. – Уфа, 2005. – 204с.
155. Торсуев, Г.П. Фонетика английского языка Текст. / Г.П. Торсуев. — М., 1950. -332 с.

156. Фомин, А.Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности Текст: дис. . д-ра. филол. наук: 10.02.19. / А.Г. Фомин. – Барнаул, 2004. – 357с.
157. Фомиченко, Л.Г. Когнитивные основы просодической интерференции Текст: дис. . док. филол. наук: 10.02.04 / Л.Г. Фомиченко. – М., 1998 – 357с.
158. Фуко, М. Говорящий пол (сексуальность в системе микрофизики власти) Текст. / М. Фуко // Современная философия. №1, 1995. – 157с.
159. Уфимцева, Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания Текст. / Н.В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания. —М., 1996. — С. 139—162.
160. Уфимцева, Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских Текст. / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – С. 135–170.
161. Уэст, К., Зиммерман, Д. Создание гендера Текст. Пер. с англ. // Гендерные Тетради. СПб.: Труды СПбФ ИС РАН. Под ред. Клецина А. Вып. Первый, 1997. - С.94-124.
162. Халеева, И.И. О гендерных подходах к теории обучения языкам и культурам Текст. / И.И. Халеева // Известия Российской академии образования. - 2000. - №1. – С. 11 – 18.
163. Хубер, Дж. Теория гендерной стратификации Текст. // Антология гендерной теории. /Под ред. Е.Гаповой и А.Усмановой. Минск, «Пропилеи», 2000, - С. 77-99.
164. Хофстеде, Г. [Электронный ресурс] - Систем. требования: IBM PC; Windows XP; Acrobat Reader 8.0.//Персональный сайт - Режим доступа: <http://geert-hofstede.com/countries.html> (Дата обращения: 24.11.2013).
165. Чугаева, Т.Н. Звуковой строй языка в перцептивном аспекте (экспериментальное исследование на материале английского языка) Текст:

автореф дис. . док. фил. наук: 10.02.19 / Т.Н. Чугаева. - Санкт – Петербург, 2008. – 44с.

166. Шаховский, В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология Текст./ В.И. Шаховский - М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 128с.

167. Шевченко, Т.И. Социальная дифференциация английского произношения Текст. / Т.И. Шевченко - М.,1990. - 201с.

168. Шоре, Э., Хайдер, К., Зверева, Г. Пол. Гендер. Культура: немецкие и русские исследования Текст. / Э. Шоре - М: РГГУ, 2009 – 530с.

169. Argile, M. The psychology of interpersonal behaviour Text. / M. Argile - Baltimore, Md.: Penguin Boob, 1967, p. 32-116.

170. Birdwhistell, R.L. Kinesics and context Text. / R.L. Birdwhistell – Philadelphie: Univ. of Pensylvania, 1970, 315p.

171. Bem, S.L. The measurement of psychological androgyny Text. / S.L. Bem // Journal of Consulting and clinical Psychology, 1974. – Vol. 42. – P. 155 – 162.

172. Bem, S.L. Gender Schema Theory. A cognitive account of sex typing Text. / S.L. Bem // Psychological review, 1981, P. 354 – 364.

173. Bem, S.L. The lenses of gender: Transforming the debate on sexual inequality Text. / S.L. Bem - New Haven, CT, Yale University Press, 1993.

174. Bolten, J. Interkulturelle Kompetenz Text. / J. Bolten - Erfurt, 2001.

175. Braidotti, R. Nomadic Subjects Text. / R. Braidotti - New York: Columbia Univ. press, 1994.

176. Brosnahan, L. Russian and English nonverbal communication Text. / L. Brosnahan - М, 1998. – 120 p.

177. Brown, Penelope and Stephen Levinson. Universals in language usage: politeness phenomena Text. / P. Brown // Ester Goody (ed.). Questions and Politeness: strategies in social interaction. New York: Cambridge University Press, 1978.

178. Butler, J. Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity Text. / J. Butler - London & New York., 1990.
179. Cameron, D. and Coates, J. Some Problems in the Sociolinguistic Explanations of Sex Differences, Language and Communication Text. / D. Cameron. - N5, (3), 1985, p. 143-151.
180. Clifton, A.K., McGrath, D., & Wick, B., (1976) , Stereotypes of Woman: a Single Category? Text. / A.K. Clifton // Sex Roles 2, 1976. - P. 135 148.
181. Cranach, M. The role of orienting behavior in human interaction Text. / M. Cranach // A. H. Esser (ed.) Behavior and environment: The use of space by animals and men. New York: Plenum Press, 1971.
182. Duncan, S., Fiske, D. W. Face-to-face interaction: Research, methods, and theory Text. / S. Duncan - Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum, 1977.
183. Exline, R. V. Visual interaction: The glances of power and preference Text. / R.V. Exline // H J. Cole (ed.) Nebraska Symposium on Motivation (vol. 19). Lincoln: Univ. of Nebraska Press, 1972. – P. 163 - 206.
184. Edinger, J., Patterson, M. Nonverbal involvement and social control Text. / J. Edinger – Psychol. Bull., 1983, v. 91, № 1, P. 26-56.
185. Efron, D. Gesture and environment Text. / D. Efron. - N.-Y.: King's Crown Press, 1941. - 214 p.
186. Ellsworth, P., Carlsmith, J.M. Effects of eye contact and verbal content on affective response Text. / P. Ellsworth – J. of Personal and Soc. Psychol., 1968 - v. 10. - P. 15-20.
187. Ekman, P. Face muscles talk every language Text. / P. Ekman // Psychology today, 1979 - №9 - P. 39.
188. Ekman, P., Friesen, W. Nonverbal leakage and clues to deception Text. / P. Ekman // Psychiatry, 1969 - v. 32 - P. 88-106.
189. Fast, J. Body language Text. / J. Fast – N.Y.: Pocket books, 1971. – 311p.
190. Fast, J. Eyes have a language of their own Text. / J. Fast – Family Health, 1979 - №4 - p. 23-25.

191. Garfinkel, H. *Studies in Ethnomethodology Text.* / H. Garfinkel - Englewood Cliffs, N.J.:Prentice-Hall , 1967.
192. Giddens, A. *Sociology Text.* / A. Giddens. - Polity Press, 1994.
193. Coutts, L. M. & Schneider, K. W. *Visual behavior in an unfocused interaction as a function of sex and distance Text.* / L.M. Coutts // *Journal of personality and social psychology*, 1975. - №11 – P. 64 - 77.
194. Goffman, E (1997). *Gender Display. From «Gender Advertisements: Studies in the Anthropology of Visual Communication» Text.* / E. Goffman // *Goffman Reader.* Lemert, C. and Branaman, A. Blackwell Publ, 1997. - P. 208-227.
195. Gudykunst, W.B.: *Intercultural Communication: Current Status and Proposed Directions Text.* / W.B. Gudykunt // Dervin, B.;Voigt, M.J. (Hrsg.), *Progress in Communication Sciences.* Norwood, NJ. 1985. – P. 1-46.
196. Gudykunst, William B. (Hrsg.): *Intercultural Communication Theory. Current Perspectives Text.* / W. B. Gudykunst - Newbury Park, 1983.
197. Gumperz, J.; Hymes, Dell (Hrsg.): *Directions in Sociolinguistics Text.* / J. Gumperz - New York, 1972. - 35–71.
198. Gunthner, Susanne, Kotthoff, Helga (Hrsg). *Von fremden Stimmen. Weibliches und mannliches Sprechen im Kulturvergleich Text.* / S. Gunthner - Frankfurt a. Main, 1991. - 369 s.
199. Hall, E. T. 1959: *Silent Language Text.* / E.T. Hall - Garden City, NY, 1973.
200. Hall, E. T. *Monochronic and Polychronic Time Text.* / E.T. Hall // *Samovar / Porter*, 1997 - P. 277–284.
201. Hall, E. T. *Proxemics Text.* / E.T. Hall // *Current Anthropology* 9,2–3, 1968 – P.83–95.
202. Hall, Edward T. *Beyond Culture Text.* / E.T. Hall - New York, 1977.
203. Hall, Edward T. *The Dance of Life. The Other Dimension of Time Text.* / E.T. Hall - New York, 1983.
204. Hall, E.T. *The hidden dimension Text.* / E.T. Hall – N.Y.: Doubleday and Co., 1966. – 270p.

205. Hall, J.A. Gender, Gender-Roles and Nonverbal Communication Skills Text. / J.A. Hall // Skills in Nonverbal Communication: Individual Differences. Cambridge, 1979.
206. Hinnenkamp, Volker Die Stilisierung von Ethnizität Text. / V. Hinnenkamp // In: Hinnenkamp, V. Margret Selting (Hg.) Stil und Stilisierung, 1989.
207. Hirdman, Y. 1991. The Gender System Text. / Y. Hirdman // T. Andreasen, et al. (Eds.) Moving on. New Perspective on the Women's Movement. Aarhus Univ. Press, 1991. - P. 208-220.
208. Hirshman, L. Analysis of Supportive and Assertive Behaviour in Conversations Text. / L. Hirshman // paper presented at a meeting of the Linguistic Society of America, July, 1974.
209. Hofstede, Geert H. Cultures and organizations: Software of the mind Text. / Geert Hofstede and Gert Jan Hofstede - New York, McGraw-Hill, 2005. - 434p.
210. Hymes, D. Models of the Interaction of Language and Social Life Text. / D. Hymes // Directions in Sociolinguistics: the Ethnography of Communication. NY: Holt, Rinehart, and Winston, 1972.
211. Kendon, A. Some functions of gaze direction in social interaction Text. / A. Kendon. -Acta psychologica, 26 - 1967. – P.22-63.
212. Kluckhohn, F.R.; Strodtbeck, F.L.: Variations in Value Orientations Text. / F.R. Kluckhohn - New York, 1961.
213. Knapp, Karlfried: Schwarz ist weiß, ja heißt nein Text. / K. Knapp // In: Wierlacher, A. /C. Albrecht (Hrsg): Fremdgänge. Inter Nationes, Bonn, 1998.
214. Knapp, M. L. Nonverbal communication in human interaction Text. / M.L. Knapp. - New York: Holt, Rinehart & Winston, 1972.
215. Kramer, C. Perceptions of Male and Female Speech, in Language and Speech Text. / C. Kramer - N20 – 1977 - P.151 - 161.
216. Lakoff, R. Language and Women's Place: Text and commentaries Text. / R. Lakoff - Revised and expanded edition. New York: Harper, 1975. – 174p.

217. Leeds-Hurwitz, Wendy Notes in the History of Intercultural Communication: The Foreign Service Institute and the Mandate for Intercultural Training Text. / W. Leeds-Hurwitz // Quarterly Journal of Speech - №76 - 1990 P. 262–281.
218. Maltz, Daniel, Borker, Ruth A Cultural Approach to Male-Female Miscommunication Text. / D. Maltz // Gumperz, John (ed.): Language and Social Identity. Oxford, 1982 – P. 281-312.
219. Maltz, D.N. and Borker , R.A. A Cultural Approach to Male Female Miscommunication Text. / D. Maltz // in Gumperz , J.J. (ed.) Language and Social Identity, Cambridge, Cambridge University Press, 1982.
220. Max, Niemeyer Verlag Tübingen Text. / N. Max - 1989. - S. 253–291.
221. McDaniel, E., Andersen, P.A. International Patterns of Interpersonal Tactile Communication: A Field Study Text. / E. McDaniel // Journal of Nonverbal Behaviour. Vol. 22. - №1. – 1998 - P. 59 – 76.
222. Mead, Margaret. Male and Female: The Classic Study of the Sexes Text. / M. Mead – 1949 - 477 p.
223. Mehrabian, A. Relationship of attitude to seated posture, orientation and distance Text. / A. Mehrabian // J. of Personality and Soc. Psychol., 1963 - v. 10 - p. 26-30.
224. Montegu, A. Touching: The human significance of skin Text. / A. Montegu. - New York: Harper & Row, 1971.
225. Penelope, J., Speaking Freely Text. / J. Penelope - New York: Pergamon Press, 1990.
226. Pease, A. Body Language Text. / A. Pease – London: Sheldon Press, 1988. – 148p.
227. Redder, A., Rehbein, J. Zum Begriff der Kultur Text. / A. Redder // DIES. (Hg.): Arbeiten zur interkulturellen Kommunikation. Osnabrück: Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie - №38 – 1987 - S. 7–21.

228. Roth, J., Roth, K. Interkulturelle Kommunikation Text. / J. Roth // Brednich, Rolf W. (Hg.): Grundriß der Volkskunde: Einführung in die Forschungsfelder der Europäischen Ethnologie. Sonderdruck. Berlin, 2001.

229. Samovar, L.A., Porter, R.E., Jain, N.C., Understanding Intercultural Communication Text. / L.A. Samovar - Wadworth Pub. Comp., Belmont, Cal., 1981.

230. Samovar, Larry A.; Porter, R.E. Communication between Cultures Text. / L.A. Samovar - Belmont 1991.

231. Sex Differences : Social and Biological Perspectives, New York, Garden City, Anchor Press, 1976.

232. Tannen, D. You just don't understand Text. / D. Tannen. - New York : Ballantine, 1990.-176 p.

233. Thomas, Alexander Psychologie interkulturellen Lernens und Handelns Text. / A. Thomas // Kulturvergleichende Psychologie. Eine Einführung. Göttingen 1993. - S. 377- 424.

234. Triandis, H. C. Culture and social behaviour Text. / H.C. Triandis – New York, 1994.

235. West, C and Zimmerman, D.H., Small Insults: a Study of Interruptions in Crosssex Conversations between Unacquainted Persons Text. / C. West, D.H. Zimmerman // Thome, B., Kramarae, C., and Henley, N., (eds) Language, Gender and Society, Rowley, Mass. Newbury House, 1983.

Словари

236. Григорьева, С.А., Григорьев, Н.В., Крейдлин, Г.Е. Словарь языка русских жестов Текст / С.А. Григорьева, Н.В. Григорьев, Г.Е. Крейдлин – М. Языки русской культуры, 2001. - 256с.

237. Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. — М.: Региональная общественная организация "Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты": Информация XXI век, 2002. — 256 с.

238. Гендерный глоссарий [Электронный ресурс]. - Систем. требования: IBM PC; Windows XP; Acrobat Reader 8.0. – Режим доступа: <http://www.gender.ru/glossary/article> - (Дата обращения: 1.12.2013).

Художественные фильмы на русском языке

- 239. Звягинцев, Андрей Возвращение. Драма, 2003.
- 240. Златопольский, Вячеслав Дом ветра. Драма, 2011.
- 241. Мизгирев, Алексей Бубен, барабан. Драма, 2009.
- 242. Михалков, Никита Утомленные солнцем. Драма, 1994.
- 243. Михалков, Никита Утомленные солнцем 2. Драма, 2010.
- 244. Смирнов, Андрей Жила-была одна баба. Драма, 2011.
- 245. Фирсова, Татьяна Птицы небесные. Драма, 2005.

Художественные фильмы на английском языке

- 246. Cox, Alex Revenger's Tragedy. Drama, 2002.
- 247. Frears, Stephen The Queen. Drama, 2006.
- 248. Harding, Sarah Pollyanna. Drama, 2003.
- 249. Hooper, Tom The King's Speech. Drama, 2010.
- 250. Kotcheff, Ted Life at the Top. Drama, 1965.
- 251. Strong, James United. Drama, 2011.
- 252. Wright, Joe Atonement. Drama, 2007.

Художественные фильмы на китайском языке

- 253. Fang, Gangliang Shang xue lu shang, 2004.
- 254. Hu, Mei Kong Zi, 2010.
- 255. Jay, Chou Bu neng shuo de. mi mi, 2007.
- 256. Jia, Zhangke Zhantai, 2000.
- 257. Xiaosong, Gao Da wu sheng, 2011.
- 258. Yang, Chang Xizao, 1999.